

9(с2)

с47

Славченко М.

Организация хозяйства

Украины 4.1

хоз-во ГЕТМАНИЩИНЪІ — Земле-
делие и спорни сельскаго хоз.

AP

75270

1113-29.11.03

314-24.04.04

1593-7.12.04

665-4.02.05

843-24.08.06

1160-8.12.07

HIBLY

(С 2)
47

Проф. М. Слабченко

Организация хозяйства Украины

от Хмельницыны
до мировой войны

Том I

Землевладение и формы
сельского хозяйства Гетманщины
в XVII-XVIII стол.

Государственное Издательство Украины
Одесса—1922

LIBRARY

Проф. М. Е. СЛАБЧЕНКО

ОРГАНИЗАЦИЯ ХОЗЯЙСТВА УКРАИНЫ

ОТ ХМЕЛЬНИЩИНЫ ДО МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ХОЗЯЙСТВО ГЕТМАНЩИНЫ
в XVII—XVIII столетиях

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ
ОДЕССА—1922

3010.

Спец.

Проф. М. Е. СЛАБЧЕНКО

М-214 см. 1948 р.
Спец. фонд

9102
С47

ХОЗЯЙСТВО ГЕТМАНЩИНЫ

в XVII—XVIII столетиях

ТОМ ПЕРВЫЙ

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ФОРМЫ
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

25622
75270

10
Р

75270

Державна історична
БІБЛІОТЕКА УРСР

48

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ
ОДЕССА—1922

історична
Бібліотека
УРСР

Р. Ц. 787.—Зак. № 493-1380.—5000 экз. 3 Гос. тип.
Одесса, 1922.

Предлагаемая работа имеет целью дать анализ экономического и правового строя Украины от Хмельнищины до мировой войны. Такой труд, где должны найти освещение сложные вопросы экономической и правовой истории Украины на протяжении двух с половиною столетий, потребует работы еще многих исследователей; то, что предлагается сейчас нами, есть попытка подойти к вопросу вплотную с историко-материалистическим методом изучения.

Хозяйство Украины в своем развитии в исследуемый период — от 1648 до 1914 года — прошло несколько этапов. Первый из них, Хмельнищина, порвал с панско-феодальным строем Польши, позднее павшей от неумения изжить его и итти в ногу с общим европейским хозяйственно-правовым укладом. Хмельнищина положила начало новому экономическому и правовому процессу, прошедшему фазы торгового капитализма, крепостного права и буржуазно-капиталистического строя, потрясенного и уничтоженного революцией 1917 г. В своем поступательном движении хозяйство Украины не было изолированным; оно составляло необходимое звено в цепи европейских хозяйств — изменения в хозяйстве одной какой-либо европейской страны влияли на взаимное расположение и значение остальных звеньев всей цепи, в их числе и на украинское хозяйство; то же и наоборот. Местные производственные факторы создавали, разумеется, известное своеобразие для украинского хозяйства, но это своеобразие не вырывало страны из общего экономического концерта, не ставило ее в положение исключительное. Это одинаково верно для всех стадий, какие проходило хозяйство Украины.

Революционный шквал, охвативший Украину XVII столетия, потряс и всю Европу. Со всех концов ее — из Англии, Франции, немецких земель, Голландии, Швеции, Московии — на Украину устремляются корреспонденты, гонцы и дипломаты для нащупывания экономического грунта, установления хозяйствен-

ных вообще и торговых в частности отношений. В течение XVIII столетия Украина экономически инкорпорируется в составе России, но ее хозяйственные ресурсы не остаются без внимательного изучения со стороны представителей иностранного капитала, переносящего на территорию Украины в течение XIX столетия свои золотые фонды, забрасывающего ее товарами и строящего здесь свои предприятия.

Классовые антагонизмы внутри страны проявлялись на протяжении всего изучаемого периода достаточно резко. Крупный капитал с самого начала оказался в руках командующего старшинско-шляхетского класса, сконцентрировавшего у себя и распределение. Располагая властью—ибо оно располагало средствами—шляхетство в конце XVIII стол. уже не довольствуется территорией Гетманщины, но распространяет свои аппетиты на соседнюю территорию «Запорожских Вольностей». Вопреки утверждениям всех исследователей истории Запорожского края, последний не представлял оазиса в общем экономическом строе Восточной Европы. Наоборот, с различными суверенными и несуверенными народами и их отдельными провинциями Запорожье состояло в оживленных сношениях и конструировало свое хозяйство по их образу и подобию. Не только в Вольностях, но даже в самой Сечи шла борьба между классом эксплуатируемым и классом командующим, сосредоточившим в своих руках землю и торговлю и только не культивировавшим обрабатывающей промышленности в виду явной невозможности конкурировать с привозными товарами. Командующий класс встречал известное противодействие со стороны своего естественного противника—«сиромы», но зато находил поддержку в дружественных панях Гетманщины, глава которой Разумовский подчинил себе Сечь в военном и административном отношениях, как потом Румянцев и Потемкин и совсем инкорпорировали Вольности в составе остальной Украины и России.

Инкорпорация Запорожья повела за собою значительные изменения во всей хозяйственной конструкции Украины. Благодаря ей появляются новые экономические центры, ближе к югу; эти центры перемещаются, передвигаясь с северной Украины к полуденному Кременчугу и Переволочной. Обилие земель к полудню от Гетманщины вызывает отлив ее населения в прежние Вольности. Чтобы не оставить поместий без рабочих рук, приходится прибегнуть к введению крепостного права в Гетманщине,

а это, в свою очередь, ведет к устремлению украинских масс на юго-восток и к Черному морю.

Потоком увлекается и состоявшее за Польшою Правобережье, втянувшееся в общий хозяйственный оборот Украины.

Не осталась в стороне и Слободская Украина, игравшая роль посредника между Югом и Великороссией, и ее экономические центры также передвигаются к самым берегам Черного моря.

Так в ходе экономического процесса объединяется Украинская территория. XIX век застает, таким образом, Украину объединенной. В течение шести десятков лет она переживает пору оседания новых элементов и организуется на основе крепостного права, а после крестьянской реформы быстро переходит на путь промышленного развития и капитализма.

Таковы, в самых общих чертах, веки, по которым можно проследить связь хозяйства Украины с общим мировым хозяйством на протяжении исследуемого исторического периода.

Осуществление задачи, поставленной себе автором, оказалось сопряженным с немалыми трудностями и методологического и фактического характера.

В ходе работы автору пришлось подвергнуть рассмотрению много мелких вопросов впервые, а выводы, к которым уже пришли некоторые исследователи, пересмотреть и переоценить. Это нужно было сделать потому, что для прошлого и настоящего Украины почти не существует работ ни в области экономики, ни в области права. Самые источники не только не изучены и не описаны, но даже не собраны. Между тем, необходимость особо критического, осторожного подхода и оценки источников, помимо обще-научных соображений, подсказывается еще и важностью и жизненностью темы работы. Вопросы взаимоотношения хозяйства и права, экономики и надстроек над нею—в наше время острых и решительных столкновений труда с капиталом приобретают особо серьезное значение, более серьезное, чем когда бы то ни было, и притом значение не только теоретическое, но и практическое. Освещение этих взаимоотношений на Украине, где сплелись в причудливый клубок самые противоречивые, разноклассовые интересы, представляет важнейшую задачу, без решения которой не может быть поставлено на твердую почву изучение истории Украины во всей ее полноте.

Первоначально работа задумана была в сравнительно небольших рамках полкового хозяйства Украины XVII—XVIII стол., но затем понемногу разрослась и распространилась на хозяйственный уклад всей Гетманщины, Запорожской области, и, наконец, рамки раздвинулись и на XIX и XX стол. Распадается монография на 5 частей: Левобережная Украина XVII—XVIII ст., Запорожье, Правобережная Украина XVII—XVIII стол., Украина до 1861 г. и после крестьянской реформы. Первая часть работы, в свою очередь, распадается на 6 томов: землевладение в связи с сельским хозяйством, старая украинская фабрика, торговый капитализм, организация хозяйства Гетманщины и публичное хозяйство Старой Украины. Первый том этой части посвящен вопросу о мобилизации земли, экспроприации населения Гетманщины, истории и формах землевладения и сельского хозяйства.

Что касается литературы, то она весьма незначительна. На первом месте здесь необходимо поставить полуобработанный материал Лазаревского в его знаменитых «Описаниях Старой Малороссии», где часто можно встретить небольшие монографии по разным вопросам. Затем идут небольшие работы проф. Лучицкого, А. Ефименко, акад. Багаля, В. Барвинского. Много всякого рода заметок разбросано в «Киевской Старине», «Записках Наукового Товариства ім. Шевченка у Львові», «Записках Харьковского Университета», «Чтениях в Обществе Нестора Летописца» и др.

Источники, какие приходилось привлекать к изучению, не отличаются обилием. В большинстве случаев это уже опубликованный материал в виде «Полного Собрания Законов», «Прав, по которым судится малороссийский народ», «Актów Южной и Западной России», «Генеральных следствий полков», актовъ книг, фамильных архивов, дневников, летописей и т. д. Неопубликованный материал использован в незначительной степени и собран мною во время занятий в Харьковском, Киевском и Одесском (Запорожском) архивах.

М. С.

ГЛАВА I.

Если взглянуть на карту Украины XVII стол. Боплана, то перед нами развернется громадная равнина, которую в направлении с севера на юг прорезывает Днепр с массою притоков, на восток поднимаются незначительные отроги вдоль Донца, к северу раскинулись шатрами то густые, то редкие леса, с запада несет свои бурные воды Днестр, а на юге, между Прутом и нижним течением Днепра, легли бесконечные степи, представлявшие в своей юго-восточной и южной части почти необитаемую пустыню, размеров которой никто не знал, но плодородие коей было хорошо известно. Шевалье в своей вышедшей в 1663 г. и посвященной описанию борьбы Украины с Польшею истории писал об Украине: «l'Ukraine est un pays très fertile... et la terre pour peu qu'elle soit cultivée y rapporte tout de grains toutes fortes que les habitants ne sçauent le plupart du temps qu'en faite». Французский историк подчеркивал изобилие страны дичью всякого рода, рыбу, мясом, злаками и т. п.¹⁾ И восхищение его не являлось отзывом случайного человека. Иностранцы, каким приходилось жить или хоть проезжать по Украине, передавали то же самое. Украина считалась золотым дном, странюю сказочных богатств, где достаточно было только слегка копнуть почву, чтоб брызнули золотые потоки, открылись неслыханные клады и безнадежный бедняк мог стать крезом. Страна текла молоком диких коз, которых тут никто не доил, и потому удой лился сам собою на дикие травы; текла она и медом диких пчел, клавших свои соты прямо в землю. Понятно, сюда, в этот безмерно богатый край, лежавший впусте в отдалении от культурных центров, в эти прикрытые сказочным флером «дикие поля», бросались и гордые польские паны ради легкой добычи и поправления расстроенных дел, и дерзкие авантюристы, которыми кишела старая Польша, и всякая мелкая сошка, думавшая увернуться от наседавшего крупного земельного капитала, и диссиденты немецких земель, и воинственные кнехты, предлагавшие за хорошую плату

¹⁾ Chevalier, Hist., I, 27.

свои услуги, и пр. Всем доставляли украинские степи и рощи свой приют, убежище, средства к жизни, бранную славу, свободу веры. После Торнского мира, открывшего Польскому государству доступ к Балтийскому морю и втянувшего польское хозяйство в интенсивные связи с Западной Европой, заселение украинской равнины понеслось широким потоком. Через Балтику стало вывозиться украинское зерно и разное сырье. Надлежало спешить апроприировать вольные степи и засеять их. Воинский труд потускнел, стал тратить свое обаяние. Былые воины превращались в пахарей. Государство отказывалось от бряцанья оружием своих граждан. Наемные войска пришли на смену пышной шляхте, и она сошла с высоких кавалерийских седел на ждавшую обработки жирную землю. Началось наступление на степь «косою и ралом». И королевское правительство, и отдельные магнаты начали «вдираться в дикие поля». То тут, то там стали подниматься «замечки» для прикрытия мирных земледельцев от набегов со стороны «неприятелей веры христовой». По холмам и курганам фронтом на юг и восток смотрели укрепления, готовые к отражению диких гостей. На Западе жизнь кипела жаждою наживы, завязывались сношения с далекою Америкою, мореплавание перебросилось на океаны, горы американского благородного металла вели к рождению и росту обрабатывающей промышленности, — на Востоке в это время добывали сырье, перебрасывали его чрез В. Пруссию во Францию, Англию, Испанию и др. государства. Добытое в одном месте перерабатывалось и обрабатывалось в другом и разбрасывалось по целому свету. Восток и Запад жили в тесном контакте. И только географическое положение влияло на роды и виды труда. В Восточной Европе с ее бесконечным черноземом и тучными пастбищами занимались сельским хозяйством, предоставивши остальное Европе Западной. Земледельческий труд в «диких полях» был выгоднее всякого иного. Это рано поняли в Польше и устремились со всею энергиею на обработку земли; юркие западные посредники, явившиеся в Польшу, подсказывали, что нужно было Зап. Европе ¹⁾. Для более успешной эксплуатации земельных богатств польские власти не мешали «захожим людям» организовываться по их желанию. Одни пришельцы размещались и трудились по образцу древне-польского или русско-украинского права, жили громадами; другие предпочитали вести скотоводческое хозяйство и жили по принципам волошского права ²⁾; третьи предпочитали устроиться и работать по правилам

¹⁾ *Bibl. Warsz.*, 1878, I, 353—81; Грушевский, *Бар. стар.*, 75—79.

²⁾ *Maciejowski*, *Hist. włośc.*, 13, 19, 23, 27, 54—55.

господско-подворного немецкого права, с его трехпольем, принудительным севооборотом и панской юрисдикцией и т. д. Последняя система понемногу осилила другие. Она была удобнее и в финансовом отношении (обложение всех земель), и в административном и судебном (разгрузка государственных установлений от массы мелких дел), и в военном, и в чисто-хозяйственном (правильное распределение земли на участки, интенсивная обработка при помощи появившегося глубоко-врезающего земной покров плуга, точный учет рабочих, их труда, размеров засева и сбора урожая, правильная трехпольная система и рациональное размещение рабочих рук, а также отчетливость в ведении хозяйства). Подворное, или фольварочное, хозяйство имело за собою все плюсы использования земледельческого труда полностью и легкого управления им. При надлежащей постановке не оставалось необработанных земель, что сулило громадные барыши землевладельцу. Это тем более было важно, что Польша вступала в период национального хозяйства, отказавшись от интересов ближайших, или городских, рынков. Но выполнение задачи шло неровно, с перебоями, вызывавшимися то внешними событиями, то внутренними потрясениями, и самая колонизация апроприировавшихся местностей протекала скачками. В северной полосе Украины, изобиловавшей лесами, заселение шло наиболее правильно и велось, главным образом, шляхтой, стремившейся к немедленной эксплуатации лесов в виде мачтового и резного дерева, поташа, золы, смольчуга, сплавлявшегося немецким фирмам ¹⁾. В южной части заселение и обработка земель находились в руках короны и крестьянских масс; в дальнейшем захваченные и обработанные земли переходили в руки того же шляхетства, культивировавшего систему фольварочного хозяйства. Правительственное заселение проходило под флагом раздачи земель панам, землянам и боярам «в службу» и «в отчину». Получившие от правительства землю обязывались заселить «данные им добра», ввести в них правильное хозяйство и защищать его при помощи раскинутых по линии заселения замечков ²⁾. Под прикрытием последних шла свободная, никем и никак не регулируемая крестьянская колонизация. Юридически она не могла быть допущена. Но легальный выход состоял в том, что захватываемые крестьянами украинские земли считались правительственными и номинально состояли во владении королевских ленников, которые твердо помнили

¹⁾ Грушевський, Студії з екон. іст., 43, 45—46.

²⁾ О роли замечков в истории колонизации Украины см. Киев. Ун. Изв., 1890, кн. III.

правило: «*nulle terre sans seigneur*»¹⁾). Разбивать всю колонизационную работу, как делал Ир. Житецкий, по определенным шаблонам не приходится, ибо просачиванье населения в глубину степей шло стихийно, независимо от дирижерской палочки. Колонизация была следствием условий, независимых от воли и предположений того или иного лица. Задолго до аграрных реформ XVI стол. население местностей, соседних с «дикими полями», не отказывалось от удовольствия и соблазна проникнуть в богатые степи. Смелые севруки били там птицу и коз, ловили бобров и рыбу. Население не отделяло себя от степей и не страшилось вести там свое хозяйство. Проф. Владимирский-Буданов был совершенно прав, говоря, что в первый, наиболее ранний, период движения на степь и апроприации диких полей происходила в них не колонизация, а заводились «уходы» или «ухожай». Все же систематическое и правильное заселение земельных просторов как право-, так и левобережной Украины и хозяйственная их эксплуатация находились в связи с некоторыми явлениями внутренней, чисто политической жизни. Наиболее резким в данном отношении и решающим событием была уния 1569 г. Она объединила и в государственном и в экономическом отношении польские, белорусско-литовские и украинские земли. Знаменитая волочная система выбросила толпы шляхты и крестьянства на юг, где они и принялись хозяйничать²⁾). Хозяйничанье выливалось в формы единоличных земельных захватов, становившихся тем большими, чем большими и крепчайшими делались связи с хозяйством Зап. Европы. Правительство пыталось придать земельным захватам некоторую правильность и порядок. Сейм 1588 г. постановил выяснить все незаселенные земли в Киевщине и Брацлавщине и решил раздать их шляхетству. Особая комиссия должна была объехать свободные земельные пространства, определить наличность имевшегося там населения и прокадастрировать хозяйства. Такая работа облегчала центральным властям Речи Посполитой дело раздачи земельных богатств Украины и делала возможной и способной к жизни колонизацию шляхетскую³⁾). Люблинская уния отдавала в распоряжение польских властей украинские земли. Кадастровая операция 1588 г. привела к раздаче их панам, имевшим то действительные, то провизорные, то фиктивные заслуги. Среди одаряемых на первом месте стояли наиболее богатые и родовитые: они могли поставить хозяйство на широкую ногу и добились

¹⁾ Киев. Ст., 1884, IX, 8—9, 10—11, 12.

²⁾ Ефименко, Юж. Русь, I, 25—26.

³⁾ Киев. Ст., 1888, VIII, 383.

того, что власть не препятствовала им устанавливать цены на экспортируемый за границу хлеб (годовой вывоз в начале XVII века равнялся 1 мил. ластов)¹⁾, определять порядок и характер вывоза продуктов и пр. Высокие хлебные цены делали выгодным земледельческий труд. Торговля на дальний рынок открывала перспективы получения самых высоких западно-европейских фабрикатов и полуфабрикатов. Получение последних естественно приводило к росту сельского хозяйства вширь: помещики не ограничивались уже только земледелием, но обращались к скотоводству, лесоводству и т. п. промыслам; продукты, получаемые таким путем, делали польского шляхтича—экспортера своим человеком на западно-европейском рынке, а привилегированное положение в собственном государстве (исключительное право на землю, промыслы, освобождение от пошлин и т. д.) даже при самых низких ценах позволяло вести хозяйство с значительными выгодами. Поэтому-то, чем ближе к XVII в. и к революции 1648 г., тем все больше растет интерес к земле. Выбрасывались страшные деньги ради приобретения имений. Замоиский, напр., уплатил Рожинскому за Паволоцкую волость 1.200.000 зл., Тышкевич за несколько небольших сел бросил 400.000 зл. и т. д. Кто не имел денег для приобретения поместий, тот выпрашивал их у правительства. Земельная лихорадка охватила не только светские круги населения, но и духовные, которые, ловко пользуясь формулами феодального права, просили себе привилегий и «духовный хлеб» превращали во вкусные земные корма, в насущный хлеб с необходимою к нему приправою²⁾. Но получить землю было мало. Привыкшие к разгулу и военным экзерцисам паны, отважное в бою и хмелю рыцарство и другие сильные и не столь сильные мира сего лично обрабатывать земель не умели, хоть немалое число из шляхты претендовало быть Цинцинатами. Перед землевладельцами стала во весь рост проблема заселения угодий и — что важнее — удержания в них населения, которое, по совершенно правильному наблюдению Лориа, при обилии земель и редкости населения, может быть удержано лишь принуждением. Поэтому землевладельцы спешили с заселением своих поместий. В Уманщине в течение 1609—1639 гг. Калиновский основал 100 сел, Концепольский в своих громадных земельных угодьях насадил до 50 местечек и 1000 сел, в землях Вишневецкого насчитывались десятки селений и десятки тысяч населения³⁾ и т. п.

¹⁾ Приложение к книге: U wagi nad uwagami, Кр., 1878.

²⁾ Пам. К. К., III, 2, 179, 197.

³⁾ Полт. Губ. Вед., 1898, № 40.

Ради удержания населения на местах землевладельцы не останавливались ни пред какими средствами. Они организовывали особые отряды, имевшие своим заданьем хватать селян и насильственно водворять их на жительство во вновь намеченные к заселению деревни. Они сманивали уже осевших (у других) поселян, обещая им великие и богатые милости. Собственные крестьяне при помощи суровых мер удерживались в панских маетностях. Были случаи, когда пойманных во время бегства крестьян подвергали распятию, нечеловеческим мукам, после чего милостиво принимали присягу на верность в будущем ¹⁾. Расселения производились не наощупь, не наугад, но двигались к определенным рубежам и пунктам, каковыми в Украине являлись селища, некогда разоренные и брошенные под татарским напором села, от каковых оставались насыпи, разрушенные постройки и груды костей. Когда-то, может быть, значительные по размерам, имевшие, возможно, правильно очерченные границы, селища, по словам проф. Багалея, по количеству населения были незначительны в сравнении с прилегавшей к ним территорией ²⁾. Немало осталось селищ еще от княжеских времен, много явилось в позднейшее время, особенно же в период до-Хмельщины. Напр., в Межинском полку от времен до-татарских насчитывалось 10 селений, в XVI в. появилось 22, а за все время на местах прежних селищ выросло до 1648 г. в Нежинском полку 135 поселений. Примерно такие же цифры найдем и в других полках бывшей Гетманщины. Заселение шло бы несравненно сильнее, если бы к тому не встречалось достаточно значительных препон. Сюда относилась борьба с кочевниками, искавшими таких же невольных работников для своих крымских хозяйств, как польские и ополяченные христианские помещики для украинских поместий; частые налеты саранчи, уничтожавшей посева; частая гостья восточной Европы XVI—XVII стол. чума, скашивавшая целые округа; засухи, время от времени посещавшие украинские степи, суровые зимы и т. п. обстоятельства, побуждавшие население бежать назад за Днепр. Но остановившаяся волна, по устранении причины, поднималась с новою силою и приносила с собою новые толпы людей. Кто они были, откуда шли, вопрос и до сих пор не разрешенный. Проф. Владимирский-Буданов полагал, что главный контингент колонистов украинских степей был из Белоруссии и отчасти Московии. Черниговский еп. Филарет приходил к выводу, что «по надписям на книгах местных церквей большинство жителей (по крайней мере, Кро-

¹⁾ Ефименко, Юж. Р., 53—54.

²⁾ К. Ст., 1883, XII, 560.

левица) явилось с Воьлини, из Острога и Житомира»¹⁾. А. М. Лазаревский, подвергая тщательному рассмотрению вопрос об источниках колонизации, заключал, что для заселения Южной Украины население северной не могло дать соответствующего контингента вследствие того, что в пределах самой северной Украины население было редким, помещики дорожили им, не обременяли налогами и работами, жилось крестьянам, стало быть, не так плохо, и, значит, уходить на юг не было причин; не представлялось необходимости двигаться на левую сторону Днепра и населению Воьлини, где крестьянин мог прятаться в лесах при татарских наскоках или панских притеснениях; из Киевщины колонисты не могли, по мнению Лазаревского, двигаться в сторону «диких полей» в виду очень незначительной заселенности самой Киевщины, где условия существования в имениях помещиков тоже были не так тяжелы. Лазаревский думал, что единственным резервуаром колонизации «полей» могла стать только Подолия, откуда население бежало под влиянием страха пред татарами, выходящими чрез Молдавию. Доказательства такому предположению Лазаревский находил в одинаковости названий некоторых местностей Подолии и Южной Украины²⁾. В другом месте тот же ученый высказывался вообще за колонизацию левобережной Украины за счет выхода населения из-за Днепра, без ближайшего установления местности. Лазаревский указывал, впрочем, что для него являлось несомненным присутствие в составе колонистов выходцев из Восточной Галичины³⁾. Были попытки решить данный вопрос путем привлечения к изучению песенного творчества украинского народа и соседних славянских народностей—такая попытка сделана была Милорадовичем, но в виду крайне ничтожного количественно и качественно материала, изучавшегося названным исследователем, выводы его невозможно принимать в расчет. Приведенные теории не решают вопроса, не решается он и лингвистами акад. Крымским, Михальчуком и др. Откуда шло население, какой именно этнической особи, может быть, не так уж и важно. В составе украинских колонистов несомненно присутствие самых разнообразных этнических элементов: и восточной (русские, поляки, чехи), и динарской (украинцы, сербы, болгары), и пелазгической (албанцы, греки), и немецкой (немцы), и тюркско-монгольской (турки, татары, калмыки), и др. рас были тут представители. Но господствующая стихия была украинская; в ней претво-

¹⁾ Филарет, Оп. Черн. Еп., V, 231.

²⁾ Лазаревский, Очерки, III, 97—99.

³⁾ *Ib.*, II, 149.

рялись все элементы, усваивали украинский быт во всех его проявлениях, захватывались украинской культурой, ассимилировались и по языку, и по обычаям и укладу, и по вере, и по особому национально-классовому сознанию. Таким образом, прав был проф. Максимович, который в поставленном вопросе различал только две национальности по культурному признаку — польскую, представленную классом земельного капитала, и украинскую, представленную представителями труда ¹⁾. Названные группы отличались не только по культурному признаку, но и по юридическому, и по особому фактическому положению вещей на месте. Здесь фигурировали не просто классы, но классы-национальности, классы-народы государственный и негосударственный. В составе первого могли быть представители, этнически связанные со вторым, но культурно слившиеся с господствующим народом, порвавшие со своим этническим стволом, усвоившие психику и культуру господствующей национальности. Таков был Я. Вишневецкий, ренегатствовавший ²⁾ «для великого богатства», по обличению Копыстенского. Подобные же факты имели место и в отношении негосударственного народа, хотя вызывались иными соображениями. Государственный народ был одновременно командующим классом: он имел завидное право собственности. Негосударственный — украинский народ имел право пользования или, в лучшем случае, владения недвижимостями и боролся за обладание таким же правом собственности, какое закон признавал за шляхтою. Стремление таких же многочисленных владельцев, лишенных права собственности, стать «на ноги», сделаться независимыми хозяевами, побуждало их искать счастья в сказочном Эльдорадо — в «вольных степях по сю сторону Днепра». Насколько энергично осуществлялись такие намерения, служат доказательством цифры люстраторов. По люстрациям 1581 г., на киевский район приходилось 52 села (1 на 4,2 кв. мили), в самом конце XVI стол. плотность населения значительно увеличилась, так что одно село приходилось в среднем на 2 кв. мили, — в 1625 г. для северной части Киевщины — на 1,4 кв. м. (в южной заселение шло с запозданием: там 1 село приходится примерно на 3,2 кв. м.). Собранные А. Яблоновским цифры показывают, что рост сельских поселений шел параллельно росту городских поселений, хотя цифры несколько расходятся. В 1625 г. в Любецком пов. городских поселений было 4 на 85 сельских, в Киевском пов. 42 на 145, в Остерском 7 на 35, во всей южной полосе Киевщины — 68 на 370. Росла также

¹⁾ Максимович, Собр. соч., I, 252.

²⁾ Арх. Ю.-Зап. Рос., ч. 3, IV, 4 пен.

густота населения местечек и городов. Киев в 1545—1552 гг. состоял из 487 домов, в 1570—72 гг. из 808 дом., в 1622 г.—1750 домов; в Остре в 1545—52 гг. считалось 120 домов, в 1616 г.—322 дома; в Каневе в 1545—52 гг. было 226 домов, в 1622 г.—290 домов; Черкасы насчитывали сначала 258 домов, в 1616 г.—950 домов, в 1622 г.—1120 домов и т. д. Густота населения шла в известном смысле за счет некоторого уменьшения малых местечек, что заметно, напр., на населении Романовки, Гуляницы, Стеблина и др.

Кое-где замечавшаяся убыль объяснялась отчасти посторонними причинами, в виде угона населения татарами, смерти во время боев, чумы и т. д.; главным же образом, виновным в данном случае нужно считать старо-польский экономический режим, не терпевший около крупного помещика мелкого собственника или владельца, ибо стоило появиться более или менее значительному поселению, как «фронтом на 11 часов» вырастал панский замок—резиденция помещика, немедленно простиравшего жадную и цепкую руку к вороту бежавшего от «панской ласки» мелкого хозяина или карликового предпринимателя ¹⁾. Помещик мог это делать, ибо на его стороне был закон, сыздавна, еще с Городельской унии 1413 г., предоставивший в исключительно панское обладание недвижимости, прежде всего землю. Обладание землею носило общее название *possessio*. *In jure possessionis* состояли и местечки и села, *oppida cum villis*, земли пахотные, дуга, воды и т. д. Однако по существу помещичье право было шире обыкновенной *possessio*. В действительности то было право собственности, что для XVI—XVII стол. вскрывается актами и кадастровыми записями. Там *jus possessionis* именуется правом вечным, независимо от того, была ли недвижимость фундованной или пожалованной ²⁾. В качестве вечного права *jus possessionis* называется *dominium et proprietas* и включает в себе составные права собственности: *sibi reservandi, tenendi, habendi, utifruendi et pacifice possidendi, in usum convertendi perpetuo et in aevum* ³⁾. Стало быть, *possessio* и *dominium* расценивались в жизни, как идентичные понятия. По свойству феодального права, *jus dominii* распространялось не только на поверхность земли, но и на текучие воды—реки и речки, что и обнималось формулой «*terra cum fluvio et mobudino in eodem fluvio sibi sane*» ⁴⁾. *Jus possessionis* alias *jus dominii* имело различное происхо-

¹⁾ Łoziński, *Życie Pol.*, 5.

²⁾ *Żr. dz.*, V, 31.

³⁾ *Ib.*, V, 159—160.

⁴⁾ *Ib.*, V, 54.

ждение. Обычно оно было привилегией, почему «наддаваемые добра» были «чисты» от всяких повинностей ¹⁾, так что население работало исключительно на привилегированного помещика или откупившего у него маетность арендатора. Рядом стояло иное помещичье право, именовавшееся доживотьем или *beneficium*, поместьем, доступным к наследованию только мужчин. Доживотье давалось на одно—два и не больше 4—5 поколений. Шло оно по лицам, они могли иметь разные доживотья. Известны случаи, когда получившее *beneficium* лицо имело владение на одно доживотье в одном месте, на несколько в другом; при этом земля или селение могли делиться на части, и шедшие в *beneficium* и свободные от доживотья. Во всяком случае люстраторы отмечали, что должно было иметь «*dożywocie na każdą wieś specyalne*». По истечении сроков доживотье подвергалось обложению, которое несли обитатели селения, на каковое временно давалось *beneficium*. На практике доживотья не выходили из рук награжденных лиц. Как имущества первого рода, так и ставшие частной собственностью недвижимости второго рода подвергались всем юридическим сделкам, свойственным праву собственности на недвижимость; с ними тесно связывалось *jus haereditarium*, *prawo zastawne*, *sprzedaż* и т. д. Государство стесняло движение недвижимостей лишь настолько, чтобы от того не страдали *servitia bellica*. Дело шляхетского рода было позаботиться о том, чтобы земли не переходили в чужие руки. Помещикам давалась земля—в их воле было эксплуатировать ее с наибольшими выгодами при помощи имевшегося населения. Ради последней надлежало соответствующим образом расчлнить население, разбить его по группам и только при таком, а не ином разрезе отношений обеспечить помещичьему классу обладание «подданными»—целой негосударственной народностью в его коллективно-трудовой совокупности и организации. Негосударственная народность представлялась юристам-догматикам фактическим явлением. В формулах, выдвигавшихся для определения государства, исходили из представления простого государства с единою национальностью, именовавшеюся народом, каковым в Польше считалось только шляхетство. Вся остальная масса не представляла собою полноправного населения, в частности масса украинского народа даже не мыслилась в состоянии равноправия. Она находилась в низшем положении не только в отношении шляхты, но и в сравнении с польским крестьянством, от которого различалась в культурном, экономическом и правовом отношении. Юридический титул здесь был ниже, ибо

¹⁾ *Żr. d z.*, V, 44, 68.

негосударственный народ мыслился старыми догматиками, как побежденный. Права побежденных рассматривались, как акты милости польского правительства. Посему экономическая и иная эксплуатация протекала в данном случае резко. Экономическая эксплуатация сводилась для негосударственного народа к тому, что негосударственный народ попадал в положение колонии, расценивался как низшая особь, с низшим *existenz-minimum*'ом, с меньшими потребностями. В виду этого негосударственный народ работал и жил в интересах иных, государственных, центров и ради интересов государственного народа. Хлеб, который Польша отправляла в Зап. Европу, был украинский. Сотни тысяч ластов его бесследно пропадали для негосударственного населения «полей», которое в то же время находилось в тягчайших экономических условиях. По словам монархомаха начала XVII в. монаха Ивана из Вишни, семья украинских крестьян укрывалась одним армяком, ела пустой борщ из одной чашки, ходила в жалких лохмотьях в то время, как господствующий народ имел все в изобилии¹⁾. Сумма извлекаемых из негосударственного народа благ была больше той, какая назад возвращалась. В самом деле, Боплан говорит о жалких лачугах, составлявших в его время Киев, в то время, как в Польше выростали роскошные палацы, проводилась утонченная европейская культура. Украинские города представляли собою ярмарки, в которых не могло быть широких оборотов, почему жители городов и местечек занимались преимущественно земледелием и никогда не имели голоса в Сенате, между тем Краков пользовался там представительством и польские города имели разные *privilegia* и цвели. Состояние просвещения, положение исповедных групп в Польше и на украинских «кресах» было различно. Имущественные права были разными. Мелким собственникам—казакам приходилось с оружием в руках добиваться признания прав наследства для себя, крестьянству отстаивать пережитки в сфере процессуального права и пр. Частно-правовые вопросы, таким образом, приобретали значение публично-правовых, защита индивидуального интереса (религия, просвещение, добывающая промышленность) обращалась в событие государственной важности. Словом, культурный, правовой и экономический моменты для народа негосударственного приобретали иной смысл, имели иное значение. Они порождали субъективное признание связности данной национальности в среде ее самой и с данной территорией и направляли народную политику в сторону исключительного господствования в пределах данной терри-

¹⁾ Громада, I, 25—27, 29.

тории, вне которой негосударственный народ себя не представлял и которую считал своею. На этой территории складывался оригинальный быт, особенности коего передавались от поколения к поколению, и свои особые экономические центры. Первоначальное накопление, сосредоточивавшееся в руках представителей господствующего класса - народа, тянувшего к центрам «государственным», вызывало борьбу, для победы в каковой господствующий класс - народ создавал органы власти из своих представителей и прибегал к расстройке народа негосударственного в виде разных групп, готически расположенных одна над другою, и вершавшихся на капители представителями командующих классов, в руках которых и сосредоточивалась организация власти. В Польше власть находилась в руках панских родов. Новейший историк польской культуры подчеркивает все значение родовой организации польского народа для государственного уклада Польши ¹⁾. Люстрации не раз отмечают родовые соединения то в области военных отношений, то в сфере отношений владельческих ²⁾, то еще иных. Державцам-землевладельцам, выступавшим в качестве отдельных представителей родов, подчинялось «кресовое» население, в разнообразных положениях. Существовало несколько видов зависимости от польских державцев. Наверху находились так называемые бояре.

Бояре служили легкой прослойкою между верхами населения польского государства и низами. Они владели небольшими клочками земли в окрестностях замков и обязаны были военной службой в пользу замков. Жили они то одиноко, то родами и сами обрабатывали свои поля. Военная служба шла за счет обладания землями, почему и сами земли носили наименование «службы». Военная служба разнообразилась отбыванием замковых повинностей в виде сторожи или возки писем и т. п. Пред боярами не было закрыто право съемки земель у «великих панов» в аренду и т. п. права ³⁾. В силу этого боярство венчало собою население земли, у которого права на недвижимости *in principle* признаваемы не были. Под слоем бояр находилась громадная масса сельского люда; она по земле была разбита тоже на службы, которые понимались в виде определенного количества даней. «*Służba*», говорят люстрации: «*jest do dani w wsi przyłączona, z której podatki mają iść do zamku*» в виде работ и ремонта, в виде уплаты «кварти» — вернее, пятой части собирав-

¹⁾ Łoziński, *Życie Pol.*, 142—143.

²⁾ *Ż. g. d. z.*, V, 90, 111, 196; XX, 26, 85, 153 и др.

³⁾ *Ib.*, XX, 7, 26, 49, 51; 16, 17, 20, 57 и др.

шихся с населения доходов для содержания наемной армии и т. д. ¹⁾. Однако крестьянская масса не сразу вытягивалась в такой оборот. Помещики, заинтересованные в возможно полной обработке своих земель, подходили к указанному обстоятельству исподволь. Свои селения и местечки они заселяли, объявляя бегущим «*na kresy*» крестьянам т. н. «воли» или льготы в течение определенного количества лет, в течение какового времени колонисты были свободны от всяких повинностей как в пользу государства, так в частности и особенности в пользу помещика. Только «*po wyjściu slobody wieśniacke powinności odprawować były powinni*». Стремление удержать крестьянскую массу при себе побуждало помещиков иногда пролонгировать лета воли или слободы и выпрашивать пролонгацию у люстраторов, что, конечно, не означало освобождения крестьян от внесения повинностей в пользу (только) помещиков ²⁾. Повинности сельского населения представлялись весьма значительными. Сельское население уплачивало натурою сбор с хлебных посевов после снятия урожая и разных видов иного своего хозяйства. Оно несло на помещичий двор известное количество мерок хлеба, приплода от птицы, сбора с меда, вносило десятину с солода, приплод с баранов и кабанов, платило «хлебную дань» и т. д. ³⁾. Сверх того, были разные денежные сборы, в виде мыта для оплаты и содержания челяди, чопового, шоссового, побороного, показанщины, гребельного сборов и др. ⁴⁾. Наконец, на помещика неслась панщина в размере нескольких дней труда и т. д. Повинности становились более обременительными в случаях сдачи селений в аренду — тогда крестьяне не только платили и работали на помещиков попрежнему, но, сверх того, обязаны были работать и платить еще и арендатору ⁵⁾. Однако не все население находилось в таких условиях. Часть населения являлась «непослушною», независимо от панской юрисдикции, в каковой состояло крестьянство, и самостоятельную в ведении своего хозяйства. То были казаки, занимавшие среднее место между боярами, от каковых и выводил их проф. Леонтович ⁶⁾, что во многих случаях совершенно справедливо ⁷⁾, и селянами. По своему хозяйственному укладу и образу жизни казачество сливалось с сельским населением, по роду же службы —

¹⁾ *Ź t. d z.*, V, 123, 89, 127.

²⁾ *Ib.*, V, 13, 18, 150.

³⁾ *Ib.*, V, 83, 61, 12 и др.

⁴⁾ *Ib.*, V, 35, 40, 72, 78; XX, 56—57.

⁵⁾ Кутшеба, Оч. ист. общ.-гос. строя Польши, 175.

⁶⁾ Ж. М. Ю., 1907, VI.

⁷⁾ Слабченко, Малорус. полк, 178.

с боярством¹⁾. Жили казаки то при замках, то на отшибе в селах и хуторах, при чем свои земли считали собственными. Таково было, впрочем, положение лишь казаков замковых, казаки же служебные организованы были и в правовом и в экономическом отношении как горожане. Белоцерковский инвентарь 1641 г. знает и тех и других. По означенному инвентарю замковые казаки делились на десятки, состоявшие под командой атаманов; в таких десятках насчитывалось только по 10 казаков; десятки же служебных казаков были разной численности (иногда в служебном десятке состояло более 40 чел.) и управлялись десятниками и сотниками; состояли кадры служебных казаков из городского населения, но не только горожан в тесном смысле слова, ибо в десятки зачислено было и население предместий и ближайших сел²⁾. Таким образом, казачество стояло в центре различных расслоек общественно-сословной организации низов и вербовалось представителями всех их. По сеймовому постановлению 1638 г., вызванному неудачным казацким восстанием, казаки приравнены были к крестьянской массе. В подобном же положении находилось фактически и население мелких городов-местечек. Иначе и не могло быть. Города не могли иметь развития, обрабатывающая промышленность в них не имела сбыта. Организация широких промыслов являлась ненужною при наличности высоких фабрикатов, получавшихся непосредственно из Западной Европы главным потребителем — помещичьим и чиновничьим миром. К тому же не было на местах и соответствующих материалов, из коих возможно было бы готовить предметы роскоши, «высококоштовные речи»³⁾. Поэт Марштин писал, что в панских покоях находилось множество серебряных и золотых вещей, перлов и самоцветных камней, едвобов, драгоценных тканей, колтрын, всякого рода обивок, поделок слоновой кости и пр.⁴⁾ Памфлетист Старовольский с горечью отмечал появление роскоши и богатств, развращавших современное ему общество. В прежнее время, говорил он, казаки хаживали в кожухах, а теперь кучер покрывает себе тулуп красною материею, чтобы отличиться от простолюдина; прежде шляхтич ездил на простом возке, а теперь катит шестернею в коляске, обитой шелком; прежде пивали доброе домашнее пиво, а теперь и конюшие пропахли

¹⁾ О казаках в современной итальянской литературе см. Чьямполли. *Studi letterari*, плохая компиляция из рус. историков, 189—243; Rawita-Gawroński, *Sprawy i rzeczy*, последний раздел.

²⁾ Rawita, *Spr. i rzeczy*, 99.

³⁾ К. Ст., 1885, I, 82.

⁴⁾ Łoziński, *op. c.*, 17.

венгерским¹⁾. Ничего подобного нельзя было получить в украинских местечках. Да если бы и возможным представлялось приготовление нужных панству вещей, выделка обходилась бы дороже в сравнении с тем, что платилось за границую. Отсутствие спроса вело к тому, что появившиеся ремесла и торговля едва влачили свое существование: городское население, имея у себя пред очами множество земель, посему предпочитало обращаться к сельскому, несравненно лучше оплачиваемому труду. То с разрешения властей, то простым захватом — *jus occupandi* в те времена являлось чуть ли не самым популярным правом — города стали приобретать земли. Если захваченные помещиками и сдававшиеся в аренду земли создавали для них ренту, помогавшую увеличивать «земельные добра» и копить капиталы иногда в громадных размерах²⁾, то такие же земли могли иметь большое значение и для городов, которые организовывали свое хозяйство по типу помещичьего — эксплуатировали землю, устраивали пивницы, винокуренные предприятия, мельницы и т. п. Мукомольное дело доставляло помещикам большие доходы, ибо на панские мельницы крестьяне обязательно должны были везти свой хлеб на помол. Излишки хлеба — при самой низкой обработке земля не давала урожая ниже сам-20 — доставили помещичьему хозяйству льготу по обращению зерновых излишков и муки в вино, что, в свою очередь, служило источником доходов. Помещик пользовался всеми выгодами от торговли и пр. Все эти и подобные обстоятельства вынуждали города добиваться и для себя привилегий, аналогичных панским, тем более, что помещики стремились к монополизированию некоторых видов торгова в своих руках: старосты и коменданты настаивали на передаче в их распоряжение плодов охоты, оставляя в руках добычников только часть ее³⁾. Некоторым городам удалось добиться привилегий в виде магдебургского права. *Jus magdeburgiense* освобождало города от юрисдикции королевских чиновников и частных владельцев. Города считались, при получении ими соответствующих хартий, независимыми в *sprawach zwykłych*⁴⁾ и пр. Но по существу, магдебургское право являлось сословным кодексом в то время, как в украинских городах господствовал принцип всесословности, в экономическом же отношении разницы между городом и селом не существовало. Если можно говорить о каком-либо отличительном и общем

¹⁾ Костомаров, Рус. ист., II, 173—4.

²⁾ К. Ст., 1883, VI, 270, 274; 1880, XI, 344.

³⁾ Грушевський, Ист. Укр.-Р., VI, 147.

⁴⁾ Їг. д.з., V, 144.

признаке, то для больших городов номинально таковым был профессиональный признак, городское население считалось объединенным в цеховые организации¹⁾. Магдебургское право сколачивало разнокалиберное по приписке и разношерстное по национальности городское население, что, однако, не мешало национальным или вероисповедным группам сохранять свою особую физиономию²⁾. Магдебургский кодекс переплавлял их в одну массу, уравнивал и выделял из старого понятия «земли». Но это совсем не означало фактического выделения. А. Яблоновский основательно отметил, что по существу разницы между городом и селом все-таки не было, даже терминология для означения того и другого не выдерживалась, занятия и хозяйственный уклад города и села фактически были одни и те же³⁾, и жители городов являлись такими же «послушными», как население сел и хуторов. В то же время города имели свои села, луга и сеножати, имели свои постройки для населения, распоряжались территориию в самом городе, сдавали земли в аренду на чинш, обладали мельницами, броварнями, винницами и гутами, рыбными ловлями и т. д.⁴⁾ Существенный дефект в организации городского хозяйства состоял в его крайней неустойчивости, вызывавшейся исключительным положением командующего класса. Помещики-шляхтичи мало считались с привилегиями, получаемыми городами, и не терпели рядом с собою представителей непривилегированных. Привилегии сплошь и рядом представляли собою непризнанные куски пергамента, не имевшие реальной ценности, не подкрепленные никакой силою. Это обстоятельство не могло содействовать росту украинских городов и их процветанию, особенно тех городов, какие не имели полного магдебургского права и *de facto* отличались от сел только своими названиями. Таковы были города, ставшие впоследствии полковыми и сотенными центрами. В них все зависело от панской воли. Положение должно было ухудшиться после того, как Польша отрезана была от Балтийского моря и стала искать выхода в направлении к Черному морю. Случись такой выход, в Украине все население по необходимости превратилось бы в таких подданных, которые обязаны были работать на польскую шляхту. Мелкие собственники и владельцы, в роде бояр, казаков и небольших городов, и без того не выдерживали конкуренции с крупным помещиком

¹⁾ *Źr. d z.*, XX, 64.

²⁾ *ib.*, V, 16, 40, 42.

³⁾ *ib.*, V, 113, 118, 195; XX, 15, 34.

⁴⁾ *ib.*, XX, 8, 11, 16, 151, 85.

или его съемщиком, закабалившими и совершенно разорившими население. Во время восстаний бунтующие хватали не драгоценности, но необходимейшие для хозяйства вещи и продукты первой необходимости. Наливайковские толпы, бросившиеся на Тучин и Коростянин, по словам пострадавших армян, захватывали с собою топоры, гусей, ременное лезиво, ульи с пчелами, косы, шапки, сермяги, кожухи, седла с войлоком, рубахи и т. п.¹⁾, ибо у них не было средств ни для того, чтобы самим приготовить названные предметы, ни чтобы купить их, между тем за один золотый в то время можно было прилично экипироваться²⁾. С выходом к Черному морю, шляхетство грозило поставить в аналогичное с крестьянами положение и представителей собственнической мелкоты. Но продвижение Польши к Черному морю³⁾ не могло быть достаточно выигрышным козырем в руках Крыма, у которого в таком случае пропадала возможность набирать в украинских селениях невольников для своих работ. Так создались две силы: а) внутри Польского государства в виде класса помещиков, представлявших польскую культуру, и казачества, объединявшего вокруг себя соседствующие с ним группы горожан и крестьян, объединенных в негосударственный народ, и б) в пределах южной части Восточной Европы две силы суверенных народов — польского и татарского. Современники так и оценивали положение вещей, ярко определившееся при разразившемся восстании Хмельницкого-Богдана в 1648 году. «Les grands gentilshommes polonois», читаем в одном западно-европейском обозрении: «voyant que frontières étaient bien peuplées, volant profiter de l'occasion y achetèrent de grands biens et y mirent de Polonois et les cosaques ne purent voir qu'avec un oeil de jalousie ces nouveaux voisins»⁴⁾. Движение Хмельницкого в селах опиралось на крестьян — крепостных, в городах — на пролетарский класс, созданный помещиками ради удовлетворения ближайших нужд хозяйства; рабочие не уклонялись и раньше от участия в революционных движениях⁵⁾. Броварни, винницы, селитреные майданы, гуты и буды, где перерабатывались излишки хлеба и добывалось сырье для экспорта, были брошены рабочими⁶⁾, «записавшимися в козаки»⁷⁾. Города, «видя тесноту себе от польских

¹⁾ К. Ст., 1884, IV, 542.

²⁾ П. К. К., I, 44, 147, 160; II, 92.

³⁾ Покровский, Ист. Рос., III, 36—37.

⁴⁾ Le grand Théâtre europ., IV, 569.

⁵⁾ Белозерский, Юж.-рус. лет., 16.

⁶⁾ Самовидец, Лет., 11.

⁷⁾ А. Ю. и З. Р., XV, 175.

07257
 2568
 1/10/44

людей», зашаталась¹⁾. Польские короли, задыхавшиеся от феодальных порядков, думали воспользоваться начавшимся движением, которому негласно помогали²⁾, как видно, между прочим, из писем Хмельницкого-Богдана к королю³⁾. Казакам помогали и соседи. Московское правительство, стремившееся к Черному морю и видевшее в Польше опасного конкурента также на Западе, тайно посылало казакам военные припасы и деньги⁴⁾. Швеция сводила с Польшею счеты из-за Балтики и выступила в самую трудную для казаков минуту. Крымский хан предоставил в распоряжение Богдана свои орды, за что после Корсунской битвы получил подарок в виде 8.000 пленных⁵⁾. Возведенные польскою шляхтою замечки и помощь всеевропейских купцов Данцига и Торна не могли оказать сопротивления, ибо, по выражению Бруховецкого, объединившее вокруг себя все слои негосударственного (украинского) народа казачество боролось за золотую вольность, «при которой все богатства Бог дает»⁶⁾.

Итак, старо-польский экономический строй покоился на двух моментах—обилии земель и принудительном труде. Эти два момента определяли организацию крупного земельного хозяйства. Последнее не могло содействовать мелкой собственности и промышленности. В местных предприятиях не ощущалось нужды в виду подвоза фабрикатов с Запада. Подвоз определялся вывозом зерна и сырья, каковые, по закону Польского государства, принадлежали шляхетскому народу. Означенный народ являлся носителем особой культуры и представлял собою командуемый класс. Отрицание всех означенных признаков воплощалось в лице казачества, игравшего роль вождя негосударственного народа-класса. Противоречия борющихся сил повели к свержению командуемого класса-народа и падению всей системы хозяйства. Хмельницкий-Богдан понял создавшееся в Польше положение вещей. Он кликнул клич, на который отозвалось все население Украины. Казаки не выносили конкуренции крупных помещиков и арендаторов. Крепостные не хотели работать на панов и их дворовую администрацию. Города не желали существовать в состоянии прозябания ради польских привилегированных городских единиц, перехватывавших у них доходы. Ремесленный класс надеялся на за-

¹⁾ А. А. Э., IV, 169.

²⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. 3, IV, 11 нн.

³⁾ Rawita-Gawroński, Sprawy i rzeczy, 99.

⁴⁾ Курце, Сост. Рос. в 1650—1651 г., 58.

⁵⁾ Костомаров, Богд. Хмел., I, 131.

⁶⁾ Соловьев, XII, 363.

казы, купечество добивалось свободы торговли, православие и протестантские группы требовали своего признания. Революция обещала городу освобождение от конкурентов, торговле признание свободы, вероисповедным интересам полное удовлетворение, классу крестьян избавление от панов, казачеству освобождение от крупных помещиков. Польское государство не могло справиться с организацией крупного хозяйства в Украине и потерпело крах. Последовала новая перегруппировка сил. Отделившаяся от Польши Украина по новому конструировала свое хозяйство, давала ему новую организацию после падения «польского аристократического порядка», как называет экономический строй до 1648 г. проф. Костомаров ¹⁾.

Но новые порядки не сразу установились в Украине. Хмельницкий-Богдан, освободивши Украину «из-под кормыги лядской», в существе дела не разрешал вопроса новой хозяйственной организации. Военные неудачи и невыгодный Белоцерковский мир заставили его отнестись с большою осторожностью к решению экономических проблем, выдвинутых на порядок дня после падения крупного хозяйства. Белоцерковская «угода» ничего не давала крестьянству, принесшему громадные жертвы в деле освобождения Украины от крупных землевладельцев. В массах наблюдалось разочарование и неохота к поддержке казачества, что бросалось в глаза иностранным корреспондентам. Переяславский договор юридически также не приносил, как будто, ничего нового в смысле реорганизации экономических порядков, наоборот—он санкционировал и мелкую и крупную собственность, при чем очень глухо говорил о крестьянской собственности,—он только не отрицал таковой. Решался вопрос, как того требовало казачество в смысле признания собственности, ибо до 1648 г. она не признавалась за казачеством. Хмельницкий по политическим соображениям не мог в корне решать земельного вопроса; при его радикальном разрешении от гетмана могло бы отвернуться могущественное духовенство и города. К тому же молодое государство нуждалось в деньгах. Недостаток финансовых средств побудил Богдана дать льготы сначала иностранным купцам, а затем привел к введению налогов на товары. Появились и другие ограничения обещаний. Резкий разрыв в области экономических отношений, коренная реформа их, кроме того, ставили бы Украину в изолированное положение, обрекавшее республику на умирание, в чем Украина не была заинтересована. Затем, скольмного ни эмигрировало шляхетства, не мало его осталось в Украине (утверждение Василенка о полном исчезно-

¹⁾ Костомаров, Богд. Хмел., II, 57.

вении шляхетства в Украине ни на чем не основано)¹⁾ и занимало влиятельные должности. Хмельницкий знал, что новые экономические порядки необходимы, и собственнически настроенной неповоротливой Московии сердито говорил: «вы все только толкуете о лесах и пасаках, а я могу всю Москву переменить». Но перемены вводить не решался. Польская шляхта, потерпев ряд крупнейших поражений на поле битвы, отыгрывалась за дипломатическим столом. Старый воевода Кисель искал «общего языка» с казаками и их вождями. Беньовский и представители казацкой старшины сочиняли договоры для соединения Украины с Польшею и пытались возратить шляхте ее положение несмотря на то, что шляхта не могла выполнить подсовывавшихся ей договоров, ибо не могла отказаться от своих прав на лежавшие в Украине земли²⁾. Словом, международная обстановка и тяжелое внутреннее положение страны не благоприятствовали введению основанных на радикальных принципах хозяйственных порядков. Массы, однако, стремились к ним, и гетманы, явно клонившие в сторону сохранения *status quo ante*, как Выговский, напр., платились за противодействие гетманским креслом и даже головою. К новой экономической жизни особенно определенно стремился пролетарский класс, не оставлявший надежды так или иначе реформировать хозяйственный строй Украины. Высказался этот класс решительно при Выговском, когда пролетарии — «дейнеки» сгруппировались в Полтавском полку вокруг полк. Пушкаря, бывшего, по видимому, носителем новых хозяйственных идеалов и бывшего сторонником «голоты». Хотя Пушкарь был разбит и дейнеки понесли большой урон, тем не менее они не отказывались от продолжения борьбы, при чем, как и при Выговском, голота или дейнеки опирались на запорожскую сирому, жившую своеобразно-коммунистическим строем. Запорожская сирома все время поддерживала тесную связь с Полтавщиною не только в XVII, но и в XVIII ст.; по свидетельству Д. Апостола, они жили, «мов добрый парубок з хорошою дівчиною». Сиромы и дейнеки при Бруховецком и попытались ввести новый строй. Выборы Бруховецкого в действительности были переворотом. На Нежинской раде наблюдалась не борьба партий, а захват власти, соединенный с применением террористических мер в отношении противников сиромы. Нельзя сказать, чтобы дейнеки не опирались на теоретические учения. Украине известны представители крайних учений. Кроме Ивана Вишенского определенного монархомаха, предлагавшего уничтожение королей и епископов, киевское мо-

¹⁾ Вел. реф., I, 111.

²⁾ Бобжинский, Ист. Пол., II, 203.

нашество выдвинуло Епифания Славинецкого, отстаивавшего идеалы христианского коммунизма и рекомендовавшего устройство аганий¹⁾. Запорожская практика, повидимому, осуществляла подобные идеалы. За реализацию их в Украине и принялись запорожцы. Отказавшись от применения всеобщего избирательного права, принятого в Сечи, запорожцы прибегли к системе назначения на должности, куда и проведены были сторонники новых порядков. В своей внутренней политике Бруховецкий принял руководителем честолюбивого еп. Мефодия, разработавшего план национализации земли. Земля объявлялась войсковою собственностью, и захваченные казацкою старшиною имущества подлежали отнятию. Вместе с тем в войсковой фонд должны были поступить земли городов и монастырей, от которых потому и отбирались документы. Все городские предприятия, равно всякое имущество сельского населения учитывались и облагались натуральными и денежными взносами, для чего введено было достаточно стройное финансовое управление при помощи дозорцев и скарбовых чиновников, введена была по запорожскому образцу интендатура, организовано было собирание теплой одежды на расположенные в Украине запорожские залого. Но наложенные повинности были весьма тяжелы; старшина и города просили Бога, чтобы кто-нибудь завоевал Украину и освободил от власти запорожцев, являвшихся настоящими завоевателями в пределах Гетманщины. Несмотря на применение суровых мер в отношении украинских земельных собственников из числа выдвинувшейся со времен Богдана старшины и поднимавшихся представителей торгового капитала в городах, планы сиромы и дейнеков не осуществились. Города и духовенство отказались признавать власть Бруховецкого. Пробовал он опереться на патриотизм населения, отвлечши его внимание на борьбу с московскими боярами и стянутыми в Украину ратными людьми. Но в это время Дорошенко явился в левобережную Украину и восстановил личную собственность. Бруховецкий пал. На правом берегу Днепра пробовал ввести, повидимому, новые хозяйственные порядки паволоцкий полковник Попович—и тоже неудачно. Украина отказывалась от предлагавшихся ей экономических реформ. Введение их возможно было только при недостатке земель и обилии рабочих рук. Ни того, ни другого здесь не было. Индивидуальная, частная собственность получила полное признание, так как обеспечивала каждому владельцу безбедное существование. В то же время она естественно связывалась и с мобилизацией земли и с экспроприацией населения, вела к созданию крупного земельного капи-

¹⁾ Слабченко, Центр. учр. Укр. XVII—XVIII ст., 5.

тала. Сиромы и недобитки — дейнеки учитывали все последствия земельной мобилизации и роста земельного капитала. Они не теряли надежды на то, чтобы остановить предусматривавшееся ими появление крепостного права. Посему при выборах новых гетманов стремились и сиромы и безземельные к устройству *coup d'état* и введению порядков, приближавшихся к сечевым. Иногда такие попытки принимали значительные размеры, как, напр., при падении Самойловича, но не увенчивались успехом. Революционные вспышки «своевольных людей» ¹⁾ давились силою. Московские власти, сначала недоверчиво относившиеся к затеям организации особых для борьбы с «коромолою» охотных войск в Украине, напуганные Разиновщиною, в конце концов пошли на встречу мысли о введении войск для поддержания «порядка» и фиксировали ее в договорных статьях. Превозмогла индивидуальная собственность, сначала распределенная между многими в виде мелких хозяйственных единиц, подвергавшаяся затем дроблению между потомками первоначальных обладателей и, наконец, собираемая из отдельных лоскутков в большое хозяйство, сосредоточенное в одних руках. Так означались конечные пункты в движении недвижимостей. Отчуждение недвижимости превращало бывших собственников в безземельных и отдавало их в распоряжение крупных землевладельцев. Посему прав был Соловьев, когда говорил, что «начальные люди (в Украине) стремились упрочить свое положение, стать землевладельцами и приобрести как можно больше власти над земледельческим народонаселением этих земель» ²⁾. Во имя концентрации «земельных добр» старшина прибегала к применению всевозможных средств, хотя, по уверению Выговского, пользовалась далеко не всеми средствами ³⁾. Процесс обезземеления тянулся довольно долго и закончился закрепощением украинского крестьянства. Иначе не могло быть, так как Украина, подвергшаяся разделу по Андрусовскому миру и обессиленная сначала войнами за независимость, затем внутренними междоусобиями, экономически не успела стать на твердые ноги. Окруженная сильными государствами, имевшими в основе принудительный труд, она не могла остаться изолированной, а введение в сферу российского экономического воздействия повело к тому, что украинский хозяйственный уклад по необходимости приспособлялся и инкорпорировался общеимперскими и перестраивался по его типу. Тем не менее и географическое положение, и своеобраз-

¹⁾ П. С. З., II, № 1254, 876.

²⁾ Соловьев, Ист. Рос., XV, 1484.

³⁾ *Ib.*, XI, 23.

ная история, и быт, и иные условия наделили украинское хозяйство характерными особенностями, каких не встречаем у соседних народностей, или же если они и встречаются там, то с значительными отклонениями. И внутренние и внешние причины повели к созданию особой хозяйственной структуры в Гетманщине. Структура эта характеризуется преобладанием индивидуальных и -договорных начал, красною нитью проходящих во всем прошлом украинского народа.

ГЛАВА II.

Революция 1648 — 1654 г. повела за собою изгнание крупной земельной аристократии и переход всех земель к украинским трудовым массам. Восставшие крестьяне и казаки уничтожали и грабили панскую движимость, забирали и угоняли панский скот, присвоивали запасы панского добра, запахивали посессорские межи и освоивали панские земли. Ужасы войны побуждали многих уйти из родных мест, бросить насиженные хозяйства. Толпы полегли головою на полях смерти, многое множество было уведено татарами. Тем больше земель и угодий оказалось в руках уцелевших и оставшихся. Лишившиеся прежних хозяев земли лежали без присмотра и в таком количестве, что разбегались очи. На эти-то земли бросились все — и безземельные и обладавшие землями, мелкие и крупные землевладельцы, рядовые жители и старшина, аборигены и нахлынувшие «всякой веры и нации» иностранцы, спешившие акклиматизироваться и принять участие в разделе ¹⁾. Украинская власть растерялась пред лежавшими у ее ног богатствами, размеров коих не могла даже учесть. Она успела только прокламировать (и до известной степени осуществить) одно — что оставшиеся неаппропрированными «земельные добра» являются войсковою или национальною собственностью. Но распорядиться им не сумела. Войсковою земельный фонд стихийно расплзлся между пальцами и перешел в состав частной собственности отдельных крупных и мелких оккупантов. *Jus primi occupantis* было известно и до Хмельничины. И до Хмельничины оно тоже не регулировалось, несмотря на представлявшиеся тогдашними экономистами проекты. К. Опалинский в «Сатирах» высказывался против самовольной оккупации. Он находил, что, при индивидуальных захватах, правильной постановки хозяйства и защиты его не могло быть, и проектировал раздачу земель ветеранам армии по единообразному и неуклонно проводимому плану. Выступали с проектами И. Верещин-

¹⁾ Кулиш, Ист. воссоед., I, 48.

ский, П. Грабовский и др. ¹⁾). Движение Хмельницкого сделало и панские маетки и бесконечные степи «вольными» в тесном смысле сего слова, и они стали захватываться охочими людьми под посевы, сенокосы и пр. Доступ к ним «никѣм заборониван не бивальъ». Только при возрастании населения пришлось закрепляться в однажды оккупированных, освоенных земельных участках ²⁾). В целях сего иногда приходилось прибегать, в числе иных средств, и к помощи денег, за каковые получалось разрешение соответствующих властей, влиявших на распределение оккупированной или купленной собственности. В 1698 г., говорится в письме полк. Свечки: «обрадившия колко (нас) человекѣ товариства за Высокий Кут гроши положили и за вѣдомом панов полковниковѣ гайки и лѣсъ чорній на паи раздѣливше до сего часу держалисмо». У полк. Свечки оказалось 5 паев, у старшего казака—один, все прочие имели 9 паев. Паи предложены были Свечкою к покупке пирятинскому самоуправлению за 110 злот. ³⁾). Случалось, однако, что вместо односторонних захватов земля раздавалась. Но и тогда оставалась возможность захватов прилежавших к розданным земель, то немедленно шедших «в дѣль», то владеемых «в опчѣ» ⁴⁾). Тем не менее власть имела возможность на некоторые, имевшие для нее особое значение, участки земли наложить запрещение, сделать их неотчуждаемыми, если не навсегда, то хоть на некоторое время. Образчик такого воздействия видим в 80—ые гг. XVII ст. на одном из «островов», запрещенных полк. Свечкою к отчуждению и эксплуатации в течение пяти лет ⁵⁾). Универсалом 1668 г. Бруховецкий разрешал «волное каждому вездѣ гдѣ хто похочеть помешкане, особливе на поселение на руинах мѣста» ⁶⁾). Разрешались и свободный захват и эксплуатация оккупированной земли. В последнем признавался в 1715 г. сотник Вакуленко. «Нивъ три на горѣ к Лубнамъ межи моими нивами виорал», писал Вакуленко: «и не знаю, чи они». Это отнюдь не было старшинским незаконным захватом имущества подчиненного лица. Названный сотник любил оформлять свои сделки. И в отношении тех трех нив, эксплуатировавшихся не один год, Вакуленко производил публикацию. «Я их собѣ не пригортаю надаремне»; отмечал сотник и просил собственника

¹⁾ Bibl. Warsz., 1898, XII.

²⁾ Мотыж. Арх., № 35.

³⁾ Стороженки, VI, 122.

⁴⁾ Миллер, Архивы Хар. губ., 97, 99.

⁵⁾ Стороженки, VI, 394.

⁶⁾ Миллер, op. c., 109.

отозваться ¹⁾). Если бы показанные нивки кому-либо принадлежали, то собственник мог отозваться хоть по смерти сотника, когда над деятельностью Вакуленка началось следствие. Но на присвоение нивок никто не жаловался. Свободное пользование ими не вызвало ни с чьей стороны протеста. Тем не менее оккупация не считалась безграничной, особенно тогда, когда земли были в известной степени обсажены населением, которое и могло претендовать на данные земельные участки. О сем определенно высказывался универсал Бруховецкого 1667 года, по одному частному случаю предписывавший в случаях *occupatio* обращаться за согласием местных землевладельцев — в данном деле «отчиловъ» ²⁾). Такое согласие надлежало вносить в актовые книги; на деле, впрочем, обходились без него, ибо практика выдвигала иные признаки не нотариального характера. Именно, требовалось, чтобы захват был активным, т. е. чтобы в землю была «вложена праца» — труд. «Вложенный труд» должен был очевидно для всех выражен, напр.: диким плодовым деревьям привита колировка, возведены постройки, разбит огород и т. п. ³⁾). Вложение труда доставляло приоритет владения оккупанту. Оспаривать *occupatio* в таком случае не приходилось. В деле 1669 г. некий Ф. Жученко, жалуясь на Я. Веренченка, говорил: «мог би-м му пребачит, кгда би его першая займа, але я-мъ почаль первой свою греблю грунтьовати» ⁴⁾). И суд согласился с такими доводами. Иногда в подобных случаях суд, однако, признавал за лицом, имевшим право, но не пользовавшимся им и допустившим захват, право на некоторую компенсацию со стороны оккупанта ⁵⁾). Вместо согласия владельца данного участка можно было обойтись разрешением начальства местности, в коей производилась *occupatio*. Так, некий Мизиненко захватил под постройку часть земли, принадлежавшей А. Деме. Последний от Мизиненка «жадное корысти з того не мал», почему и обратился за содействием к суду. Вызванный Мизиненко объяснил, что он «не сваволне на томъ плещу жилъ, але за позволенемъ отаманскимъ и войтовскимъ» ⁶⁾). Итак, для законности оккупации требовались действительно произведенное обладание землею и вложенный в него труд и капитал ⁷⁾). Прочие условия не имели серьезного значе-

¹⁾ Стороженки, VII, 50

²⁾ Миллер, *op. cit.*, 108.

³⁾ Акт. кн. Полт. гор. ур., III, № 46, 54.

⁴⁾ *Ib.*, II, № 65.

⁵⁾ *Ib.*, I, № 104.

⁶⁾ *Ib.*, I, № 20.

⁷⁾ Ген. сл. Черниг. п., 296.

ния. В частности в XVII в. в очень редких случаях выдвигался признак добросовестности владения, требовавшийся арт. 81 разд. IV Литовского Статута ¹⁾). Оккупация, как таковая, могла иметь место только при редком населении и множестве свободных, лежавших без обработки земель. С ростом населения, уплотнением его и, стало быть, разбором «земельных добр», она понемногу перестает быть правомерным явлением для масс, разве только старшина в состоянии производить их, не допуская до того низших слоев. О старшинских захватах читаем в акте 1734 г.: «на степу трави козакамъ, которіе издревле бывало для нужди своей свободно косять, какъ прикащики весма не толко косит възбраняют, но и их, козаков, поля и сѣножати поотнимали» ²⁾). Требовалось еще одно условие для прочности приобретенного оккупациею обладания. Таким неперменным условием являлась давность владения. Вопрос о давности в украинской историко-правовой науке спорен. Есть голоса за то, будто институт давности на недвижимые имущества был неизвестен Украине, по крайней мере, в XVII ст. Проф. Василенко утверждает, что статутная давность в Украине не имела признания. На первый взгляд подобное утверждение, как будто, имеет за собою некоторое основание. В актовых данных почти не встречается указаний на статутную давность. В одном из актов, напр., читаем: «час немалый баба промешковала, господарство доглядаючи» ³⁾). Здесь общая фраза без дальнейшего конкретного содержания. Однако рядом встречаются и положительные указания на ту же десятилетнюю давность. В актах на обладание недвижимостью украинская старшина вообще руководилась Статутом, руководствовалась она им и в вопросах давности ⁴⁾). О значении ее узнаем из письма генерального судьи Прокоповича 1696 г., адресованного лубенскому полк. Свечке. «Небожчикъ Захарияшѣнко», писал Прокопович, «тестаментом пану Никите Радионовичу записал займище дубровное над р. Оржицею, о чом жена небожикова свѣдома была и любо у килка десятиолѣтнюю давность тая дуброва завелася. Еднакъ поменений Никита Радионович тоєю давностью тоєю дуброви не утерялъ з рожних причинъ» (он находился вне Украины в турецкой неволе, что, по Статуту, давность приостанавливало) ⁵⁾). Таким образом, пред нами не только упоминание о

¹⁾ Акт. кн. Полт. гор. ур., I, № 99.

²⁾ Стороженки, VI, 17.

³⁾ Акт. кн. Полт. гор. ур., I, № 10.

⁴⁾ Стороженки, IV, 537, 538, 540, 541.

⁵⁾ *Ib.*, IV, 455, 456.

давности, но основанной именно на Статуте, и исходящее от компетентного лица. Такое указание не единично. О статутовой давности говорится в деле Б. Котка, который «хуторец прималь болшей 10 лѣтъ»¹⁾. В другом деле, датированном 1670 г., читается: «през десять лет долгу не доходили, почему вѣчно должны молчать»²⁾, что текстуально заимствовано из Статута. Тем не менее для XVII столетия, для периода бурь, в Украине статутная давность не имела решающего значения. Таковая она получила в XVIII веке. Давность, взятая сама по себе, стоит в связи с разрушением вещи, вызываемой временем и ограниченностью человеческой жизни. Пока есть вещь или заинтересованный в ней субъект, возможно говорить о вещи и защите ее в течение известного срока, приобретать или утрачивать вещь, защищать ее в определенных рамках времени, устанавливать известную конкретную давность, что отмечено было уже Савиньи и Пухтою, а в русской литературе проф. Энгельманом³⁾. Но конкретная давность—в теснейшей связи с конкретной жизненной обстановкой. Современные исследователи допускают крупную ошибку в определениях различных юридических моментов: они в прежние отношения вносят понятия современного капиталистического строя. Проф. Василенко не избег такой же ошибки. Конкретная обстановка в Украине после Хмельнищины сводилась к тому, что понятия собственности и владения резко не различались, хотя судебная практика иногда и пыталась это сделать. Отсутствие разницы объясняется тем, что и собственность и владение эпохи «заверюхъ в Україні» (по выражению летописца) обладали одними и теми же признаками, ныне связуемыми, по учению выдающегося цивилиста Ганса, только с собственностью. Признаки эти: признание вещи своею самим обладателем вещи—субъективный момент, и признание ее таковою другими—момент объективный. Наличие обоих моментов вела к тому, что обладание оккупированною недвижимостью каждый раз должно было доказываться не только *possessorio*, но и посторонними. Поэтому в Украине XVII в. по необходимости развилась приобретательная давность, и при ее помощи появилась собственность⁴⁾. Приобретательная давность давала в руки обладателя недвижимости сильное оружие защиты против посягательств со стороны третьих лиц. «Права, по которым судится малороссийский народ», в гл. XIV арт. 7 по дан-

¹⁾ Акт. кн. Полт. гор. ур., III, № 48.

²⁾ *ib.*, II, № 71.

³⁾ Энгельман, Давность, 5.

⁴⁾ Боровиковский, Отч. суд., II, 27.

ному поводу говорят: «никто из владѣнія своего, в которомъ какимъ бы образомъ... вступил, вступить и из оногo изгоним бить не долженъ, пока ему судомъ отъ того не будет отказано». И в ином месте: «кто би себе какие грунта и угоды нажилъ, а оние прежде никакова владѣльца не имѣли или би кто на пустую землю пришелъ и тую землю распахивалъ либо лѣсъ расчищалъ, или занялъ, такожь кому би таковая земля черезъ договоръ или уступку или по жребью (пришлась), таковыя недвижимыя имѣнія имѣют быть того, кто владѣет собственно, как би купленни»¹⁾. При такомъ объективномъ признаніи *осcuratio* становится понятнымъ значение давности. Революционный момент, в который появилось совмещение субъективного и объективного признаков, требовал, чтобы владение в данный момент, в момент признания, фактически осуществлялось. Фактический владелец в глазах общества значилъ гораздо больше юридическаго собственника, особенно собственника, не осуществляющаго своихъ прав. Поэтому ему, юридическому обладателю, давались узкіе возможности для отысканія и защиты своихъ прав. И только тогда, когда земельная мобилизация заканчивалась переходомъ земель в руки шляхетства, владелецъ сталъ отходить на второй планъ—для него введена была особая исковая краткая давность, а для помещика введенъ и уголовный искъ ради защиты только права²⁾. В периодъ же революціонной и партійной борьбы было не до юридическихъ тонкостей. В то время обладание недвижимостью определялось фактическимъ соотношеніемъ сил. Поэтому в XVII столетіи мы и видимъ господство давности владения, условиемъ каковой считался самый фактъ владения. Если об исковой давности иногда и говорилось, то она признавалась только ради выкупа отчужденнаго (темъ или инымъ способомъ) имущества. Для XVII стол. давность представлялась неопределенною. За лицомъ признавались права, основанные на старинномъ или стародавнемъ обладаніи имуществомъ, что подтверждалось свидетельскими показаніями и т. п. «За давностію старожилы не упомнать», «от давнихъ годовъ», «от предковъ», «якъ запомнать», «здавна» и подобными выраженіями пестрятъ украинскіе акты³⁾. В XVIII в., в эпоху развитія юридическаго оборота и имущественныхъ отношеній, вводится уже давность срочная (по римскому праву), в частности выдвигается отмененная революціоннымъ движеніемъ во всей полнотѣ и 10-летняя статутная давность, получившая признаніе российскаго правительства в 1732 г.,

¹⁾ Права, гл. IV, арт. 3, § 3.

²⁾ Ср. Права, разд. VI, арт. 93, § 2.

³⁾ Ген. сл. Неж. п., 33, 35, 46, 50, 61 и др.

а затем принятая при Екатерине II и в России. Итак, давность в Украине пережила две фазы: в XVII в. она конструировалась по немецкому типу (*usucapio*) и в XVIII в. — по римскому (*praescriptio*). Для первой достаточен был факт владения, для второй еще *bona fides*; для первой имели значение свидетельские показания, для второй — письменные доказательства; для второй — срочность значила все, для первой — имело значение фактическое отношение к вещи независимо от срока, установленного кодексом. Однако и в XVII стол. не отказывались от оформлений сделок и выправки соответствующих письменных актов. Только ранее полученные документы утратили свое значение в правосознании масс. Предшествующее было революцией зачеркнуто, или, по выражению актовых книг, «змазано». Чистая страница экономической истории Украины начиналась записями после Хмельницыны, и в нее стремились немедленно внести свои сделки по недвижимостям и старые и новые землеобладатели.

Оставляя до последующего разбор подробных данных, отметим тут, что, в виду большой неустойчивости фактического владения и преобладания понятия *possessio* над *dominium*, выдача соответствующих письменных документов была затруднена, особенно в случаях обращения за таковыми к московским властям. Оттуда, из Москвы, грамоты выдавались, но в чрезвычайно осторожной форме. Напр., в 1659 г. полковой нежинский асаул Л. Бут получил грамоту на с.с. Киселевку и Адамовку. В грамоте за Бутом были признаны права на означенные селения, однако с оговоркою, что Бут может считать Киселевку и Адамовку своими, если ко дню выдачи грамоты означенными селами никто не владел¹⁾. Иногда, впрочем, утверждающей владение грамоты считалось недостаточно для владения, т. е. заинтересованные лица не хотели считаться с нею. В таких случаях давалась более существенная охрана прав в виде, напр., воинских отрядов, как то наблюдалось в 1672 г. относительно владений Киево-Печерского монастыря²⁾. Это, разумеется, экстраординарная мера, но и она не исключалась. Обычно же довольствовались получением подтвердительного документа на обладаемые имущества. В XVIII в. выдача подтверждающих владение документов осложнялась предварительно производимым «розыском» о характере приобретения недвижимости и т. п.³⁾. В «розыске» старшина имела могущественное

¹⁾ А. Ю. и З. Р., V, 22.

²⁾ А. Ю. и З. Р., IX, 636.

³⁾ Слабченко, Диариуш, 17.

средство воздействия на население, и известны случаи, когда старшины запрещали приобретателям вступать в обладание приобретенными имуществами и правами ¹⁾, что, правда, не оставалось без той или иной реакции. Последним существенным условием обладания недвижимостью считалось его обмежевание или, по крайней мере, символическое освоение. В Украине практиковались самые разнообразные виды обмежевания: для полей проводились широкие смежные борозды, для имений устраивались копцы или то ставились, то зарывались в глубину земли камни, в лесных участках на деревьях делались насечки, между жилыми смежными участками проставлялся тын или каменная кладка с насечками, на бортиях клались значки и т. д. ²⁾. Украинский кодекс—«Права» 1743 г. в гл. XVII, арт. 4, § 1 перечисляет: грань деревянную, приметы и межи, при чем не только на недвижимости, состоящие в постоянном обладании, но и на временные в роде уходов, где клались или межевые знаки, или символические приметы ³⁾. Характерно сравнительно частое упоминание «старых копцов». Открытие их или наложение новых знаков совершалось в торжественной обстановке молебствий, кроплений освященной водою и т. п. обрядов, имевших значение и как пережиток, и как средство лучшего закрепления в памяти освящаемых меж. Межевание в Украине было судебно-административным, и только в XVIII в. появился специальный институт межевщиков в виде коморных и подкоморных. До того же межевание производилось чинами полкового суда, особыми уполномоченными полковых канцелярий и членами сотенных правлений, которые обязывались «в полковой канцелярии чинить рассмотрение и решение по силе указов и прав» ⁴⁾. «Права» высказывались за то, чтобы межевание производилось «писмом комиссарскимъ» ⁵⁾. Комиссар устанавливал копцы на расстоянии 5 шнуров (50 саж.) один от другого при помощи измерений веревкою и наносил на бумагу план измеренных пространств, после чего операция вносилась в акты книги. «Права» устанавливали присутствие во всякой сотне и магистрате института межевщиков и их помощников из числа «помѣстья имѣющих и в правѣ искусных людей» с тем, чтобы они принимали к решению не только крупные размежевания,

¹⁾ Слабченко, Диариуш, 16.

²⁾ Украинские юридические знаки собственности, к сожалению, не имеют своего описателя, хотя бы в роде труда Соловьева, «Зн. соб.», 53, 31 и др.

³⁾ Права, гл. XVII, арт. 11, § 1—2.

⁴⁾ Андриевский, Ист. мат., I, 43.

⁵⁾ Права, I с., арт. 2, § 1.

но брались «и за малые грунты и споры»¹⁾. Приведенные постановления были развиты последним гетманом в его универсале 1763 г. о введении в Гетманщине особых подкоморских судов «для разбирательства в спорах за земли и рубежи какъ между владѣльческими так и между государевыми свободными»²⁾. Замежеваньем до реформы Разумовского определялись размеры данной недвижимости лишь более или менее точно, ибо часто вся операция производилась в суде, а не на месте, и по документам или словесным показаниям; дело ограничивалось обычно указанием соседей и примерными расчетами пространственности земельных участков. Провизорный тип величины участков открывал возможность новых occupationes. Только генеральное размежевание прекратило практику последних, признавши все незанятые пространства государственною собственностью³⁾. Но к тому времени, собственно говоря, уже и нечего было захватывать, так как все земли были апроприированы. Таким путем рождалось и оформлялось землевладение в Украине XVII—XVIII ст. в главных своих проявлениях.

Каковы же были формы хозяйства? Оно было дворовым. Но что такое двор? Поставленный вопрос принадлежит к числу самых неразработанных в украинской исторической науке. Обычно двором считается часть усадебной земли, прилегающая к жилому помещению и вместе с ними и другими постройками и пристройками составляющая хозяйственную единицу. В то же время в понятие «двор» входит и известная населенность данной единицы, которая может быть большей или меньшей в зависимости от места расположения двора и той или иной эпохи; напр., населенность двора в 60-ые годы XVIII ст. равнялась 5,9 души, в XVII ст.—6,1 д.⁴⁾; у посполитых на двор приходилось 7,8 д., у подсуседков—6,61 д. Но и признака «населенность» считается недостаточно. Для старой Украины в составе двора мыслилась пахотная и иная земля. У упомянутых посполитых на двор приходилось 5,96 дней (день = $\frac{3}{4}$ дес.) пахотной земли, у подсуседков на семью, насчитывавшую в своем составе 4,41 д.,—1,6 дней⁵⁾. Однако и этого недостаточно. В Украине XVII—XVIII стол. различались хаты и дворы, хаты с дворами и бездворные. В Пешчанской сотне Переяславского полка, напр., дворных хат считалось 72,6 проц. и 27,4—бездворных⁶⁾. Стало быть, для «двора» должна получиться еще более

¹⁾ Права, I с., арт. 9, § 1—2.

²⁾ Миллер, Суды, 58—62, 152.

³⁾ Гамбаров, Вещ. пр., 187.

⁴⁾ Тр. Полт. Арх. Ком., XII, 49.

⁵⁾ Ib., 130, 137.

⁶⁾ Ib., 48.

сложная формула, что не может способствовать, конечно, выяснению интересующего нас понятия. Различными учеными, в силу сего, давались априорные определения, лишь в большей или меньшей степени освещавшие вопрос. Проф. Максимович, напр., догадывается, что двором являлась единица обложения, и что во избежание выплат в пользу государства несколько дворов объединялись в один ¹⁾. Такое объяснение заимствовано из понятия великорусского двора и связано может быть только с XVIII стол. и с системой публичного обложения. В Украине же не последнее являлось отяготительным, а (для того же XVIII в.) помещичье. Однако последнее определялось степенью зажиточности двора. У Полуботков, напр., 200 дворов платили осенщину в размере 10 коп. с двора, 3—по 15 коп., 2—по 25, 20—по 30 коп., 3—по 2 руб., 1—2 р. 40 к., 1—5 р. и 1—7 р. 40 к. ²⁾. Приведенные цифры показывают, что объединением нескольких дворов в один ничего не достигалось и что, следовательно, формула проф. Максимовича не может быть принята. Возможно, что проф. Максимович имел в виду специальный класс населения, казаков-подпомощников, которые обязаны были сообща содержать т. н. выборного. От такого предположения вопрос не становится яснее, так как подпомощники уплачивали в зависимости от благосостояния же, а не от двора. Проф. Лучицкий выдвигал особый момент в понятии двора—родственное единение дворной организации, рассматривал двор как единое хозяйство «сполной семьи или спулки» ³⁾. Однако в «двор» входили не только родственные элементы, почему А. Ефименко вносила поправку в данное определение и считала двор сябровой организацией ⁴⁾. Но известны дворы, населенные только родственниками или пустые, так что предполагать в них сябровство не доводится. Сверх того, нельзя доказать, что обложение, против которого не возражала Ефименко, шло по сябровствам. Да и помимо того, «спулка» ли, сябровство ли, но в устах названных исследователей они сближались с т. н. большой семьей, ведшей хозяйство по едокам, связанной строем свалок—навалок, переделов и т. п. Принявши в расчет сябровство и не отказавшись от обложения, приходится признать, что облагалась не вся сябренная единица, а доли его, на какие каждый член имел права. А этого-то доказать невозможно, да и принципиально такая точка зрения была бы неправильной. Неудовлетворительность постановки

¹⁾ Тр. П. А. К., XII, 104.

²⁾ Рус. Арх., 1880, I, 142.

³⁾ Тр. П. А. К., XII, 105—106.

⁴⁾ Ефименко, Ю. Р., II, 378; Иссл. нар. жизни, 65, 66.

вопроса проф. Лучицким и Ефименко побудили исследователей искать новых определений. К числу их принадлежит Федоренко. Собственно говоря, его определение двора составлено по Максимовичу, но в него внесены дополнения и отмечены составные моменты понятия: а) единство и наличность дворовой территории, б) родственные связи членов двора и в) отбывание службы с двора¹⁾. Второй из выдвигаемых Федоренком пунктов сближает его формулу с формулою Лучицкого и Ефименко, третий тоже не представляет ничего нового, и лишь первый пункт интересен, но существенного также ничего не вносит для выяснения понятия, ибо указанные в нем признаки отчасти входят во 2-й и 3-й пункты формулы. В силу сего определение Федоренка заключает в себе все недостатки эклектического. Проф. Мякотин описывает двор. С его точки зрения, двор может быть и простой хозяйственной единицей и единицею сложной, сложной механически из более простых и самостоятельных единиц, семей, чужих, а то и родственных лиц, ведущих, однако, отдельное хозяйство и стоящих на разных ступенях экономической самостоятельности²⁾. В 90-ые годы упоминавшийся проф. Лучицкий возвратился к определению двора и стал отождествлять двор с дворцом и службой, как единицею старинного поземельного строя. При этом дворец обнимало усадьбу с постройками, всю пахотную и иную землю, состоявшую в общем владении семейной группы³⁾. В этом определении большие отступления от высказанного раньше положения. Есть совершенно правильная точка зрения, что понятие двора историческое,—оно изменялось в зависимости от времени и государственной организации. Тем не менее и новую формулу проф. Лучицкого принять невозможно. В самом деле, «служба» — только казачья земля, двор же являлся принадлежностью представителей и других общественных групп. Дворец — явление старого порядка вещей, и самый термин упоминается в актах весьма редко — доказательство отмирания старых экономических явлений. Наконец, в составе двора видим не только родственников,—владение может принадлежать и сторонним. Перед великою Европейскою войною за разрешение спора о дворе взялся молодой ученый Романовский, подошедший к данному вопросу после специального изучения небольшого архивного материала. В результате своей работы Романовский дает следующее определение двора: «двор есть огороженный

¹⁾ Тр. П. А. К., XII, 103—104.

²⁾ Сб. в пользу нед. студ., 155.

³⁾ Юр. Вест., 1890, III, 399.

земельный участок, занятый одной или несколькими хатами и хозяйственными пристройками... Если место не было огорожено, то хата называлась бездворной... К двору приурочивались все остальные угодья. Второй существенный признак двора — повинности, которые с него отбываются»¹⁾. По поводу предложенной формулы следует сказать, что огороженность не является существенным признаком двора, как и наличие в нем построек. Приурочивание к двору угодий не всегда возможно, и без них двор не перестает оставаться двором. О повинностях с двора говорилось выше. К сказанному необходимо присовокупить, что даваемые украинскими учеными определения находятся в теснейшей связи с определениями двора, заимствованными у русских исследователей, и притом тоже неудовлетворительно разрешавших поставленный вопрос. Проф. Загоскин, напр., считает двором городскую податную единицу определенных размеров, расположенную на городской территории, заключающую в себе жилые строения и службы и приписанные угодья с пустырями; владельцем двора могло быть либо одно физическое лицо, либо же двор принадлежал нескольким лицам; самое дворовое место служило объектом права частного владения, что не мешало встречать дворы, и не состоявшие объектом частного владения²⁾. Акад. Лаппо-Данилевский выдвигал на первый план для московского двора также его способность служить объектом обложения, находил дворы только в городах и считал их совокупностью «строений, расположенных на одном и том же месте и принадлежащих одному и тому же владельцу»³⁾. Пропуская определения иных ученых, дававших определения двора московского государства, от коих исходили украинские писатели, приведем чисто юридическую формулу одного из видных русских цивилистов. «Понятие о крестьянском дворе», говорит этот цивилист: «имеет целью упорядочить для более тесного круга лиц совместное пользование надельною землею. Крестьянский подворный участок стал собственностью не крестьянского общества, как общинная земля, а отдельного домохозяина... Двор есть союз, образуемый из родственников, живущих в одном хозяйстве и составляющих трудовую единицу». И дальше: «Крестьянский двор — юридическое лицо, где подворная собственность принадлежит рабочей семье, как корпорации, органом которой является домохозяин». Двор — форма общей собственности, существовавшая в средние века

¹⁾ Ю. Б. Сб. Ист.-Этн. Кр. при Ун. Св. Влад., 85.

²⁾ Загоскин, О пр. влад. гор. двор., 3, 4.

³⁾ Лаппо-Данилевский, Орган. прям. обл., 238, 246.

вод именем совокупной собственности — *Gesamteigenthum*, где у соучастников нет самостоятельности, — им всем принадлежит одно и то же имущество, они все вместе распоряжаются им, и доли своей каждый в отдельности отчуждать не может¹⁾. В приведенном определении перечислены почти все признаки двора не только русского, но и украинского. Но оно имеет существенные недостатки в том отношении, что автор исходит из представления о современном дворе, притом дворе крестьянском, родившемся в результате распада общины. Дальнейший недостаток состоит в том, что смешиваются разные юридические моменты²⁾. Итак, рассмотрение историографии двора не привело к выяснению его сущности. В связи с сим приходится искать разрешения поставленного вопроса в актовых данных, прибегать к исторической проверке. Во времена до-Хмельничины встречаются в Украине села, состоящие из дворищ; к ним тянут мельницы, озера, перевозы и пр., юридически связанные с помещичьим двором³⁾. Иногда, впрочем, вместо термина «дворище» пишется «двор», совокупность нескольких дымов, т. е., в свою очередь, дворов⁴⁾. После Хмельничины термин «дворище», хотя очень редко, но встречается. Напр., «дворища з распашними их землями, облогами и перелогами и со всѣми к тому принадлежащими угодіи»⁵⁾, с угодьями, «нивками» и т. п.⁶⁾, но без «значних признаков», что впоследствии вызывало нужду в «розмѣренію»⁷⁾. Рядом встречаются также термины «дым» или «пóдым» в значении, равнозначущем, как видно из одного документа 1727 г., с «двором»⁸⁾. Встречается и иная терминология. Напр., в одном акте Стародубовского уряда 1693 г. читаем: «грунт т. е. дворъ з огородомъ, в межах і границахъ лежачій»⁹⁾. Известны, дворовые пляцы, в случае отсутствия построек, именующиеся голами¹⁰⁾. Понятие «двор» иногда отождествляется с понятием «хутор». В 1782 г. хутор Кувичинский помечен, как состоящий из 712 арш., хутор Рогуцкого — 630 арш., Лятушевича — 281 арш., Давидовского —

1) К а с с о, Поземельное право, 189, 191, 192.

2) О дворе см. Мейендорф, Крест. двор в сист. рус. крест. законод., II, 1909.

3) П. К. К. III, 19, 20, 23, 24, 30, 41 и др.

4) *Иб.*, III, 165, 166, 167.

5) Зап. Ч. Г. Ст. К., II, в. 5—6, 208.

6) Ак. Полт. ур., II, № 41, 74, 84.

7) *Иб.*, III, № 128.

8) С. Р. И. О., LXIII, 592.

9) Акт. кн. Стар. гор. ур., 3, 10.

10) *Иб.*, 9.

281 арш., Головченка—394 арш., Александровича—822 арш. и т. д. Рядом — дворы: Шишкина—566 арш., И. Воронковского—640 арш., К. Воронковского—794 арш., Снежчихи—845 арш., Бозинского—1150 арш. и т. д.¹⁾ Хутор то больше, то меньше двора, и наоборот. Можно было бы думать, что разница в терминах все-таки обязывает. На поверку выходит противное. У Снежчихи имеется жилой двор в Корневщине размерами 845 арш. «и другой хуторъ ея же неподалеку того двора—902 арш.»²⁾ Таким образом, двумя терминами фактически означает одно и то же явление. В некоторых местностях термин «двор» был мало принят, и вместо него бытовал термин «дом». На юге Украины сплошь и рядом в актах фигурирует просто дом³⁾: «дом власный»⁴⁾, «домъ з погребом, коморою и з судом всѣм, що в дому находитъ»⁵⁾. При этом замена термина «двор» термином «дом» в одном и том же акте не является редкою⁶⁾. То же наблюдалось и в Киевском полку⁷⁾. Итак, в результате проверки удается установить, что двор представлял собою явление и городское и сельское и отождествляется с хутором и домом,—последнее гораздо чаще. В виду сказанного для вскрытия нашего явления приходится прибегнуть к иному методу, каковым, думается, может служить метод исключения. Возьмем данные Румянцевской описи, опубликованные В. Василенком. Пред нами двор А. Дербаха. Там живет две семьи в 7 душ, есть 1 хата, 1 комора, 2 сарая, 1 конюшня, в трех местах 15 кусков земли на 34 дня, где высевается 10,5 чт. 1,5 чк. хлеба, имеется 5 волов, 2 коровы, теленок, 4 коня, 9 овец, 3 куска леса. Это образчик полного или обширного двора. Но число семей во дворе может быть большим, может быть меньшим. Возможен от всей семьи только 1 человек, как то видно на Любке Морозихе. Наличие хаты не обязательна: у Караченка и Марценка нет ни хаты, ни коморы, ни сараев. Может не быть и огородов, как у Ф. Бескоровая или В. Бобрувника. Не обязательно иметь двору и землю пахотную и засева—Ф. Бобрувник, напр., не имел их. Далее, может не быть скота, сенокоса и леса, каких-либо доходов и пр.; для выборных (если речь идет о дворах выборных) может не быть налогов, для подпомощни-

¹⁾ Андриевский, Ист. мат., III, 69.

²⁾ *Ib.* III, 62.

³⁾ Акт. кн. Полт. гор. ур., II, № 6, 16, 20, 22, 27, 68; III, № 37, 60, 64, 83.

⁴⁾ *Ib.*, II, № 8, 11, 15, 41, 76; III, № 13, 18, 35, 37, 147, 148.

⁵⁾ *Ib.*, II, № 24; ср. № 67 и III, № 45.

⁶⁾ *Ib.*, I, № 63, 70, 90, 129, 84.

⁷⁾ Мест. Борисполе, *Ib.*, I, № 65, 66, 71, 74, 76, 78, 80, 81, 84, 85, 99, 100, 115.

ков — тоже: В. Гриценко, И. Гурин, А. Коваленко ничего не платят. Если бы иметь в виду неразделенную землю, где производились засева, то такие случаи не часты (Г. Бунчук, Ф. Дербах, напр., владеют такой землею), и земля опять-таки необязательна для двора. Наличие нескольких семейств-фамилий в хатах двора может означать и одно и несколько хозяйств. Словом, если отбросить все перечисленные признаки, то для разных дворов, под какими бы именами они ни фигурировали, остается два признака: недвижимость и собственность. Обложение не играет существенного значения. Подсосудки, напр., дворов не имеют, — у них есть только хаты, иногда хаты бездворные, но они в некоторых случаях не освобождаются от обложения, как то можно видеть из сообщаемых В. Василенком статистических таблиц. Из них же видно, что если облагались дворы, то в лице их юридических обладателей. На основании изложенного можно заключать, что двор представлял собою условную единицу недвижимости, состоящую на праве собственности. Размеры его не играли роли, как и приписываемая ко двору земля, — границы ее могли быть то больше, то меньше. В Слободской Украине, напр., актом 1681 г. Бороховичу было указано отвести «на мѣста дворовые по мѣрѣ 3 десятины»¹⁾; в Гетманщине на двор в конце XVIII в. приходилось 1,75 дес. земли, 1,5 коп. сена, а то 0,75 дес., 1,125 дес. земли²⁾. Все зависело от фактического состояния вещей. Однако указанное определение двора, как собственности на своеобразную недвижимость, не объясняет его происхождения. Если обратиться к законодательным памятникам, то в них ответ будет найден. Так, в «Правах», по которым судится малорос. народ о дворе говорится только в гл. III, арт. 9—10, как о дворе государевом, где господствует только его юрисдикция. В прочих местах «Прав» говорится или об имениях или домах. Домом в гл. XXIV, арт. 131 называется собственность на недвижимость, соединенная с юрисдикциею собственника над обитателями ее. К приведенному артикулу сделана сноска на Литовский Статут. Последний, однако, знает дворовую челядь (разд. XII, арт. 15), тот же королевский двор (разд. I, арт. 9, 35 и др.) и панские помещичьи имения и дома с юрисдикциею над обитателями. Дом панский и двор панский в старопольском праве означали одно и то же. Двор — это *curia* владельца фольварка. Фольварочное владение соединялось с признанием за собственником его юрисдикции над всеми обитателями фольварка: жена и дети подчинялись владельцу фольварка на основании

¹⁾ Миллер, Арх., 97.

²⁾ Тр. Полт. Арх. Ком., XII, 56.

patris potestas, вольные слуги—на основании consensus, невольные—как своему dominus, сам же он в отношении публичной власти состоял in jure vassali. В таком положении находились разнообразные круги украинского населения к польским или ополяченным помещикам в Украине до 1648 г. ¹⁾ Хмельщина сделала все население свободным: власть панов-феодалов пала; каждый обыватель республики над собою не знал иной власти, кроме публичной, и к нему перешли, за ним были признаны все те права, какими до революции обладал польский пан; вместо двора панского появился у каждого свободного свой двор и дом, как то когда-то отождествлялось в Польской державе ²⁾. При таком объяснении двора становятся понятными все те случайные моменты или разрозненные признаки, какие встречаются у исследователей интересующего нас явления. Такая точка зрения влечет за собою признание двора индивидуальной собственностью. В качестве таковой двор связан был с родом обладателя. В актах на отчуждение двора или приписанных к нему земель всегда подчеркивается индивидуальное владение, индивидуальная собственность. «Власные грунта» ³⁾, «власный плец» ⁴⁾, власный хутор ⁵⁾, власная сѣножать ⁶⁾, власное займище ⁷⁾, власная нива ⁸⁾ и пр. Но «власность» — собственность связывалась с родом. Отчуждение возможно было лишь с согласия и разрешения рода. Приобретение двора немедленно вызвало представление о претензиях на него со стороны того же рода. Родство разумелось близкое и дальнее, «кревнии близкии и далекии», «кревные и повиноватые и приятели» ⁹⁾. Родство накладывало обязанности на членов рода. Родственники должны были блюсти за честию рода и даже мстить за «змазу» доброго имени ¹⁰⁾; они поддерживали иски родственника в суде ¹¹⁾, помогали младшим или несовершеннолетним членам рода «ведле повинности приятельской» ¹²⁾ и пр. Понятно, что и движение дворового имущества для них не считалось

¹⁾ Maciejowski, Hist. włośc., 73.

²⁾ Łoziński—Życie Polskie, 11.

³⁾ Акт. кн. Полт. гор. ур., II, № 3, 39, 42.

⁴⁾ Ib., II, № 4.

⁵⁾ Ib., II, № 7, 44, 73, 88, 91.

⁶⁾ Ib., II, № 12, 13, 21, 49, 52, 80, 94.

⁷⁾ Ib., II, № 17, 50.

⁸⁾ Ib., II, № 18, 19, 32, 38.

⁹⁾ Ib., I, № 16.

¹⁰⁾ Спр. кн. прил. п. л., 9—11.

¹¹⁾ Слабченко, Малор. полк., 311.

¹²⁾ Акт. кн. Полт. гор. ур., II, № 79.

обстоятельством безразличным. Отчуждение двора целиком или в части его совершалось посему «з обрады приятелской» ¹⁾, прокламировалось не только от имени собственника, но и всего рода его и переходило не только индивидуально к покупателю, но и ко всему его роду. «Позволяю Левку, женѣ его и потомству его», читаем в акте 1664 г. мещ. Ивашенка: «тим (отчуждаемым) млином владѣть, в томѣ только варуючи: кгди би Левко хотѣл кому иному продат, ближайшое потомство мое повынни будут тую сумму отложит, чему Левко не мает быт спречен» ²⁾. В виду этого член рода, не желавший связывать себя обязанностью откупанья отчуждаемого имущества, должен был заявить о том на суде ³⁾. Незаявление о сем не означало отказа, и потому даже отписанное в завещании на церковь имущество могло быть откуплено по заявлению о том заинтересованного лица в суде ⁴⁾. Вместо заявления правосознание допускало явиться к владельцу и прямо потребовать возвращения недвижимости за плату, внесенную при первоначальном отчуждении. Владельцу в таком случае оставалось обращаться за помощью к суду против «отбивателей» ⁵⁾. Вот в силу каких соображений продавец должен был отдалять при продаже недвижимости своих родственников и обещать покупателю свою помощь в суде по очисткѣ отчуждаемого имущества от возможных претензий ⁶⁾. К числу «близких» родственников принадлежали и жены, которые также отказывались от прав при отчуждении имущества. По смерти мужа, совершившего отчуждение с согласия рода, от жены на всякий случай можно было добиваться подтверждения ею совершенной ее умершим супругом сделки ⁷⁾. От детей требовалась отступная грамота в том, что они продажу «зезнавали вичними часы и зрекались, же не суть належачи до проданной недвижимости» ⁸⁾. Отчуждая имущество, собственник один отрекался в дальнейшем от прав на него. Молчание родственников означало их согласие. Но иногда и они тут же сами отказывались от будущих претензий, рядом и вместе с отчуждателем. Так, в 1660 г. мать и сын, продавая двор, совместно отказывались от прав на него в будущем ⁹⁾. Повидимому, с род-

¹⁾ Ак. кн. Полт. гор. ур., III, № 17, 34.

²⁾ *Ib.*, II, № 1, ср. № 42.

³⁾ *Ib.*, II, № 92.

⁴⁾ *Ib.*, II, № 20.

⁵⁾ *Ib.*, II, № 37.

⁶⁾ Мест. Борисп., *ib.*, II, № 41.

⁷⁾ Стороженки, VII, 38.

⁸⁾ Любѣц. Арх., 229.

⁹⁾ Тр. Ч. А. К., X., 152, 153.

ственниками приходилось покупателям иметь не мало хлопот, ибо практика складывалась так, что тут же, в суде, требовалось заявление об отказе от прав¹⁾. Чтобы отчужденным имуществом возможно было спокойно владеть, покупатель учитывал все возможности и все старался оформить. Доказательством может служить дело И. Сулимы 1711 года. Сулима оплатил долги гетманского слуги Асакая, выкупил из наложенного ареста его «млин» и двор и стал требовать посылки для осмотра недвижимостей Асакая «и в интромѣссию себѣ оних угодий подданья». С означенною целью отправились представители Стародубовской полковой старшины и произвели необходимую опись. После этого Сулима выплатил некоторую сумму денег наследникам Асакая и дал им в прибавку хутор, в оплату за что они отказались от иных имуществ. При этом выяснилось, что старший сын Асакая за избиение отца последним был лишен наследства, «прирожденнымъ правомъ стратил своих збродень отчизну и неотданья належитой чести родичевѣ, такъ южъ до добр интересоватися и жадного перенагабання чинити не повинень былъ, яко отродокъ». Узнав об этом, Сулима потребовал внесения означенного факта в совершаемый им акт; все прочие дети Асакая «под круговою зарукою сами и по них потомки их до предреченнихъ грунтовъ» не смели «интересоватися и в спокойномъ держаню (Сулимы) жадной перешкоди чинить неповинни были»²⁾. При отчуждении общего имущества, присутствие и согласие всех собственников представлялись тем более, конечно, необходимыми³⁾. Впрочем, для XVIII стол. известны случаи, когда при продаже части общей недвижимости обходились и без согласия других совладельцев, ради чего, вероятно, производился предварительно раздел общей собственности⁴⁾. Со смертью собственника имущество его лежало открытым в ожидании наследников. И только в случае полного отсутствия их расценивалось или как выморочное, или считалось собственностью умершего, почему возможно было отчуждение его при помощи принятия покупателем на себя обязанностей родственника. В 1662 г. полк. Гаркуша узнал о существовании имущества, оставшегося по смерти некоего Кирика. У Кирика не было «щадков». Гаркуша, «бачачы, иж жадные их покровные до (того) грунту не находятся», и принявши в расчет отсутствие поминовения умершего Кирика и его родственников в церкви, заказал соро-

¹⁾ Ген. сл. Черн. п., 671; ср. Стороженки, III, 1.

²⁾ Мот. Арх., № 23.

³⁾ Стороженки, VII, 11.

⁴⁾ Ы., I, 7—8.

коуст, дал некоторую сумму денег на церковь при свидетелях и на таком основании просил уряд, «абы тую его куплю приняли и записали до книг» и выдали купчую, что и было сделано ¹⁾. Отсутствие оговорок при отчуждении и отказа родственников превращали сделку в условную. Сестра одного олифировского жителя продала было свою землю, затем возвратила полученную ею сумму денег, и покупатель вынуждался к возвращению приобретенного грунта, на что уже и последовало распоряжение Сорочинского сотника. Дело не выгорело только потому, что полковник заметил, что покупатель провладел землею 10 лет и, таким образом, приобрел ее в собственность по иному титулу ²⁾. Принимая такое положение в расчет, покупатели требовали от продавцов «шитить их против турбаторовъ» и определяли вкладывавшуюся в полковые или сотенные учреждения неустойку, «а еднакъ и по заплаченню таковой вини кожний турбатор до проданной нерухоности» не должен был «мѣти уступу» ³⁾. В случае «турбаціи» со стороны родственников (или иных лиц) продавший обязывался «протори и убитки пополнить» пострадавшему ⁴⁾. На случай недоразумений между самими контрагентами стороны клали «заруку на вчинателя» ⁵⁾. Размер заруки бывал сравнительно велик. В 1754 г. сотник Стороженко купил одну ниву за 20 руб., заруку же определили в 100 руб. ⁶⁾. Неправильное или незаконное отчуждение влекло за собою вмешательство рода, как то наблюдается на деле 1666 года, когда С. Гриценко «с приятелми своими ускаржался на С. Милкону» в незаконной продаже последним отцезщины Гриценка ⁷⁾. Вмешательство «кровных» связывалось с правом выкупа и нормировалось законом Д. Апостола в 1725 г.: «тот, кто имеет право выкупа родового имения, кроме того, что уплатит за выкуп отчуждаемого имения, не обязан возмещать издержки, в которые мог войти покупатель; но кто продаст землю без ведома своих родственников чужеродцу, обязан уплатить ему издержки» ⁸⁾. Право выкупа распространено было, главным образом, среди зажиточных старшинских кругов. Там оно считалось обязательным и на практике было известно. В 1733 г. Ирина Забелла писала своему брату Ивану,

¹⁾ Мест. Борисп., Акт. кн. Полт. гор. ур., II, № 93.

²⁾ К. Ст., 1895, VII, 114.

³⁾ Мот. Арх., № 8.

⁴⁾ Тр. Полт. А. К., XI, 108.

⁵⁾ Мот. Арх., № 72.

⁶⁾ Стороженки, III, 6.

⁷⁾ Ак. Полт. гор. ур., I, № 82, 88.

⁸⁾ К. Ст., 1897, VII, 113.

предлагая ему купить боренские леса ¹⁾. Но и в других слоях украинского общества право выкупа было популярно. Так, в 1680 году В. Артемонов признал, что он «в с. Рогознѣ купилъ у Т. Михайловича, братанича своего, часть его мельницкую» ²⁾. Отказ давал братаничу право отчуждения сторонним.

Условность отчуждения, о которой упоминалось выше, как об условной для покупателя, была известна Старой Украине и в отношении продавца. Здесь подразумевается случай отчуждения недвижимости фактическим владельцем, признающим права юридического собственника, почему-либо не осуществлявшего своих прав. Важно было, чтобы права не осуществлялись по законом признанной или основательной причине. К числу таковых принадлежало, напр., пленение или насилие. Плен собственника делал все акты, совершенные в отношении его имущества, условными. Сюда относился и залог недвижимости, и раздел его, и т. п. В 1673 году был разделен грунт между неким Матвеем и его сестрою Гапкою Гавриловою. Сделку передали на рассмотрение и утверждение суда, и суд постановил: «кгда Богъ уволнит неволника Гаврила, рожного их брата, грунтъ той Григоровъ будетъ» ³⁾. В купчих такое право невольников прямо оговаривалось, напр.: «половина грунта неволника, кгда его Господь з неволи уволнить, будет при своей половинѣ зоставать, а (продавший) повиненъ любь и потомки его нагородить, бинаймней не вдаючись въ правние заводи» ⁴⁾. Права приобретателя тем не менее не шли на смарку—они признавались и соответствующим образом гарантировались ⁵⁾. Сделку по отчуждению, совершенную незаконно в отношении пребывавшего в плену лица или сопровождавшуюся опрочивающими со стороны родственников обстоятельствами, всегда можно было оспорить, несмотря ни на какую конкретную обстановку, как то видно из дела Софии Фасовской 1704 года. Во времена Руины Фасовская, будучи еще ребенком, попала в неволю со всей семьею своего покойного отца Бакуринского. Дядя ее Е. Бакуринский захватил недвижимость умершего брата, «чинячися тимъ добрамъ наследникомъ по мерломъ брату и взятих в неволю потомках его и якіе імѣлися на добра... служчіе крѣпости все позабыралъ до себе, которіе усѣ крепости и привилеи и синъ его» забрал и уничтожил, «погноив в

¹⁾ Тр. Ч. Пр. К., 10.

²⁾ Мот. Арх., № 66.

³⁾ Акт. кн. Полт. ур., III, № 22, 111.

⁴⁾ *Ib.*, III, № 49.

⁵⁾ *Ib.*, III, № 132.

землѣ закопанніе». Тем временем София избавилась от неволи, «едина токмо по своемъ родичу оставшаясь». В освободившейся приняла участие тогда еще Миргородский полк. Д. Апостол, который предложил ее дяде восстановить Софию в правах, «яко прамую наследницу и сукцессорку достойную наследства своего». Е. Бакуринскому пришлось смириться. Но так как ему не хотелось расставаться с владеемою им недвижимостью, то он старался долго не выдавать замуж возвратившуюся из плена девушку и после насильно выдал ее за простого робкого казака Фасовского, беспрекословно во всем подчинявшегося Бакуринскому («чтоб удобно могъ самъ із своим потомствомъ владѣт добрами»). Однако не только София, но и Черниговская старшина, под юрисдикцією коей состояли имущества «добра» Фасовской, признавали последнюю настоящею владелицей «прародительнимъ добрамъ», несмотря на то, что Бакуринский имел от гетм. Мазепы на захваченные им имения универсалы, «не по существу выправленныя». Принимая во внимание плен, который не отстранял Бакуринской-Фасовской от ее недвижимостей, насильственный брак ее и универсалы Мазепы, «каторіе прамо і подрадочно изобличали фалш і неправост Бакуринских во владѣнію», Фасовская затеяла «дело», каковое в Украине, повидимому, увенчалось успехом, ибо дошедшие документы связываются с восхождением на царское решение ¹⁾. В XVIII стол., когда земля стала расцениваться весьма высоко, за право родственного выкупа недвижимости держались особенно цепко, стараясь удержать в своих руках каждый лоскут недвижимого имущества. Это обстоятельство побуждало родственников к внесению в акты книги протестов, для чего при полк. канцеляриях заведены были специальные «книги протестов». В протестах, как то видно из заявленного А. Миклашевским на Ф. Трембецкого, объяснялись «природныя права до (отчуждаемых) добр», устанавливалось родство протестующего к протестуемому, и делалась «заявка» на наложение запрещения «принимать деньги, без соизволения (протестующего) жадными крѣпостми никому (проектируемого к продаже имущества) не укреплять и изсрочивать» до надлежащего «порозумевания» ²⁾. В виду этого отчуждения совершались в особой обстановке «на писму» и в присутствии «могоричников», дававших «подпис своих рук». Могоричниками являлись почтеннейшие лица округа в виде отаманов, священников и «иных вѣригодних людей». «Могоричники» свою работу проводили не бесплатно. На «могорич» выделялась некоторая сумма, входившая в состав

¹⁾ Арх. Мал. Кол., св. № 570.

²⁾ Арх. Мал. Кол., № 429.

покупной, напр., при сумме в 20 к. одна шла «за могорич»¹⁾. Могоричники выдавали большую крепость сделкам по отчуждению недвижимостей, создавали устойчивость, и потому, чем ближе к XVIII ст. и в XVIII ст., их присутствие наблюдалось все чаще и признавалось необходимым.

Несмотря на господство родовых отношений в Украине XVII—XVIII стол., историография, в лице некоторых своих представителей, высказывается за существование в Гетманщине общинного строя. Еще в 70-х годах акад. О. Левицким было высказано положение, будто «во имя общинных начал украинский народ и поднял борьбу с Польшею»²⁾. Высказанная точка зрения обоснована и развита не была, но, как будто, имеет за собою основание. Так, во времена Хмельницыны имели место факты, говорящие, повидимому, за общинное устройство Гетманщины. «Конотопцы государеву землю распахали многую», писали московские чиновники: «и хлеба сеяли оржаной и яровой и сѣна покосили и лѣсь и бортныя дерева посякли и межи и копцы перепахали»³⁾. В действительности приведенный случай представляет собою не общинное владение, а правонарушение, к тому же совершенное в пределах чужого государства. Уничтожение меж в данном случае представляет собою прием освоения, которое могло стать бесспорным только в виду того, что предшествующий собственник не мог доказать межами своих прав. Так поступало украинское население и у себя дома, когда раскапывало копцы, уничтожало межевые знаки и на освоенной таким путем земле сеяло хлеб, косило сено, рубило лес, курило деготь «и всякими угоды владѣло насильно»⁴⁾. Однако некоторые осторожные исследователи опасались из подобных фактов восходить к общине. Так, проф. Кавелин признавал в Украине существование общины, но относил ее к очень отдаленному прошлому и склонялся к тому, что со времен Хмельницыны в Украине развита была преимущественно индивидуальная собственность. Говоря об общине в Украине, Кавелин полагал, что община «обязана была наделить каждого из своих членов равным земельным участком, хотя бы для этого пришлось уменьшить доли»⁵⁾. «Обязана была наделить» не значит «наделила». И Кавелин, отлично знавший о существовании в Украине класса безземельных и приписывавший (хотя бы в прошлом) украинскому на-

¹⁾ Ак. кн. Полт. ур., II, № 20.

²⁾ Киев. Ун. Изв., 1874, III, 124.

³⁾ Кулиш, Отпад. Малор., III, 63.

⁴⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. 3, IV, 670.

⁵⁾ Кавелин, Собр. соч., II, 221, 311.

роду общину, не отмечал ни случаев наделения населения одинаковыми земельными участками и не объяснял появления разряда безземельных в общине. Говорить так, конечно, не значит отрицать факты занятия громадных земельных пространств значительными группами населения, особенно выходцев с правого берега Днепра, шедших сотнями и даже полками в пределы Московской державы. Там эмигранты захватывали и осваивали земли «обществом», как показывают работы проф. Багалея. Однако выходцы не селились в одном месте сплошной массой. Они немедленно по приходе разбирались и рассаживались отдельными селеньями и после того приступали к разбору земель¹⁾. Уже Маурер в своем знаменитом «Введении» отмечал, что, при завоевании и вообще одностороннем захвате территории, трудно предполагать уравнительный раздел земель. Земли в таких случаях давались пропорционально количеству и качеству оказанных услуг, что действительно в Украине наблюдалось при «наданьях». Дача земли за услуги не есть общинное явление, а строго индивидуальное, eo ipso падает утверждение «общинников». Сверх того, с индивидуальным разделом, по наблюдению того же Маурера, встречаются и понятия, связанные с древним родовым вымером, что выше и отмечалось²⁾. Затем, заселение свободных пространств во многих случаях совершалось в межах прежних разбивок—селищ, что влияло не только на конфигурацию селения, но и на освоение им пахотных полей, угодий и пр. При заселении же ранее не освоенных местностей приходилось действовать по шаблонам немецкого права, через осадников, каковым в известной степени обязаны были трехпольем новые осады. Для XVII стол., впрочем, трехпольная система не означала чересполосицы, а способ ведения хозяйства, чересполосица же родилась позже в связи с движением «нерухомоостей». При незначительной первоначальной заселенности и обилии земель, оставалось много пространств вне разбора, в немедленном обладании и обработке их население не ощущало нужды, почему и расценивало их как запасный земельный фонд, за счет коего устраивалось растущее население, выселки и старшинские хутора. Помимо того, земли всегда в Украине мыслились как родовые, не общинные. Казачество не могло их отчуждать в виду связанности земли со службой, крестьянство должно было нести «обычную государеву службу» из рода в род и из поколения в поколение. Люди различались по земле, хотя и жили в одних и тех же селениях. Земля была связана

¹⁾ Багалій, Іст. Слоб. Укр., 34.

²⁾ Маурер, Введ., 75.

публичностью, и в силу этого общине не могло отводиться места. Субъектом имущественных прав считалась родовая организация. Те же случаи, где выступает в качестве субъекта прав «общество» (не община), «громада», как при дарении в 1695 г. березняка александровскими казаками киселевскому сотнику Сахновскому¹⁾ или дрововскими жителями в 1724 г. «шмата з дубровою» сотнику Есимонтовскому²⁾, свидетельствуют об изобилии земель, в данный момент не считавшихся необходимыми к разделу и индивидуальному освоению. В приведенных примерах есть общая собственность, общее владение (или общественное в позднейшее время,— ср. донесение малорос. ген.-губ. 1826 г. в Сенат: «принадлежащими казацкому обществу были только выгоны, земли же ихъ были личныя»³⁾), но нет общины. Общинами могли быть и выгоны, и леса, и поля, о коих упоминается в одной ведомости Стародубовского полка 1765 г.⁴⁾, и луга, озера, ухажай, впоследствии превратившиеся в откупные оброчные статьи помещичьего хозяйства⁵⁾. Проф. Лучицкий в статье: «Формы заимочного владения», высказываясь в пользу существования общины в Украине, отмечал факты постройки дворов на «общекозачьей» земле и с ведома «общины»; постройки эти разрешалось и отчуждать, однако с ведома «общины» же⁶⁾. То же было и с землею. Тем не менее признавать в приводимых проф. Лучицким фактах проявление общины не доводится, ибо казацкие общества суть особые группы, имеющие свою определенную правовую, экономическую и финансовую физиономию. Садившийся на казачьей земле либо принадлежал к казачьей среде, либо не принадлежал и в связи с этим либо становился равноправным членом общества, либо оставался ему сторонним человеком. Отчуждение казачьей земли в сторонние руки было незаконным. Одним словом, все сводилось к титулу, а не имущественно-экономической организации, почему можно говорить, по приводимым проф. Лучицким фактам, разве о казачьем status'e, но не об общине. Существует, правда, документ, в котором трактуется, как будто, об общине. Это универсал Мазепы 1708 г.; в нем гетман обращается к крестьянам со словами: «поля засѣваете и засѣвки з копи жати позволяете». Однако универсал имеет специфическую обстановку

¹⁾ Зап. Н. Т-ва ім. Шевч., СХІІ, 121.

²⁾ Филимонов, Рум. Ген. Оп., 21.

³⁾ Зап. О. О. И. и Др., XXVI, 42.

⁴⁾ Багалеј, Нов. ист. Малор., 140, 142.

⁵⁾ Ж. М. Н. Пр., 1895, VII, 232.

⁶⁾ Юр. Вест., 1890, III, 409.

бунта, во время какового были захвачены помещичьи земли. Чтобы спасти «общину», сторонники ее не останавливаются пред расширительным толкованием различных явлений, вводят, напр., в число общины т. н. приймаков или побратимов¹⁾. Принятие в семью не означает принятия в состав общины. Иное дело, когда приймаку дается недвижимость по завещанию, дарственной и пр. В таких случаях открывали доступ в общество юридический титул, община здесь ни при чем. Что же касается побратимства, то считать его условием принятия в общину не возможно по полному отсутствию говорящих за него доказательств. С точки зрения теоретической разницу между общественным и общинным прекрасно выяснил проф. Гамбаров, указавший, что общественное владение—владение всех и каждого одною и тою же вещью, назначенною в интересах общества, раздельное пользование общественною вещью не мыслимо,—она не может входить в состав хозяйства; общественные предметы—свободные блага, а не блага хозяйственные²⁾. Общинное владение имеет противоположные признаки. Можно спорить, насколько всеобъемлющею является формула Гамбарова (для настоящего времени она не полна, ибо ею не охвачен целый ряд явлений, как тресты, синдикаты, концессии, монополии), но для изучаемой эпохи она достаточна. Недостатки общинной теории сознавал А. Лазаревский, который для «общины» искал выхода в такой постановке: «право на землю посполства не ограничивалось временем, зависело от товариства, потому что земля была войсковою, а войско составляло товариство»³⁾. При такой постановке вопроса о владении вообще не возможно говорить, так как при признаке публичности для всей земли возможно разве землепользование. Однако публичность была признаком не только для земель казачьих. Самое войско, о коем говорил Лазаревский, не то, что армия. Войско—все население Гетманщины. Заимствован данный термин был из Запорожья, где Войском считалось все население, «Гетман Войска Запорожского обеих сторон Днепра» звучало бы *ponsens'om* при понимании Войска, как армии. С понятием Войска связано понятие народного суверинитета, каковой не предусматривает той или иной формы землевладения. Неудачные искания общины побуждают сторонников ее делать большие или меньшие уступки, отказываться и вновь возвращаться к общине. В этом отношении любопытна позиция проф. Василенка. Являясь сторонником общины, он в

¹⁾ Ю р. В., *ib.*, 413.

²⁾ Гамбаров, *Вещ. пр.*, 16.

³⁾ Лазаревский, *Посполитые*, 6.

собрание, посвященном реформам 60-х годов XIX в., признал, что революция 1648 г. повела к установлению в Украине индивидуальной собственности¹⁾. От такого, опирающегося на громадный актовй материал и исторические факты²⁾, понимания названный ученый, однако, позже, в 1918 г., стал отказываться, хотя решительного слова не сказал, так что необходимо считать его на позиции, высказанной им гораздо раньше, когда проф. Василенко отводил индивидуальной собственности некоторое место в экономическом строе Украины, полагая, что она отчасти осталась со времен польского панования, отчасти являлась средством (?) распада общины³⁾. По поводу мнения проф. Василенка и за ним Мякотина нам уже приходилось говорить в другом месте⁴⁾. Посему останавливаться здесь на них не стоит. Отметим только, что земельные захваты производились за счет свободных земель, на которых вырастать стали фольварочные хозяйства⁵⁾ с особенностями, вытекавшими из такого рода ведения хозяйства, т. е. тою же чересполосицей, выгонами, и фиксированным севооборотом, осаживавшимся вокруг фольварка населением, вступавшим в разные отношения с помещиком⁶⁾, ставшим представителем аристократии⁷⁾, получившей власть над населением, и пр. К такому пониманию подходил уже и Лучицкий, когда старался отыскать общину во «всех новых поселениях, известных по Румянецкой описи»⁸⁾.

1) Вел. Реф., I, 112.

2) Соловьев, XI, 15.

3) Чт. Нест. Лет., IX, 4.

4) Слабченко, Центр. учр., 8—11.

5) Мот. Арх., № 33; Рус. Арх., 1875, I, 441.

6) Ефименко, Ист. Укр., 89.

7) Костомаров, Рус. Ист., II, 221.

8) Отеч. Зап., 1882, XI, 100.

ГЛАВА III.

Вопрос, поставленный исследователями украинской общины XVII—XVIII стол., не может считаться разрешенным. Он даже и поставлен едва, ибо для его разрешения необходимо предварительно выяснить вопрос о владении и собственности в той призме, в какой он рассматривался в Старой Украине и тогдашней Европе. Изолированных хозяйств не существует. Они — всегда в определенном комплексе и представляют известный тип, который получает то тут, то там свою формулировку. Меркантильная система, напр., не представляла собою достояния только до-революционной Франции. Она должна была проявляться и в иных государствах. И проявлялась. Хозяйственная организация пребывает в некотором равновесии; во имя его связанные узами сношений хозяйства отдельных государств ровняются друг на друга — и таким образом создается однообразный имущественно-хозяйственный тип. То же случилось и с системой физиократов и свободной торговли и др. XVII—XVIII столетия в данном отношении представляют особенный интерес. Хозяйственный строй, существовавший и слагавшийся в Украине, не стоял уединенно от хозяйств иных стран. Он имел в большей или меньшей степени ту же физиономию, какую имели западные хозяйства, с модификациями, вызываемыми географическим положением страны. Хозяйство Западной Европы XVII в., как выяснил уже в § 1 т. II своей *D. deut. Genossenschaft* О. Гирке, пропитано было особыми тенденциями, каких в иные эпохи не замечалось. В нем господствовал субъективный момент. Во имя его придавалось преимущественное значение одностороннему захвату недвижимости и вложенному в землю труду. Такими соображениями диктовалась вся хозяйственная и имущественная политика германских земель. Она же была принята во имя равновесия и в Польском государстве и в Украинской республике с 1648 г. Преобладанием субъективного момента окрашено все имущественное право Украины XVII в. *Occupatio* и *labor* определяли всю хозяйственную политику украинского народа. Труд, в каких бы формах он ни

проявлялся, в виде ли, в тесном смысле слова, вложенной «праци», в виде ли праці-денег или труда-подвигов казацкой сабли, расценивался одинаково. Он создавал особую устойчивость «заработанного» имущества, каковое должно было быть «содержимо ненарушимо»¹⁾. «Заработанное» имущество вело к объективному признанию за его обладателем прав «пожитковати, кому колвек продати, даровати, заменяти и на який хотѣти власний свой пожиток оборочати»²⁾. Всестороннее обладание делало из недвижимости своеобразный фетиш, какой замечается вообще в отношении «нерухомых добр». Однако для XVII ст. фетиш этот облакался в форму преимущественно владения, посессии (несмотря на различие источника происхождения)³⁾, иногда «подданства и посессии»⁴⁾, или даже «по посессии владения»⁵⁾. Особый отпечаток владения заключался в моменте *sibi habendi*, где под ударением стояло *habendi*, т. е. иметь не для того только, чтобы иметь «неподвижное владение», но вести хозяйство — «дожитковати». «Пожиткование» и распоряжение мыслилось в личном интересе — (*sibi*), а не в интересах 3-ьих лиц. При таком положении безболезненно отпадал метафизический *animus possidendi* и непонятное «фактическое отношение между лицом и вещью» (по Иерингу, владение есть «solches faktischen Verhältniss zwischen Person und Sache»). На первый план выдвигался хозяйственный признак, подчеркнутый немецким исследователем Пининским⁶⁾. Хозяйственный признак объясняет владение недвижимостью, которая субъективно связывает с собою владельца. Владение при таком положении вещей становится не фактом, как учил Савиньи⁷⁾, а являлось чистым вещным правом, и потому-то владение в XVII в. имело самостоятельный характер и защиту, не рассматривалось как вспомогательное для права собственности средство. Это право в глазах экономистов-аболиционистов XVII и XVIII в. имело большое значение, — «владение имением своим» считалось большим козырем⁸⁾. Владение — особое от собственности право. Оно не рождается из пользования и не развивается в собственность. Такой эволюции нет. Пред нами проходит классификация прав. Из классификации объясняется и такое явление,

¹⁾ Ген. сл. Неж. полка, 178, 193.

²⁾ Ак. кн. Стародуб. ур., 3.

³⁾ Ген. сл. Черн. полка, 254, 263; Ген. сл. Неж. полка, 18.

⁴⁾ Ген. сл. Неж. полка, 48.

⁵⁾ *Ib.*, 326.

⁶⁾ Pininski, *Thatbes. des Besitzerw.*, I, 130, 133, 137.

⁷⁾ *Ib.*, I, 7, 13.

⁸⁾ Тр. Вол.-Эк. О-ва, XVIII, 247.

как *dominium* у помещиков, имевшее признаки публичной власти, передаваемой командующему классу гетманскими универсалами. *Dominium* не отменял *possessio* прежних обладателей. Они — явления разного объема, хотя на практике не избегалась амальгама разных прав, создавалось состояние двойного обладания недвижимостью¹⁾, смешение строго личного обладания с сервитутными отношениями, обладания непосредственного и факультативного, постоянного и временного. В такой атмосфере правоотношений рождались особенности обладания землею, которые в изложении историков землевладения в Старой Украине получили название общинных отношений.

Различные исследователи общинных порядков в Украине XVII—XVIII в. при своих исторических объяснениях не определяли, что ими понималось под именем общины. Община представлялась как бы математическим даным. Проф. Сергеевич, рассмотрев наиболее видные общинные теории, тоже не дал определения общины и считал ее не столько естественным явлением, вырастающим само по себе, не столько фазою — типом хозяйственной жизни, сколько продуктом фискальной политики государства²⁾. Между тем, в данном отношении власти подбивали под свой масштаб существовавшие отношения. Они воспользовались уже созданными условиями, особым укладом, приноровили его к своим нуждам и потребностям. Исследователи «украинской общины», впрочем, не проделывали ни критической работы, ни исторической. Плеханов говорил, что революция, созданная казачеством, могла только разрушить существовавшие до нее хозяйственно-экономические формы жизни, но нового строя не могла вызвать к жизни³⁾. У казачества не было времени для того. Украинский народ выбирать мог между запорожского типа общиной, основанной на эксплуатации провинций (вольностей) казацкою Сечью, крупным фольварочным, на принудительном труде основанным, экономическим строем и мелким собственническим хозяйством. Первые два типа жизнью были отвергнуты, оставался только третий, проникнутый субъективным моментом. Но обилие земель внесло некоторые особенности в мелко-собственническое хозяйство, объясняемые редкостью населения и признаваемые за проявления общины. Но в обрисовке новейших исследователей община представляет нечто отличное от тех проявлений. Она есть вид коллективного хозяйства, основанного на полном праве общины, как целого, владеть, распо-

¹⁾ Ср. Права, гл. IV, арт. 3, § 2.

²⁾ Сергеевич, Рус. юрид. ур., III, 5, 26, 27.

³⁾ Плеханов, Ист. рус. общ. мысли, I, 101.

ряжаться и пользоваться всей землей при признании некоторых прав владения за отдельными членами общины. Тут нет личных прав, а одно принадлежащее сразу всем членам право на землю. «Ничье право в отдельности ничем не определено, поэтому оно может быть только равным правом всех семей совладельцев на землю в каждый данный момент, т. е. доля каждого должна изменяться по мере изменения размеров отдельных семей и отношения между количеством земли и ее владельцев. Общинное владение остается по принципу своему подвижным и пропорционально уравнительным. Община, как целое, осуществляет право распоряжения, а каждому ее члену принадлежит лишь право пользования¹⁾. Формула Качаровского означает раздел земли (общим постановлением общины) на добрую и плохую равными участками, что ведет к разбрасыванию участков и созданию чересполосицы. Уплотнение населения приводит к новым переделам, дроблениям и чересполосице. Дробность и чересполосица — явления временные, связанные с переходом полевых работ, по окончании каковых открывается общее пользование, осуществляемое в форме устройства выгонов для скота. Под выгон может идти не вспаханная земля, только отдыхающая — иначе говоря, общинное землевладение связывается с трехпольной системой земледелия. Последнее влечет за собою принудительный севооборот и применение одних и тех же культур. Аналогичные требования выдвигаются и в отношении общинных лугов. Хмельница дала украинскому народу такие массы земельных просторов, что население могло перейти свободно к любой хозяйственной системе. Множество земель и приводит исследователей к мысли, что «особистої власности на землю не було, а загальної землі не треба було огороджувати, притім сей звичай мав охорону в Саксонськiм зерцалі. І таке володінне без переділів участків було дуже живучим. Особливо часто стрічалось спільне володінне на південь від р. Сули, в місцях, що заселені були наново і ще не мали традицій земельної вольности»²⁾. Актовый материал, привлекаемый к изучению, дает такого рода указания по этому поводу. В сотне Горишинской было «поле пахотное и сѣнокосное, обще всѣми жителми употребляемое, сколько кому якого лѣта в паханю и сѣнокосу надобность укажетъ и гдѣ кто себѣ застигнетъ тамо ореть либо косить, а собственного нѣякого не имѣется». В сотне Березанской «никакихъ ограниченій в свободномъ степу не бывало, но свободно было тотъ волній войскової степь, гдѣ

¹⁾ Качаровский, Рус. общ., 69, 71—72.

²⁾ Зап. Наук. Т-ва ім. Шевч., XXX, 37.

хотя кому косить»¹⁾. О селах Чертороги и Землянка (в Нежинском полку) жители говорили: «съ давнихъ временъ, начавши от с. Чарторъйки аж до Воронежа было все пуща вольная, в якои пущи и села селились и всѣмъ было волно в тую пущу ѣздить и хаты в оной пущи ставить»²⁾. Вообще после 1648 г. население «подъ свои жилища, доми и футори осягли и позаймовали (свободные земли) и потому сталися всѣ тѣ добра малороссіянамъ быть властными через займы. Оніе займи свои малороссіяне разными означали способами... и что хотѣли в тѣхъ займахъ строили»³⁾. Подобные цитаты, разумеется, не решают дела и не могут дать ответа на поставленный вопрос как по своей отрывочности, так и по противоречивости. Ответ дается только выяснением типа хозяйства, к какому пришла Украина по-революционной эпохи. Насколько известно, типы хозяйства выяснялись проф. Багалеем. Означенный ученый знает четыре типа, которые располагает по сложности их в следующем порядке: а) украинский — в нем характерными являются плуг и вол и значительное скотоводство без загонов, а также слабо развитое огородничество, б) молдавский, — характеризующийся преобладанием овцеводства и коневодства, в) русский, — в котором, кроме земледелия, развиты еще садоводство, виноградарство и огородничество, и г) немецкий, — в коем обработка полей ведется не волами, а лошадьми, практикуется улучшенное скотоводство, вместо орудий домашнего изготовления вводятся заграничные земледельческие орудия, применяется удобрение полей, ведется тщательная их обработка⁴⁾. Означенные типы известны старой Украине. Немецкий тип хозяйства признан был, главным образом, во 2-ой половине XVIII в. в помещичьих имениях, русский связан с значительными городами, молдавский принят был преимущественно в Запорожьи и украинский в индивидуальных рядовых хозяйствах Гетманщины. В украинском хозяйстве применялся сравнительно простой инвентарь. Земледелие велось при помощи деревянного рала, сохи или плуга и деревянной же бороны. Мягкий грунт пропахивался ралом, более твердый — сохою или плугом⁵⁾. Кое-где зубья рала оковывались мелким железом. Плуг принят был в инвентаре средней и южной Украины, соха господствовала в северной. Постепенно плуг вытесняет другие виды инвентаря

¹⁾ К. Ст., 1894, IX, 146.

²⁾ Лазаревский, Оп. Ст. Мал., II, 437.

³⁾ К. Ст., 1883, XII, 569—572.

⁴⁾ К. Ст. 1889, VII, 134.

⁵⁾ Шафонский, Оп. Черн. Нам., 406, 440.

по паханью земли, и в XVIII в. получается особая конструкция его под названием тяжелого украинского плуга¹⁾). Другие сельскохозяйственные орудия остались, вообще говоря, без заметных улучшений. Так, борона продолжает быть смыковой системы с упругими деревянными зубьями, в XVIII в. замененными в помещичьих маестностях железными, в мелком же остается борона-плетенка или даже волокуша. Плугов было, вообще говоря, в Украине недостаточно. Напр., в 1666 г. в д. Злобинке под г. Почепом насчитывалось 20 дворов, плугов же в них состояло только пять, каждый на пару волов²⁾). Плуги и сохи известны были двух родов, в зависимости от глубины запашки, и то покоились на колесах, то были без них. Запашка плугом хватала на 6—8 верш., соха на колесах—на 5 верш. и бесколесная—на 4 верш.³⁾). Стремление получить хороший урожай вело к тому, что часто поднималась целина или же прибегали к выкорчевыванию лесных участков. Это вело к более рациональной обработке земли, к более глубокой запашке— вот почему плуг вытеснял иные сел.-хоз. орудия и сделался характерной принадлежностью украинского хозяйства⁴⁾). С другой стороны, лучшая обработка земли достигалась введением в пахоту большего количества скота: сельские хозяева старались обладать, по крайней мере, 2-мя парами волов⁵⁾; при недостатке их прибегали к составлению так называемых супряг. Когда Мазепа получил от гетмана Самойловича землю в с. Малом Самборе, он не имел достаточного живого инвентаря и прибегал к супряге⁶⁾). Для супряги сговаривалось несколько хозяев, которые соединенными усилиями могли вести пахоту, производить возку снятого хлеба, «проводить оранку» под посев хлеба, табаку и т. п.⁷⁾). Переяславцы писали в 1767 г.: «Полк (Переяславский) имеет свое поселение на таких землях, которыя суть высокія, твердѣйшія других,

¹⁾ Ханенко, Диар., 140.

²⁾ Лазаревский, Оп. Ст. Мал., I, 300.

³⁾ Шафонский, ор. с., 167—168. В Украине была принята, по всей вероятности, соха татарской системы, о которой см. К е п п е н, Крым. Сбор., 25. «Народ к ней не имел привычки» в XVIII в., по свидетельству современников.

⁴⁾ Плуг в некоторых местностях даже в XVIII ст. применялся деревянный (см. Каталог Музея Поля, I, 361, 363). Он имел широкое распространение и в XVII в. Его видим, между прочим, на миниатюре в «Мече Духовном» Лазаря Барановича, где изображен пахарь за плугом. См. Эйхгорн, Оч. ист. Малор., 354.

⁵⁾ Лазаревский, Оп. Ст. Мал., III, 144.

⁶⁾ Лазаревский, Оч., V, 19.

⁷⁾ Судиенко, Мат., I 6), 151.

а орутся плугомъ, сопряженнымъ в 8 волахъ и такъ на одинъ плугъ собирается хозяевъ по 4 и по 6, а иногда и по 8 чел.»¹⁾). Супруга имела большое значение, ибо в плуг впрягалось сразу 2—3, а при твердости земли и 4 пары волов на три человека прислуги: один правил плугом, двое — волами²⁾).

Применение украинских тяжелых плугов и сох по необходимости соединялось с привлечением к обработке земель волами. Быки и вола употреблялись, однако, не только для земледелия, но и для домашних работ; лошадьми, особенно в XVII стол., для полевых работ пользовались мало³⁾). Вола были ближайшими помощниками украинского пахаря, и разводились они в большом количестве. Как широки были размеры воловьих загонов, могут доказывать цифры реквизиций скота в XVIII в., когда воловий промысел под влиянием внешних событий стал падать. В 1735 г. в Украине было собрано для нужд российской армии 20.000 волов, в 1736 г.—10.000 гол., в 1737 г.—29.289 гол., в 1738 г.—23.000 гол., в 1756 г.—1212 пар волов⁴⁾, в 1759 г.—8.000 гол.⁵⁾ и т. д., не говоря о закупках волов российскими царями для их торговых операций за границу⁶⁾). Забирались не только свободные вола, так что оставалось только самое ограниченное количество голов, «нужных для пашни»; за отнятую «худобу» платили простыми реквизиционными записками⁷⁾). Бралось, несомненно, больше нужного количество голов, а в связи с лишением населения волов падало земледелие. Волинский писал Бирону об Украине: «не осталось столько земледельцев, сколько хлеба им и для самих себя посеять надобно, работать не на чем, понеже сколько в 1736 г. воловъ въ подводках положено, отъ майора Шипова можете обстоятельно увѣдать, какова стала Украина»⁸⁾). Постоянные наряды для отбывания подводной повинности и реквизиции скота вынуждали крестьян заменять вола лошадью, что не отмечено проф. Багалеем. Первоначально со времен еще до-Хмельничины коневодство имело целью удовлетворить военные нужды края и представляло собою один из промыслов крупного помещичьего хозяйства. Создалась в то время даже некоторая литература по вопросам коневодства; среди трак-

¹⁾ Алексеенко, Малор. в 1767 г., 51.

²⁾ Тр. Вол.-Эк. О-ва, 1768, VIII, 47—48.

³⁾ *Иб.*, 1768, VIII, 19.

⁴⁾ Сен. Арх., X, 512.

⁵⁾ *Иб.*, XI, 121, 125.

⁶⁾ Сб. Р. И. О., CXI, 173.

⁷⁾ *Иб.*, CXXVI, 226.

⁸⁾ Ефименко, Ист. Укр., 107.

татов по коневодству можно отметить, напр., труд К. Дорогостайского: «Hippica» — о питании лошадей, содержании их в конюшнях, приводились исторические справки и пр. ¹⁾ Хмельницина не отказалась от коневодства, и в XVII в. известны значительные конские заводы у Волевачей ²⁾, Самойловича, который дарил целые табуны ³⁾ и т. д. В XVIII в. интерес к коневодству не уменьшился. У Д. Апостола было несколько конских заводов в сотнях голов ⁴⁾. Когда появилось в сельском хозяйстве англоманство, коневодство сильно развилось. Помещики разорялись на лошадях. Разумовский в 1761 г. признавался гр. Воронцову, что его конские заводы настолько разрослись, что поглощали все средства, и для обслуживания не хватало людей, так что гетман стоял перед необходимостью сократить свои английские заводы ⁵⁾. К началу XIX стол. в Черниговщине известны 16 конских заводов, на коих было занято 123 чел. прислуги, стало быть, заводы надлежит считать значительными по размерам ⁶⁾. (О Запорожьи нечего, разумеется, говорить — там в XVIII в. коневодство процветало ⁷⁾). В The Academy за 1889 г. приводится о запорожцах справка, из которой видно, что каждый казак имел от 10 до 20 лошадей турецкой или черкесской породы). Количество лошадей в Украине считалось очень значительным, и это давало повод российскому правительству с 1712 года надеяться на успех открывавшихся конских заводов в Киевской губ. ⁸⁾, позже и в др. местах, для чего переписаны были все кобылицы в краю ⁹⁾; в 1740 г. в Батурине и Янполе открыты были заводы для лейб-гвардии конного полка ¹⁰⁾, конюшенного ведомства — в Нежинском, Киевском, Переяславском и Прилуцком полках ¹¹⁾, созданы были особые присутственные места ¹²⁾ и т. д. Однако такие меры не освобождали население от реквизиций лошадиного состава; так, в 1736 г. взято было «по расположению с дворового числа 2000 лошадей» ¹³⁾. Разведение лошадей велось по татарскому образцу — кони

¹⁾ Dubiecki, Obr., I, 153.

²⁾ Модзалевский, Малор. Род., I, 216.

³⁾ О п. А. Ю., XIV, 125.

⁴⁾ К. Ст., 1895, VII, 119.

⁵⁾ Арх. Воронц., IV, 401.

⁶⁾ Гр. Полт. Арх. Ком., XIII, 109—110.

⁷⁾ К. Ст., 1889, VII, 137.

⁸⁾ Баранов, Сен. Арх., 18.

⁹⁾ Ib., 162.

¹⁰⁾ Ib., 675.

¹¹⁾ Модзалевский, Родосл., I, 244.

¹²⁾ Ханенко, Диар., 290.

¹³⁾ Сб. Р. И. О., CXIV, 32.

почти круглый год оставались в поле, даже зимою ¹⁾, так что хороших пород появиться не могло. Постоянные поборы отбивали охоту у населения от занятия конезодством, и обращение Вольно-Экономического Общества о разведении домашнего скота и значении удобрения полей скотом ²⁾ могло найти отклик разве в помещичьей среде, что, конечно, не означает отсутствия интереса к разведению домашнего скота, которое, по мнению проф. Багалея, являлось характерной чертой хозяйства украинского типа и на что еще при Хмельницком — Богдане обратил внимание Павел Алеппский ³⁾. С падением интереса к разведению крупного охотно разводиться стал мелкий скот. В 1738 году считалось овец в Нежинском полку — 14.163, Черниговском — 31.164, Переяславском — 11.328, Киевском — 21.872, Миргородском — 6.359, Гадяцком — 3.210, Лубенском—9.228, Полтавском—5.092, Прилуцком—8.393 шт. ⁴⁾. Это овцы, состоявшие только в смотреии надзирателей Иностранной Коллегии. Сюда не входили специальные заводы диких коз и сугаков, каковые существовали в Миргородском полку ⁵⁾ и т. п. Не входил сюда и домашний скот населения как крупный, так и мелкий в виде овец или свиней и др. Его было сравнительно очень много. Так, в Сенковцах Переяславского полка считалось 207 голов крупного скота, 231 овца, 111 свиней, в Пещаном—2295 гол. кр. скота, 2745 овец, 2328 свиней, в Калиберде—488 гол. кр. скота, 349 шт. овец, 228 свиней, в Золотоноше с пригородами 94+293+405+343+617+373+444 гол. кр. скота, 647+577+880+1035+455+604 шт. овец и 37+228+234+227+457+179+256 шт. свиней и т. д. По отдельным посел. в том же полку приходилось:

	дворов	коней	коров	волов
Золотоноша	27	27+ ₂	22+ ₁₄	21+ ₁₁
Форш. Струнковский	31	23+ ₁₆	70+ ₃₂	104+ ₃₀
Зозулинский	52	42+ ₁₀	99+ ₃₆	135+ ₆₈
Рудковский	51	43+ ₈	85+ ₃₃	122+ ₁₆
С. Антиповка	79	88+ ₈	150+ ₅₁	186+ ₁₀₄
Мицаловка	22	100+ ₂	81+ ₃₀	91+ ₃₂
Ковтунь	44	52+ ₁₃	106+ ₁₀	126+ ₁₇
Сенковцы	20	26+ ₁₀	43+ ₂₇	54+ ₂₇ и пр. ⁶⁾

¹⁾ Тр. В.-Э. О., 1768, VIII, 33.

²⁾ Ib., 1766, III, 79—83; II, 57—63; 1767, VI, 109—118; 1771, IX, 132—154; 1773, XXIII, 138—161 и др.

³⁾ Пут. Ма к., II, 31.

⁴⁾ Сб. Р. И. О., СХХVI, 538—541.

⁵⁾ Диариуш, 105.

⁶⁾ Лучицкий, Мат., I, т. 1—7.

Приведенные цифры мало достоверны, ибо составлялись не присяжными статистиками, а военными чинами и по специальному заданию. Но они красноречиво свидетельствуют, что почти каждый двор имел и коней, и коров, и волов, и иной скот. Высота цифр значительно возрастет, если принимать в расчет годы мора на скот. В такие годы пропадало великое множество скота. Напр., в 1745 году пало 72.116 гол., в четырех полках за два года скотского падежа количество скота уменьшилось на 162.582 гол. ¹⁾, заводного скота унесено было мором 23.686 гол. ²⁾. Постоянные правительственные за счет населения опыты реквизиций, а также эпидемии не могли содействовать процветанию скотоводства в Украине. Наоборот, они служили причиной депекорации и побуждали население переходить на худшие и более мелкие культуры скота, не подвергавшегося реквизициям и не так сильно страдавшего от мора ³⁾. Такой переход датируется началом второй половины XVIII стол., когда мобилизована была земля и экспроприировано в значительной степени население. Приведенные данные, внося известные дополнения, подтверждают общее положение проф. Багалея о типе хозяйства, принятом в Украине. У населения было достаточно живого инвентаря, чтобы оно в течение более 100 лет жило независимой экономической жизнью мелких собственников, почти не прибегая к услугам крупного помещика. Самое же главное заключалось в том, что население имело в своем распоряжении достаточное количество земель. Украинский тип хозяйства мог появиться только при обилии земель, редкости населения и обеспечении его в достаточной мере живым инвентарем ⁴⁾. Располагая землею и инвентарем, население не чувствовало особой надобности в старательной обработке земли и распространялось не столько вглубь, сколько вширь. Землепашество было экстенсивным в тесном смысле этого слова. Обилие земель позволяло выбирать лучшие куски почвы для обработки, захватывать все новые и новые пространства, осваивать выгоднейшие участки—экстенсивное хозяйство приносило больше выгод, чем усиленная затрата труда на обработку раз освоенного участка. К экстенсивной системе земледелия понуждала сама природа. По свидетельству современника, плодородие украинских полей было сказочное: «нива, вспаханная только раз парю быков, дает обильный урожай... диких коз каждый крестьянин убивает

¹⁾ Сен. Арх., VI, 363, 401, 512.

²⁾ *Ib.*, VI 433—4.

³⁾ Тр. В.-Э. О., 1768, VIII, 59.

⁴⁾ Только в начале XVIII в. Июль видел села с сотнями хат (Зап., 339).

до тысячи в год; яйцами диких уток и гусей мальчики наполняют целые лодки» и т. д. Дары природы не могли вызывать нужды в излишней затрате труда, не говорили о бережливости и расчете. Часто практиковалось хозяйственное мотовство; вместо обеспеченного имелось жалкое существование не только мелких, но даже крупных хозяйств. Доказательством служит «Ламентация монахов Киево-печерского монастыря», в которой излагаются жалобы на недостаток кожухов и сапог, вина, указывается на плохое питание и т. д. ¹⁾ Иначе не могло случиться: хозяйство велось без «никакого регистрика». В мелком индивидуальном хозяйстве все сводилось тоже к минимальной затрате энергии и сил. Подобное же отношение встречала и земля. Ее предпочитали не столько культурно обрабатывать, сколько эксплуатировать. Первоначально хозяйство велось путем «вдиранья» в леса и поля. «Вдиранье» давало сельскому хозяйству особое наименование—земледелия «на лядах», земледелия на расчищенных от леса, кустарников и могучих диких трав местах. Занявши определенный земельный участок на срубленном дереве или кустарниках и сожженных пнях да корневищах, жители старались «въ продолженіи на немъ хлебопашества, удобрять участокъ и по некоторомъ времени принуждены бывають совсѣмъ оставить на облогъ, перемѣняя (раз занятые ляды) другими, вновь расчищенными, ибо оныя чѣмъ далѣе, становятся вовсе неспособными къ хлѣбопашеству и послѣ запущенія ихъ въ короткое время зарастають лѣсомъ, Первый годъ лѣсъ сваливали, второй годъ весною палили, золу разгребали и приступали къ пахотѣ. Первый годъ сѣяли просо, потомъ ячмень, пшеницу, горохъ до истощенія ляды» ²⁾. Это хозяйство «на сырѣмъ корени» или «порубное распрацоване на корени» ³⁾, «полевой разроб» ⁴⁾ (занятое удобное под пашню в лесу пространство носило название «сечи»). Хозяйство «на лядах» велось и крупными и мелкими хозяевами. В первом случае высылались в леса будники с необходимым запасом топоров, во втором на «новоляду» отправлялся один хозяин ⁵⁾. «Вдиранье» в поле протекало проще, ибо первоначальная стадия—рубка леса сама собою отпадала. До некоторой степени работа в полях напоминала лесную в случае зарастания степей терном ⁶⁾. Та-

¹⁾ К. Ст., 1884, X, 355—356.

²⁾ Лазаревский, Оп. Ст. Мал., I, 110.

³⁾ Ак. кн. Стародуб. ур., 69.

⁴⁾ Багалея, Нов. ист., 101.

⁵⁾ Лазаревский, Оп. Ст. Мал., I, 439.

⁶⁾ Тр. В.-Эк. О., 1768, VIII, 50.

ким образом, лядовое хозяйство основано на подсечной системе. Курковский договор, говорящий о разработке полей и двух родах посевов—яровом и озимом, был, конечно, системой хозяйства подсечного ¹⁾. Означенная система связывалась с двухпольем. Двухполье кое-где оставалось довольно долго. Как на образчик двухполья, проф. Лучицкий указывал обработку церковной земли в с. Каневец ²⁾. Лядовая (двухпольная) система мыслима только при индивидуальном ведении хозяйства. Тут наблюдается присутствие субъективного момента и строго личной затраты труда. Отсутствует при ней выгон. Отсутствует также срок держания, отпадает необходимость переделов. Посему, хотя «украинский тип» в данном случае сохраняется, хотя, далее, в 1770 г. в виду «земельной тесноты» проектировалось места с свежесрубленным лесом пускать под пастбища — род выгона ³⁾, об общине здесь говорить не приходится. Ляда, двухпольная система и община не совместимы. Однако следует признать, что очерченная система держалась недолго, была мало принята и скоро заменилась системой трехпольною, расцениваемою как признак общинного уклада Старой Украины. Актовый материал дает множество указаний на ведение хозяйства «в троих руках» ⁴⁾ и наличность чересполосицы, для избежания каковой допускалась мена соседствующих участков ⁵⁾. Чересполосица явилась в силу того, что в расчет принималось не только качество земли, но и дальность расстояния от поселений ⁶⁾. Трехпольной системы держался украинский народ не только в пределах Гетманщины, но и в иных местах, куда по воле судеб ему приходилось эмигрировать ⁷⁾. Трехполье было принято — что важно — и в помещичьих землях, но встречалось и на незначительных, в какую-нибудь четвертку земли хозяйствах ⁸⁾. Деление на три поля определялось зерновыми культурами. На «руки» делилась не только пахотная земля, но и сенокосы по своему качеству (луг и болото) ⁹⁾; впрочем, последнему делению, повидимому, не придавалось существенного значения. Обращали внимание на пар или, как

¹⁾ Маркевич, Ист. Мал., III, 28.

²⁾ Лучицкий, Малор. сел. общ., 11.

³⁾ Тр. В.-Э. О., XVI, 153—154.

⁴⁾ Константинович, Об. Рум. Оп., 15, 29.

⁵⁾ *ib.*, 24.

⁶⁾ К. С т., 1892, XII, 465.

⁷⁾ *ib.*, 1883, I, 68.

⁸⁾ Лазаревский, *op. c.*, I, 380.

⁹⁾ Судиенко, Мат., 16), 56.

говорили в XVIII стол., паренину ¹⁾). Под пар пускалось поле обычно после яровой запашки, но отнюдь не обязательно на 3-ий год после обработки и на отдых только в течение года. Так, в Гадяцком полку находились земли, состоявшие под посевом под ряд в течение 6 лет, без передышки ²⁾). Последнее обстоятельство весьма серьезно, ибо в связи с тем, как долго находится под засевом земля, разрешается выдвигаемый «общинниками» пункт об общем пользовании отдыхающими полями. В период отдыха поля ускользают от владельца и переходят во владение общины, которая единственно одна и может распоряжаться землею. Но подобное утверждение для Украины не имеет за собою достаточно данных. Целый ряд сделок по отчуждению свидетельствует, что и по снятии хлеба участки состояли в обладании отдельных хозяев, не переходили к общине. Отдельные собственники, не община, отчуждали их. Община участия в том не принимала. Так, 8-III 1672 года продан в Полтавском полку хутор, 18-II 1669 продана сеча, 15-I 1674 продана сеча, 16-I того же года продан грунт, 23-III—сеча, 23-XI 1674 отчуждена нива, 21-X—сеча, 18-I 1675 г.—грунт, 13-II—сеча, 22-IX—грунт, 22-II 1676 г.—грунт, 11-IX—сеча, 5-XI—грунт ³⁾). Все отмеченные отчуждения совершены в то время, когда земля, если бы в Украине действительно существовала община, должна была бы состоять во владении лишь общины. Представлять, что отчуждения совершены во время владения и пользования отдельными членами общины, не возможно. Невероятно, чтобы хоть один случай не был искомого общинниками рода. Отчуждения совершаются в присутствии и с согласия родственников. В актах нет и намека на согласие общины, между тем уменьшение посевной площади живейшим образом должно было интересовать всю общину. Обратное приходим к аналогичному выводу. Мы имеем факты отчуждения в моменты, когда поля по общему плану должны были бы быть обработаны. 28-V 1672 г. продана сеча, 1-VII 1673 — грунт, 18-VII — тоже грунт, 13-V 1674—снова грунт, 24-VI—нива, 12-VII 1675 г.—сеча и т. д. ⁴⁾). Предполагать незаинтересованность общины в сборе урожая трудно. Допускать же, что отчуждаемые во время жатвы поля не обрабатывались, значит снова признать частную собственность там, где следовало ожидать общинную. Приведенные данные с несомнен-

¹⁾ Судиенко, *op. c.*, I 6), 43.

²⁾ Шафонский, *Op. Черн. Нам.*, 613.

³⁾ *Ак. кн. Полт. гор. ур.*, III, № 14, 33, 34, 38, 42, 44, 46, 49, 66, 73, 93, 95.

⁴⁾ *Иб.*, III, № 8, 17, 21, 39, 40, 63.

ностью устанавливают отсутствие такого трехполья, какое характеризует общину с ее принудительным севооборотом, для которого и вводилась система трех полей. Ее не представляется возможным ожидать там, где не знали принудительной земельной обработки, и, наоборот, трехполье характерно для той эпохи Украины, когда появилось хозяйство на принудительном режиме. Крупное хозяйство брало к учету всякого рабочего, прикрепляло его к себе, регулировало его труд, вело точный учет сельскому хозяйству, однообразно направляло его, ибо иначе оно не могло существовать. 1648 г. отказался от системы крупного хозяйства и тем самым освобождал крестьянское хозяйство от всяких принудительных форм, в том числе, следовательно, и от общины, которую в запорожском виде стремился привить Гетманшине Бруховецкий. Иное дело терминология, недостаточно развитая для означения собственности или владения. Далее, в общине не ощущалось нужды потому, что в случае надобности всегда можно было бросить нежелаемый кусок земли и вместо него освоить иной и пахать «где кому хотя». При множестве земель мелкому собственнику невыгодно было связываться с определенным экономическим, в данном случае общинным, укладом: у населения всегда была возможность сойти на лучший земельный участок и освоить по своему личному вкусу тот, а не иной «шмат». К тому же цена на землю даже в XVIII в. была невысока, а при дешевизне земли держаться за общину было бы нецелесообразно. Из собранных проф. Лучицким статистических данных, охватывающих, правда, не столь значительную площадь Украины и ограниченных рамками в 20 лет, можно составить любопытную таблицу цен на землю, беря за исходную точку 1 день ¹⁾. Цена дня:

в 1746 г.—23 к.	в 1762 г.—24—38, к.
в 1750 г.—50 к.	в 1764 г.—18 к.
в 1752 г.—27, к.	в 1765 г.—30—64 к.
в 1757 г.—45 к.	в 1766 г.—44—45 к.
в 1758 г.—36 к.	в 1767 г.—20—22—25—36—46 коп. ²⁾ .
в 1760 г.—29 к.	

По признанию Теплова, когда-то день поля стоил одну копу гр., в его же время цена на землю поднялась-де свыше 20 руб. ³⁾. Цифры Теплова неправильны, как видно из сопоставления их с цифрами Лучицкого. Но высказанная Тепловым фраза имеет иное значение—конец ее читается: «у владельцев за неимѣнемъ рабочих земля, яко

¹⁾ Зап. Черн. Губ. Ст. Ком., II, в. 5—6, 173.

²⁾ Лучицкий, Мат., I.

³⁾ Кулиш, Зап. о Ю. Р., II, 177.

излишняя, впускъ лежала». Значит, даже во второй половине XVIII в. наблюдался земельный простор, и открывалась возможность при избытке населения несколько раздвинуться и не прибегать к введению общинных порядков. В виду сказанного следует полагать, что показания московского дьяка Кунакова 1648 г., что казаки прибегали к дележу земель и раздаче их в индивидуальное владение ¹⁾, а также уверение Павла Алеппского, что «казаки, овладев странюю, разделили землю между собою» ²⁾, соответствуют действительности. Прав также интереснейший исследователь аграрных отношений в Украине Шиманский, говоривший, что в Украине господствовало индивидуальное хозяйство, подвергавшееся все время колебаниям, между тем имперское правительство считало, что в Украине существовала община, и на том строило свою финансовую политику ³⁾. Община в украинском землевладении является, таким образом, фикцией, представлявшеюся петербургским властям, украинские же уряды всегда знали только индивидуальное, хотя и трехпольное, хозяйство. Не даром сотник Вакуленко просил Пирятинский городской уряд «учинить роспит, если онъ през минувшие часи на врядѣ сотником чи не учинил кому утомежена в грунтах» ⁴⁾. Трехпольная система получила развитие в XVII ст. в Зап. Европе ⁵⁾, в Украине же ярко выразилась она только в XVIII стол. ⁶⁾, в связи с появлением крупно-поместного хозяйства; но в конце XVIII же в. появилась и реакция против трехполя в виду бесполезного пролеживания трети пахотной земли, малого сбора трав и пр. ⁷⁾. Мелкие хозяйства, однако, держались за трехполье. «Лукомские обыватели», читаем по сему поводу: «пасут свой скот на том поле, на которомъ и пашут, ибо оное разделяется на трое и на одной части пашут на жита, на другой на ярину, а третья часть для пастиби скота в толоку остается и також погодно переменяется» ⁸⁾ —отсюда название «смены» для полей (для плещов смен считалось две) ⁹⁾. Трехпольная система имела довольно широкое распространение. Взявши, напр., для проверки сего Черниговский полк, мы там на каждом шагу встречаемся с делением земель на 3 поля. Так, под ур.

¹⁾ А. Ю. и З. Р., III, 248.

²⁾ Пут. Мак., II, 15.

³⁾ К. Ст., 1883, I, 83.

⁴⁾ Стороженки, VII, 34.

⁵⁾ Маурер, Введ., 77—78.

⁶⁾ Тр. В.-Эк. О., XXIX, 79.

⁷⁾ Тр. В.-Э. О., 1770, XVI, 19.

⁸⁾ Барвинский, Крест., 127.

⁹⁾ Ген. сл. Черн. п., 370.

Крувкой находилась 1-ая смена Криштофина, Парасушенка, С. Шемета, Едомашки и др.; во 2-ой находились нивки Н. Едомахи, Никитихи, Каракулки, Шемета, Терешенка и др.; в 3-ей—под с. Жукотками нивки Едомахи, Парасушенка, Трепашенка, Каракулки и пр. Еще пример. Вдоль Черного Шляха лежали в 1-ой смене нивы Савенка, Андреева, Никитихи, Сенчука, Шемета, Гарбуза, Полуботка; во 2-ой вдоль Шибириновского Шляха — Андреева, Сенчука, Трепашина и Белого; в 3-ей у протополовского леса—нивы протопопа, Шемета, Никитихи и др. Ясно, что пахотная земля делилась на три поля, но всеми тремя полями не все члены села владели: у одних были участки в трех сменах, у других — в двух или одном участке, что объясняется свободой отчуждений закрепленных за отдельными лицами участков. Этим именно объясняется нахождение по несколько нив в руках одного обладателя—под с. Иванчами у Ковбасенка видим 2 нивы, у Шемета—2, у Андреева—3, у Гарбузенка—2 и т. д.; среди нив, раскинутых под д. Германовкой, принадлежало Шемету 2 нивы, Простаку—5, Бурмистру—3 и пр. За очень редкими исключениями, в подтверждающих земельные владения документах пахотная земля делится на три поля. Однако трехполье различались. Трехполье российского общинного типа представлялось системою, по существу, двух полей и пара. Другое—украинского типа, когда засевались все три поля. Ответы, присланные на анкету в Вольно-Экономическое Общество в 1767 г., отмечают засев трех полей, сено косилось по степям и по пашенным местам, под лен поднимали «твердую землю», на следующее лето засекали пшеницею, в озимом поле сеяли, напр., яровую рожь, в яровом поле—озимый хлеб. При этом изменялась самая запашка—до 3 верш., до 4 вершк. и выше 4 вершк.¹⁾ Кроме того, по климатическим условиям с трудом выдерживались одни и те же культуры, почему приходилось прибегать к разведению разных культур²⁾. Таким образом, трехпольная система в Гетманщине означала систему переложную и только в некоторых случаях знала пусканье земли под пар и использование его по близкому к российскому способу. В сообщении 1727 года о гольтянах в Полтавском полку читаем: «Хотя кто цѣлиною поднимет поле, затим онога поля не долженъ освоити вовсе, но когда выпашет 3 годы и знову зацѣлѣет, другой от сожитилей их хто-нибудь пахать волень»³⁾. Гольтяне говорят о свободном земельном фонде и о владении им членами селения по очереди без дальнейшего

¹⁾ Юр. Вестн., 1888, III, 88—89.

²⁾ Тр. В.-Э. О., 1768, VIII, 43.

³⁾ Лучицкий, 414; Тр. Черн. А. К., X, 153, 155.

распоряжения общиной. Однако известны отдельные факты, что после известного промежутка выпашиванья земля поступала «под спаш» или выгон ¹⁾. Выгон, однако, не лишал отдельных собственников их прав на реальные доли, на лично им принадлежавшие и находившиеся в составе выгона или спаха земли ²⁾. Итак, доли были реальными, трехпольная система сводилась к переложной системе, пар определялся усмотрением владельца и зависел, по всей вероятности, от соглашений отдельных хозяев. По поводу «общинного» пользования лугами и сеножатями, а также лесами приходится сказать то же, что и о пахотной земле. Они состояли, правда, не исключительно в обладании частных лиц, но вмешательства общины тут также не видно, в силу чего отчуждения происходят независимо от времени года и пр. условий. Так, 28-VIII 1667 г. продана сеножать, 1-VI 1673 г.—лес, 15-IX 1673 г.—сеножать, 9-X 1667 г.—байрак, 15-XII 1673 г.—сеножать, 28-I 1676 г.—сеножать и пр. ³⁾. Не было особенных оснований к тому, чтобы отказываться от частной собственности на луга и леса, тем более, что цены на лес тоже не стояли высокие. Но те же низкие цены и возможность пользования общими лесами не мешали иметь и свободный лесной фонд, открытый доступу всех и каждого. На основании опубликованных проф. Лучицким статистических данных, можно вывести цены на сажень леса:

в 1730 г.—5—4 ₁ к.	в 1760 г.—4 ₁ к.
в 1750 г.—9 к.	в 1763 г.—8 ₁ к.
в 1755 г.—5—7 к.	в 1766 г.—12—5 к.
в 1756 г.—3 к.	в 1767 г.—14—5—4 к.
в 1757 г.—5 к.	в 1768 г.—9 ₁ к. ⁴⁾ .
в 1758 г.—6 ₁ к.	

Приобретение лесных участков, стало быть, не могло представлять каких-либо затруднений. Леса и сеножати служили интересам скотоводства. Их было много, и они считались вольными ⁵⁾. В силу же вольности и доступности их не было надобности в тех самых выгонах, которые присущи общине. Когда леса, равно как луга и сеножати, были апроприированы помещичьим классом, даже и тогда доступ к ним загражден не был, ибо у помещика на сей случай можно было иметь особый сервитут. Выгоны появились при мобилизованной земле, т. е. в XVIII в. Так, к пастьбе животных на выгонах (толоке)

¹⁾ Стороженки, IV, 10.

²⁾ Мот. Арх., № 44.

³⁾ Акт. кн. Полт. гор. ур., III, № 6, 19, 25, 32, 71, 85, 97, 117, 139, 140.

⁴⁾ Лучицкий, Мат., I, таб. 6, 7, 9, 11.

⁵⁾ Ген. сл. Неж. п., 25.

после истощения земли в Корибутовской сотне приступили только в 1740 г. ¹⁾. Там, где местное население пользовалось землею на особом праве, как в городах, были особые выгонные земли ²⁾. Имели города и свои пахотные земли ³⁾, и земли огородные ⁴⁾, и особые пляцы ⁵⁾. Городское самоуправление, в лице своих представителей, пахотные земли делило на паи равной меры для раздачи чиновникам и частным лицам ⁶⁾. Раздача паев была только временной, если данное лицо не покупало у города земельного участка ⁷⁾, гаи же, леса и выгоны были в общем пользовании всех жителей городской общины ⁸⁾. Однако городские земли представляют собою разряд особых земель.

Был разряд населения, в среде которого можно было бы ожидать общинного устройства—класс казачества. Вышедшие из класса замковых бояр, казаки имели земли на праве собственности, на ленном праве ⁹⁾; где до Хмельницыны иногда бояре ставили от целой деревни одного или нескольких человек на замковую службу ¹⁰⁾, там и землею пользовались сообща ¹¹⁾; такая земля считалась службою, хотя бы на ней сидело несколько человек ¹²⁾. Хмельницаина, давши новые участки, оставила за казаками также земли, какими они раньше владели ¹³⁾. Но в статьях гетмана настаивали на признании за казачеством только прав собственности на землю. В 1669 г. казацкие представители просили, чтобы «товариство войсковое совершенно при прямых грунтах и пожитках было сохранено», по смерти казака «при тѣх грунтах жена наслѣдіе (имела), чтобъ тѣх добръ прямых послѣ отца своего остальных по тому ж владѣти всѣм», при чем, если вдова вышла бы замуж за казака, то ей надлежало оставаться в привилегированном положении, «а есть ли за мужика, то подлежала должности градцкой» ¹⁴⁾. На старшину возлагалась обя-

¹⁾ Зап. Ч. Г. С. К., II, в. 5—6, 219.

²⁾ П. С. З., XXVII, № 20814.

³⁾ Андриевский, Ист. мат., III, 104; VI, 83, 86, 88.

⁴⁾ К. Ст., 1891, VI, 411.

⁵⁾ Стороженки, VII, 30.

⁶⁾ П. С. З., I, № 413.

⁷⁾ *Иб.*, XVII, № 20721.

⁸⁾ Андриевский, Ист. мат., III, 81.

⁹⁾ *Žg. dz.*, V, 138—9.

¹⁰⁾ *Иб.*, XX, 16, 17.

¹¹⁾ *Иб.*, V, 99.

¹²⁾ *Иб.*, V, 87.

¹³⁾ П. З. А. К., II, 106.

¹⁴⁾ А. Ю. и З. Р., VIII, 93.

занность не допускать переходов «кгрунту козачого в мужичество» ¹⁾. Казачья земля, значит, получала особое значение. Она навсегда оставалась казачьею. Ее не разрешалось отчуждать представителям других общественных групп: по земле определялось положение населения в социальном отношении. Усевшиеся на казацком грунте выходили из своего сословия. Наоборот, казак, севший на мужичью (или панскую) землю, в свою очередь, терял привилегированное положение. Не человек красил место, а место человека. Реестры, составлявшиеся гетманами, имели провизорное значение, — для них важны были не столько казачьи фамилии, сколько число казаков, и «выписчики» известны не только до Хмельнищины, но и после нее. Реестр в 60.000 каз. 1654 г. при территории «обеих сторон Днепра» после Андрусовского мира должен был заключать вдвое меньшее число казачества, которое во 2-ой половине XVIII в. выросло свыше 400.000 чел. Выписчики были казацкого происхождения, но не считались казаками. Земля казацкая, таким образом, поднимала человека, в то время как мужичья уменьшала его права. На такое разделение земель указывает не мало фактов. «Сынъ мужичій на козацком грунтѣ» ²⁾, казак «в мужики вписывался на мужичом грунтѣ» ³⁾. В одном деле 1761 г. читаем, что в с. Бобрик прибыл казак Павлов и объявился атаману, «прося, не имѣется ли вакансоваго козачого грунта для вѣчнаго житя и владѣнія купить, дабы как прочие козаки послушности отбывать». Созвана казачья громада, на коей стало известно, что «огороди козачіе по давнихъ змерлихъ козаках имѣются, по которыхъ жадного наведенія не имѣется», почему Павлову решено уступить огород и признать его собственником того огорода ⁴⁾. С казачьей земли шла служба, от каковой самая земля называлась также службою и равнялась 4 волокам ⁵⁾. На службу с грунта указывает случай с Ив. Хорошком. Он, «зросши, отбувал службу козацко з дѣдизного и материзного грунту, ибо matka его козачая дочь била и грунт тот, где отецъ жилъ, материзній спрежде козацій» ⁶⁾. Если такая земля попадала к старшине, то она, по крайней мере, в принципе, только временно владела ею ⁷⁾. Казачество в лице громады распоряжалось своими недвижимостями. Так, в Переяслав-

¹⁾ Диар., 41.

²⁾ Лазаревский. Поспол., 7, 12.

³⁾ Ы., 8, 10.

⁴⁾ Юр. Вест., 1890, III, 413.

⁵⁾ Багадей, Нов. ист., 54.

⁶⁾ Мот. Арх., № 44.

⁷⁾ Ген. сл. Неж. п., 54.

ском полку с согласия казачьего общества был сдан двор, оставшийся после отхода собственника за Днепр, заняты луг с сенокосом, отведен пустой дом на учителя, продана пахотная земля, отчуждались плещи и выпасы, отпускалась пахоть «на общекозачьем степу» и пр.¹⁾ Все это указывает на общественное владение землями, сеножатями, лугами и лесами. Как владели казаки своими недвижимостями, объясняет указ 1803 г. Означенным указом подтверждено казакам право распоряжаться землями на основании древних прав, причем устанавливалось, что ни одно казачье село никогда не имело в тесном смысле слова общественных земель, а у казаков имелась земля в личной собственности, каковая-де «споспешествует заведению благоустроенных хозяйств» и служит залогом «гражданского повиновения». Указ знает о существовании чересполосицы в казачьих грунтах и считает ее результатом смешения населения в деревнях, первоначально казачьих²⁾. Признавая в указе 1803 г. некоторую политическую тенденцию, нельзя, однако, отказать ему в ясности и убедительности. Указ констатирует факт, но не объясняет, как именно создались некоторые явления в роде чересполосицы и т. д. Казачьи земли подвергались отчуждениям, как и недвижимости прочих сословий в Украине.

На ряду с индивидуальной казачьей земельной собственностью существовали недвижимости, в коих распоряжалось единственно общество — они, повидимому, не входили в сферу индивидуального обладания. Таковы были «общевладеемые» дуга, леса и пр. Проф. Лучицкий высказывался, что «общевладеемые недвижимости» подверглись индивидуальному разделу во времена производства Румянцевской ревизии. В действительности индивидуальная апроприация в «общевладеемых добрах» наблюдается довольно рано. В 1672 г. Ф. Сулименко жаловался «заедно з Г. Сидаченком на П. Жуковско-го, якоби то Педос в частку сеножати втручалъся, менуючи своего». Во избежание недоразумений между Сулимой и Сидаченком суд постановил положить между «тими синожатми признаки»³⁾. В «общевладеемой» сеножати, таким образом, признаны были реальные части. В 1676 г. Искровна отдала своему зятю Светайлу «крыло» и притом оправдывала себя тем, что «крыльце мое власное, а не чие иншое»⁴⁾. Та же Искровна в 1667 г. «доходила части своей в Соко-

¹⁾ Лучицкий, Мат., I, табл. 30, 29, 26, 27.

²⁾ П. С. З., XXVII, № 20823, 714.

³⁾ Акт. кн. Полт. ур., III, № 7.

⁴⁾ Ib., III, № 81.

лемъ байраку и в сѣножати, належачой к тому байраку, яко власную отчевщину мужа»¹⁾. Отсюда можно заключать, что части в «общевладеемых» недвижимостях принадлежали разным лицам казачьего сословия не по переделам, как того можно ожидать от общинного устройства сел, а в силу того, что они «приходились», «спадали» на членов казачьего общества и могли быть в любой момент освоены лицом, считавшим себя в праве приступить к освоению. Общевладеемость означает, что в не подвергшихся апроприации участках сильны были распоряжаться только лица, принадлежавшие к «козацкой верстве». «Общевладеемые» недвижимости находились в руках казачества на публично-правовом основании; громада казачья имела здесь такое же значение, как городские уряды, распоряжавшиеся городскими землями в интересах не столько частных, сколько публичных. Посему-то и в отношении и городских и казачьих земель уместнее применять выражение «общественные земли», а не земли «общинные». Трехпольная система, существовавшая в казачьем обществе, не имеет значения общинного трехполя, хотя именно тут, в виду сравнительной замкнутости казачьего общества, была бы более возможна общинная организация. Ее не знала действительность, ибо публично-правовой элемент в казачестве и воздействие власти не благоприятствовали созданию хозяйства общинного типа. Ограничение только пользованием вместо владения, к чему прибегал проф. Лучицкий²⁾, ничего не доказывает.

В виду господства индивидуальной собственности, недвижимости, как пахотная земля, так сеножати и леса подвергались вымерам и обводам, или, как они именовались в Старой Украине, обцирклеванию. Обцирклевывалось всякое имущество—хутора³⁾, леса⁴⁾, левады⁵⁾, грунты⁶⁾, сеножати⁷⁾ и пр. Обцирклевание велось по трудовому признаку. Земля вымерялась днями работы, сеножати—работою косарей или возами сена, берега рек—частями тони, луга—количеством животных, упругами и пр.⁸⁾. Различие промерки определялось каче-

¹⁾ Акт. кн. Полт. ур., III, № 40.

²⁾ Юр. Вест., 1890, III, 414.

³⁾ Акт. Полт. гор. ур., III, № 16, 53; II, № 91.

⁴⁾ Ib., II, № 53, 54, 120.

⁵⁾ Ib., II, № 45, 74, 77.

⁶⁾ Ib., II, № 37.

⁷⁾ Ib., II, № 80.

⁸⁾ Посников, Общ. землевл., II, 89.

ствами почвы и, значит, быстротою обработки¹⁾. Только с опубликованием инструкции к генеральному межеванию в 1766 г. было введено однообразие мер для вымеров—обцирклеванья²⁾, что не мешало, однако, прежним измерительным единицам долго существовать в быту³⁾. Обцирклеванья показывают, что равных или хоть относительно одинаковых земельных участков в Украине не существовало. Между тем они обязательно были бы при существовании общины.

Цифры земельных владений и леса убеждают в противном. На выдержку взятые из I и II таблиц материалов проф. Лучицкого данные подтверждают высказанную мысль. У одного хозяина в 1765 г. считалось 4 куска земли размерами около 20 дней, ценою в 9 руб., и 811 кв. саж. леса; у другого:

6 кусков на	27	дней в	9	руб. 80	коп. при	отсутствии	леса	
6	»	»	14 $\frac{1}{2}$	»	»	6	»	30
1	»	»	3	»	»	1	»	40
11	»	»	27 $\frac{1}{3}$	»	»	5	»	90
3	»	»	8	»	»	2	»	20
6	»	»	5 $\frac{1}{2}$	»	»	1	»	95
6	»	»	40	»	»	12	»	—
1	»	»	5	»	»	2	»	50
12	»	»	20	»	»	6	»	70
4	»	»	15	»	»	3	»	96
								100
								» 9р. 20к. и т. д.

¹⁾ Тр. В.-Э. О., XXIX, 53.

²⁾ Герман, Ист. рус. меж., 213.

³⁾ Из бытовых вымеров отметим четверть (Модзалевский, Род., I, 371), или четвертку, которая не везде была одинакова (Ю б. С б. И ст. Эт н. Кр., 84—86 прим.). По вычислению Ханенка, 4 четвертки составляли влоку, и в четвертке, т. е., считалось 1 $\frac{1}{4}$ —2 $\frac{1}{2}$ дес. (Меж. учр., 70, 71). Украинская «служба» XVIII в. равнялась 18 саж. (З. Ч. Г. С. К., II, в. 5—6, 301), но Ханенко считает «службу» более, чем в 19 дес. (ор. с., 57). Десятина состояла из 2,5 сохи, в каждой сохе, т. е., считалось 960 саж. Но десятина, в свою очередь, была не одинаковой меры—были десятины в 1600 кв. саж. или крестьянские (Тр. В.-Э. О., 1768, VIII, 20), были 2400 кв. саж. (Семяновский, Мат., 80) и даже больше. Поле представляло участок в 50 веревок, в каждой по 30 саж. (Ген. сл. Неж. п., 324). Популярная единица измерения пахотной земли была разной величины—от 137 саж. до 1600 саж. Инструкция 1766 г. определила, что десятина земли равнялась 10 копнам сена, в отношении угодий 1 верста приравнивалась 1000 кв. саж., волока=19 дес. 2010 саж., служба=10 волокам и шнур=28 саж. Кроме того, существовало деление на загоны, в котором было от 5 до 10 дес. Плеч равен 6.4 четверткам или 16 мерам (Ханенко, ор. с., 73). Далее, поля делились на кони, число коих изменялось от свойств почвы, и на жеребья. После опубликования инструкции 1766 года, стали хлопотать и об уравнивании крестьянских тягол (Тр. В.-Э. О., XXIX, 53).

Куски земли разбросаны в разных местах, то ближе, то дальше от селений и имеют разное качество, что влияет на оценку; равным образом лес был в таких же условиях. Так, в одном случае 2 куска земли в 2 руках в 5 дней в 5,7 вер. от селения и стоят 1 р. 80 коп., в другом случае—1 кус. в 1 руке на 3 дня в 1 версте от селения оценивается в 70 коп., в третьем—5 кусков в 1 руке на 17 дней в 1,4 вер. стоят 6 р. 70 коп., в 4-ом—3 куска в 1 руке на $9\frac{1}{2}$ дней в $1\frac{1}{2}$ вер. и стоят 4 р., в 5-м—20 кусков в 3 руках на 30 дней в 1,4 вер. от селения стоят 14 руб. и т. д. То же наблюдается и в отношении лесных участков. В одном случае имеется 120 кв. саж. леса в 1 вер. от селения, и стоит этот участок 7 р. 50 коп., в другом — 125 кв. саж. в 1 вер. и стоит 15 рублей, в третьем—202 кв. саж. в 3 вер. и стоит 10 рублей, в 4-м—52,5 к. саж. в 3 вер. и стоит 2 р. 40 к., в 5-м — 600 к. саж. в 10 вер. и стоит 29 р., в 6-м — 480 к. саж. в $\frac{1}{4}$ вер. и стоит 8 р. и т. д.

Приведенные цифры показывают разнокалиберность и большую разбросанность участков. Предполагать равенство участков не представляется ни малейшей возможности. Даже в тех случаях, когда фигурирует общее обозначение «лесок», невозможно допустить равенства участков. В самом деле, у одного обладателя видим 2 леска размерами в 803 саж. в 3,5 верс. от села, и стоят они 40 руб., у другого—3 леска в 530 саж., и стоят они 35 руб., у третьего—6 лесков в 1370 саж. в $10\frac{1}{4}$ вер. стоят 117 р. 70 к., у четвертого—2 леска в 327 саж. в $2\frac{1}{2}$ вер. стоят 15 р. и т. д. Правда, в некоторых случаях отмечено приобретение леса в разные промежутки, напр., в период 1730—1753 гг. приобретено 1840 с. или за 1726—1763 гг. приобретено 1370 саж. и т. п. Как велики доли в таких случаях, не известно. В иных же случаях приобретались разной величины участки, напр., в 1746 г. приобретен кусок земли размерами в 3 дня, в 1764 г. 1 кусок на 7 дней, в 1767 году 1 кусок на 2 дня или 1 кусок в 1 день и пр. Все куски разные, исключаящие возможность участия общины, мыслимой только с уравнительными, хотя и разбросанными долями, и, стало быть, равной ценности. За индивидуальный, а не общинный тип хозяйства в Украине XVII—XVIII стол. говорит также ономастика поселений. В Черниговской полковой сотне были с. Лукашевка, с. Полуботка, Яновка; в Вибельской сотне—с. Орловка, Онисово; в Слабинской сотне—с. Андреевка, Максима; в Райской—с. Петрушин, Даничи; в Белоусовской—с. Белоус Евтухов, Юрьевка, Янувка; в Любецкой—с. Петрички, Манки, Павловцы, Антоновичи, Леонки, Анисовка и т. д. В Стародубовском полку, в полковой сотне — с. Луцковичи, Яцковичи,

Яремин, Савинки, Артюшков, Семешков, Аннушин, Тарасовка, Андрейковичи, Иваничи, Мацковщина, Макаровка, Демьянки, Леоновка, Олейников; в Шептаковской сотне—с. Андрейковичи, Архиповка, Лариновка, Жадановка, Прокоповка; в Новгородской сотне — с. Куриловка, Игнатовка, Арановичи, Мефодовка, Дмитровка, Юриновка, Антоновка, Васильевка и т. д. В Полтавском полку, в 1-ой полковой сотне—с. Петровка, Яковец, Вакулинец, Стасовец, Карловка, Федоровка, Ивончинец; во 2-ой сотне — с. Ивашки, Супруновка и т. д. Ономастика сел приводит к выводу, что точка зрения проф. Сергеевича на село была совершенно правильна, именно, что деревня представляет собою развившийся при помощи последовательных разделов двор ¹⁾. Ее необходимо только пополнить в том смысле, что разрастание происходило и за счет новых поселенцев, обсаживавших двор первопоселенца и осадчего, что в Старой Украине наблюдалось весьма часто. Ономастикой селений определяется и самое обмежевание и огороживание недвижимостей. Без появления личного начала само собою не могло встретиться нужды для проведения меж или огороживания. Иными словами, отсутствие индивидуальных владений означало бы присутствие общины, где могли практиковаться разве временные огороживания. Но от них, буде бы они действительно существовали, остались бы какие-нибудь пережитки. На деле о периодических огороживаниях не дошло никаких данных. Далее, при общинных порядках огороживание должно было распространяться на земли целой общины, а не отдельных хозяев. За огороживание индивидуальных хозяйств говорит факт арестования землевладельцами попавшего на их участки скота. Самойлович такой скот приказывал пятнать своим клеймом и отсылал к своим стадам в Гадяч ²⁾. Иногда на задержанный скот смотрели как на своеобразный подарок от хозяина животного ³⁾. У рядовых мелких обывателей нарушение скотом огороженных имуществ проходило в более мягких формах реакции. Нарушение же меж крупных владений каралось по всей строгости формального закона, может быть, уже в силу получения ими жалованных грамот, какими царь шляхте «маетностями владѣть позволял» ⁴⁾. В силу-то полученных на имения грамот помещикам представлялось возможным оградить свои права в высшей степени, права же

¹⁾ Сергеевич, Рус. юрид. др., III, 45.

²⁾ Ригельман, II, 198.

³⁾ К. Ст., 1891, VI, 389.

⁴⁾ А. Ю. и З. Р., X, 495.

3-ьих лиц свести к минимуму, что видно, напр., на луках, сенокосных полосах в чужом лесу, где косивший охотиться не мог,—ему разрешалось только топором вычищать свою луку от зарослей¹⁾. Ограничивая свои права со стороны 3-ьих лиц, отдельные землевладельцы на огороженных пространствах селили всякий не связанный между собою сброд. Как в других местах²⁾, так и в Украине при таких условиях не могло появиться общинной организации. Для того у пришедших не могло создаваться традиции, не было у них и родственных чувств. Все сводилось к условиям производства, предъявляемым в своих интересах владельцем и его осадчим, устанавливавшими размеры хозяйства каждого из пришедших. Если в данном отношении создавались какие-либо льготные условия, то они определялись или обычаями данной местности, личным усмотрением землевладельца либо договором с ним, что случалось в обстановке, где затрагивались даже государственные интересы³⁾. Но, была ль крупною или мелкою недвижимостью, пахотная земля в ней отделялась от лугов, сенокосов, лесов. Все составные части сельского хозяйства мыслились отдельно. Отдельно они и отчуждались. В XVII в. отчуждения характеризуются так, что на недвижимость можно смотреть, как на собранную в кулаке. Владелец, отчуждая ту или иную часть своей земли, сеножати или леса, определяет границы ее в выражениях, показывающих, что пахоть, сеножать или лес не были разбросаны лоскутьями по разным местам. Отчуждаемый Рибченком хутор находится «ведле Гуджола и С. Верембенка», сеножать Седличенка лежит вся между сеножатами Педоса и Филоненка, Бабенкова сеча—вся между Перещенковой и Павловой, грунт Яковеченка—весь между грунтами Силенского и Ткача; Тимчиха продает треть своей сечи «в розе Дыканском от Я. Жученковых грунтов по дороге от Диканки... а от п. Федорових грунтов в сечи стежка к Диканце»⁴⁾. Стало быть, огорожена была каждая часть, а в некоторых случаях и все имение. Так, Искровн отчуждает свой грунт вместе с левадою, сеножатию, ставком и полем, Яременко сразу продал свой грунт с лесом и сеножатию и т. д.⁵⁾. В XVIII в. вследствие мобилизации земли и введения крупного хозяйства появляется чересполосица и крайняя пестрота земельных «шматов», тянущих, правда, к одному двору, но с разных

¹⁾ Ломиковский, Слов., 31.

²⁾ Юр. Вест., 1888, III, 82.

³⁾ Лазаревский, Оп. Ст. Мал., III, 151.

⁴⁾ Акт. кн. Полт. ур., III, № 5, 6, 8, 17, 34.

⁵⁾ Ib., III, № 162, 146, 135.

мест и в разном виде ¹⁾. С начала XVIII века принесена была и иная новость—разграничения между целыми селениями. Начала тому видны, впрочем, в конце XVII в. и находятся в связи вообще с появлением все новых и новых поселений, основанных отдельными землевладельцами, и рождением выселков в виду роста населения прежних поселений. Эти обстоятельства вызвали к жизни разделы вольных земель, из-за которых не было раньше споров. Характерным в данном отношении фактом может служить для целых селений спор, возникший в 1669 г. между старо- и новосанжаровцами из-за сеножати «на делине Кустоловой, на которой згодне по сей рок жиючи собѣ по сусѣдску разом ишли косити, дѣлячи межи себе, як слушная кому». В 1669 г. новосанжаровцы не известили старосанжаровцев о работах, вышли одни и «покопали копци хотячи собѣ приващити у вѣчность самимъ» под предлогом, что они раньше старосанжаровцев сделали в сеножати заимку. Старый Санжаров принес на Новый жалобу в полковой суд, где дело было рассмотрено, и вынесено решение пользоваться сеножатью по-старому, «разомъ жебы косили и дубравую якъ сие, так и тие на дрова пожитковали без жадного свару и упору» ²⁾. Но позже суд уже иначе стал действовать в подобных делах. Когда возникло дело Вазовского и Мезоненка из-за сеножати, Полтавский суд признал сеножатию за Мезоненком, у которого был приоритет во владении, и претензию Вазовского отклонил ³⁾. Такое решение вынесено было после осмотра сеножати уполномоченным городового уряда, каковой, повидимому, на сеножати и «знаки положил». В приведенных делах вскрывается с очевидностью неверность утверждения «общинников», будто в Украине XVII стол. развит был общинный строй, принятый населением сейчас же после Хмельничины. Общинных порядков нельзя подозревать ни на разделах между селами, ни на признании приоритета. Приоритет служит характерной особенностью собственности индивидуальной, а не коллективной. Наконец, последний выдвигаемый сторонниками общины вопрос—круговая порука. Она принесена была в Украину из Московского государства ⁴⁾, может быть, при Бруховецком, и получила некоторое признание под натиском русских чиновников. С. Рагузинский в 1716 г. обязал жителей сл. Рубежин круговую порукою в упла-

¹⁾ Ген. сл. Черн. п., 369—387.

²⁾ Акт. кн. Полт. ур., II, № 63.

³⁾ *Ib.*, II, № 83.

⁴⁾ Беляев, О круг. пор., 72, 76.

те 200 руб. оброка ежегодно без заимки ¹⁾. В 1737 г. кн. Бярятинский разрешил выдать под условием взаимной поруки для засева полей яровым хлебом зерно из войсковых магазинов ²⁾. Отсюда, однако, далеко до признания круговой поруки, как института, связанного с общиной. Отчуждения, особая система трехполья, огороживания и т. п.—все это, думается, дает основание отказаться от мысли о существовании общинных порядков в Гетманщине.

¹⁾ Лазаревский, Оп. Ст. Мал., I, 411.

²⁾ Сб. Р. И. О., СХVII, 312.

ГЛАВА IV.

Начальные шаги землевладения летопись в Украине XVII в. описывает так. Население «под свои жилища, доми и футори осягли и позаймовали (земли) и потому сталися всѣ тѣ добра малороссіянъ быть властными черезъ займы. Оніе займы свои малороссіянъ разными означили способами—оборували, копцами обносили и рвомъ окопували, кляками ограничали и что хотѣли, в тѣхъ займахъ строили» ¹⁾. В приведенных словах целая экономическая программа. По признанию летописца, займы—от слова займати—захватывать, забирать—не форма отказа от личного владения и признания общинного, —напротив, здесь полное признание индивидуальной собственности. Где население редко, как то имело место в Украине XVII ст., где земли в изобилии, нет необходимости в ограничении индивидуального хозяйства, стеснении его особыми формами. Смысл займы сводился к правилу: «гдѣ хто схочеть, тамо и пашеть и сѣно косить». Безразлично, в какую сторону направлена займа, обращена ли она на расчистку леса, поднятие целины или осушение болота. Во всех случаях, по справедливому указанию проф. Багалея, займа составляла «личную наследственную, родовую собственность заимщика, на которой он может вести хозяйство самостоятельно, безо всякой зависимости от других» ²⁾. При заимке не было места ни общинному трехполью при разрешении вопроса о севообороте, ни выгонам и пр. Займы в период революции совершались самовольно, односторонним захватом земель. Достаточным считался самый факт захвата. В период же мирного строительства Гетманщины, со времен Многогришного, в дело захватов стали вносить корректив в виде разрешения подлежащей власти ³⁾. Затем начали раздавать займанные земли в виде «надданы»—пожалований, дарений и пр. физическим и юридическим лицам ⁴⁾. Одностороннего захвата было недостаточно. Земля

¹⁾ К. Ст., 1883, XII, 572.

²⁾ Багалея, Нов. ист., 101.

³⁾ Ген. сл. Неж. п., 187.

⁴⁾ Ib., 106.

нуждалась в том, чтобы ее действительно освоить, чтобы на ней действительно велось хозяйство, для чего живой инвентарь у населения был, но ощущался недостаток в мертвом. С другой стороны, часто не хватало рабочих рук в борьбе с сильною природою — по свидетельству современников, оставленный в поле плуг в течение нескольких дней зарастал травою, так что его с трудом удавалось найти ¹⁾. При таких условиях население вынуждалось к объединению усилий в борьбе с природою. Драгоманов был прав, утверждая, что в украинской историографии в эту сторону мало обращалось внимания и что за явлениями индивидуализма просмотрены были коллективистические проявления украинского гения ²⁾. Брошенный упрек заслужен. В самом деле, известно не мало случаев, где объединения человеческой деятельности в Украине рельефно были представлены. Иначе не могло и быть, ибо самый ход революции в каждом ее проявлении подчеркивал значение объединения сил. Особенность чисто украинская состояла в том, что объединения были договорного характера и проявлениями идей товарищества, или ассоциаций, независимо от того, какова была преследуемая членами объединения цель. Договаривающимися могли быть как лица физические, так и юридические. Направлялся договор «на злучене в едно а нерозерванъне» на условиях равного участия во всем, «що бы мѣло к пожитку и розміру приходить такъ одной сторонѣ яко и другой», лично каждой стороне или и потомству их. Стороны давали то только средства, то (напр., при устройстве гребли) и средства и труд. За сторонами признавались следующие права: «которая бы сторона важилася укривжене строити, тодѣ волно свою половину и продать ведле уподобаня и поставленого торгу, еднакъ ближше будуть суму отложить». Договор проводился или путем устным и неформальным, или, реже, заключался пред урядом и вносился в актывые книги ³⁾. Всякого рода изменения протекали таким же порядком. Ассоциация могла быть длительною на неопределенный срок, как, напр., для торговых целей, так и кратковременной. Таковы были ассоциации для покосов: «посполу межи нами косили не в захват, але разом зволившися на косбу, с обох сторонѣ товариствомъ» ⁴⁾. В договоре иногда указывались и орудия работы, обстоятельства ее, размеры, вкладываемые

¹⁾ Мемуары, II, 101.

²⁾ Громада, I, 17.

³⁾ Акт. кн. Подт. ур., II, № 61.

⁴⁾ Ib., II, № 63.

капиталы и т. п. ¹⁾). Характерным представляется в договорах то обстоятельство, что в них входили не только близкие друг другу лица, но и лица посторонние. Другая особенность заключалась в организации ассоциаций, так сказать, по войсковому типу — управлял ассоциацией атаман, которому принадлежала руководящая роль в делах. К числу ассоциаций такого рода принадлежала, напр., мельницкая. В своих исках мельники выступали «с помощниками своими». С помощниками же совокупно они вступали в обязательства. В случае нанесения ущерба или причинения убытков иным мельникам, они должны были «всё утраты и выклады нагородити» ²⁾). В общем интересе всего населения при устройстве мельниц уряд озабочивался установлением условий, исключавших возможность подтопов полей и лугов ³⁾, что влекло за собою обязанность снять постройки и пр. Создавались ассоциации и ради рыбной ловли «и иной добычи», при чем сами «промышленники» по окончании ловли в своих уходах превращали свою трудовую ассоциацию в торговую по сбыту продуктов труда ⁴⁾, так что, по терминологии Запорожья, становились уже «односумами» ⁵⁾). Основание, какое лежало в факте объединения лиц в ассоциации, было изведенное. То был братский устав, известный Украине еще до Хмельщины. На основании устава братства, по крайней мере, организовывались ассоциации купеческие ⁶⁾). Экономическое значение ассоциаций состояло в том, что они увеличивали средства участников, а, с другой стороны, уменьшали риск каждого из них. Юридически договор имел двойное значение. В отношении третьих лиц ассоциация выступала как единое целое, договором же определялись внутренние отношения членов между собою. В Украине ассоциации, по существу, не представляли собою так называемых юридических лиц, — они не обособлялись от физических лиц, хотя со стороны законодателя и делались к тому попытки ⁷⁾). Отсюда необходимо заключать, что владения ассоциации рассматривать необходимо в разрезе не идеальных частей, но реальных, *dominium pro diviso*, т. е. представляли собою сумму индивидуальных прав, — каждый участник в любой момент имел и право и возможность выйти из состава ассоциации и осуществлять лично

¹⁾ Акт. кн. Полт. гор. ур., III, № 89.

²⁾ *Ib.*, II, № 36.

³⁾ *Ib.*, II, № 60.

⁴⁾ М. В.-У. А. Гл. Шт., I, 812.

⁵⁾ Зап. Арх., № 3, л. 34.

⁶⁾ Lewicki, Pr. Skład., 44.

⁷⁾ Права, гл. XVIII, арт. 6, § 3.

свое неограниченное владение. К числу ассоциаций относилась и сябровая организация, стоявшая в тесной связи с займанщиною и договором, описанным выше. Сябровая организация явилась на смену крупного хозяйства. Шляхетский класс, притаившийся при Хмельничине, еще не успел ориентироваться и выявить своего лица в отношении свободного фермера. Кроме всяких иных причин, как политических, так и экономических, препятствием для такого выявления служили свободные ассоциации сябров, которые заменили на время крупного землевладельца, позже предъявившего притязания на ренту. Сябровая ассоциация основалась на договоре товарищества, вызванного хозяйственными причинами в роде недостатка у отдельных лиц инвентаря, денежных средств, переуступок прав на данное имущество, допущения по истечении определенного срока к работе, повинностных отношений и т. п. обстоятельств ¹⁾. Договор признавал права членов в разном объеме для каждого сябра, представительство же было общее в отношении третьих лиц ²⁾. Не приводя по сему поводу разных контрверз ³⁾, отметим только последнее мнение о сябровстве, высказанное проф. Мякотиним. Мякотин признает, что сябровая организация определялась договором. «Каждый сябр», говорит он: «если только сябренный договор с самого начала не был временным, передавал свою долю (в сябренном имуществе) по наследству, мог завещать» и пр. Состоять могла сябровая организация как из родственников, так и чужих лиц ⁴⁾ и находилась в связи с заимочным хозяйством ⁵⁾ при господствовавшей личной мелкой собственности в Украине ⁶⁾. Распространяла свои действия сябровая ассоциация на разного рода недвижимое имущество. Сябры могли иметь в своем обладании и лес, и «сѣнокос прочищать и степь прооривать только б других разробом своих грунтов не избидели» ⁷⁾. Права всех сябров были защищены в равной мере, ибо иногда они имели и равные права в недвижимостях ⁸⁾. В сябровстве охотно отмечались кровные узы. Однако родственные связи важны в ином отношении. Именно в том, что здесь владение конструировалось по типу владения семьи. В истории правово-экономических явлений важен такой

¹⁾ К. Ст., 1890, VI, 478—480.

²⁾ Слабченко, Оп. по ист. пр. Малор., 277—292.

³⁾ Слабченко, Центр. учр. Укр., 8—9.

⁴⁾ Рус. Бог., 1913, IX, 199, 201, 212.

⁵⁾ *Ib.*, X, 231. Ср. Юр. Вест., 1894, V, кн. 1—2, 193, 194, 195.

⁶⁾ *Ib.*, X, 244, 245, 248, 249, 250, 252, 285.

⁷⁾ Права, гл. XVII, арт. 15, § 1.

⁸⁾ *Ib.*, гл. XVII, арт. 15, § 2.

момент. Отношения создаются по типу уже сложившихся и вошедших в обиход отношений. Даже там, где, повидимому, создаются властью определенные организованные хозяйственные формы, они следуют в жизни готовым образцам. Так, власть помещика или «верховного вождя» представляет сколок с potestas patris familias, право сальвигвардии конструировалось по типу, принятому церковью. Государственная власть приравнивает к своим нуждам уже существующие организации, в известной степени использует их и дает им свою квалификацию post factum, что видно, напр., на казачестве, атаманствах сельских и т. д. Подобное же перенесение понятий с одного рода отношений—семейных, и, пожалуй, родовых, имело место и в сябровой ассоциации. В свою очередь, сябровая организация служила первоначальной формой образования селений, и рядом и против нее стояла другая форма—хутор. Оба типа в мелко-собственнической Украине сравнительно долгое время мирно уживались. Сябровство послужило поводом проф. Лучицкому для создания им общинной теории в Украине. Однако «вопчее владение» сябров (иногда сябры при сем не называются) ¹⁾ нисколько не препятствовало тому, что «волни (были) земли і хто де бивало хоцет сьно косить и пашеть свободно» ²⁾, или, как говорилось в одном акте времен до-Хмельницкого, «черкашане-мѣщане и бояре на поли пашуть, где хто хочеть» ³⁾. Это обстоятельство, однако, не мешало взаимной поддержке «черкашан» как в сем, так и в других случаях ⁴⁾. В добавление к приведенным выпискам следует привести и иную, по коей значится «в ту пору на обоих сторонах Днѣпра вся земля была малороссіянамъ сполная и общая, покамисть они первѣе подъ полки, а въ полкахъ подъ сотни, а в сотняхъ подъ мѣстечки, села и деревни позаймовали» с расчетом, «сколько кому якого лѣта къ паханію надобность укажетъ и гдѣ кто себѣ застигнетъ, тамо ореть» ⁵⁾ и при коррективе «безъ вѣдома своякъ занимать и окапывать займы было воспрещено» ⁶⁾. Так вызваны были к жизни индивидуальное и основанное на товарищеском договоре хозяйства в Старой Украине.

Сябровые владения получили особенное значение там, где дело шло о лесах и озерах, а также мельницах ⁷⁾. В последнем случае

¹⁾ Миллер, Арх., 91.

²⁾ Мот. Арх., № 35.

³⁾ Антонович, Моногр., I, 140.

⁴⁾ К. Ст., 1884, III, 439.

⁵⁾ От. Зап., 1882, XI, 101.

⁶⁾ Ib., 114.

⁷⁾ Стороженки, I, 109; К. Ст., 1896, IV, 94.

являлось заинтересованным украинское правительство, потому что с сябровых (равно как и с состоящих в индивидуальной собственности) мельниц в Генеральный Скарб поступала часть помола — «войсковая мѣрочка». В первом — заинтересованы были в XVIII ст. (и в конце XVII в.) помещики. Автор (анонимный) докладной записки в конце XVIII в. о порядках в Украине пишет, что в Гетманщине пользование лесами у помещиков с казаками сябренное. Помещики стремились, несмотря на то, что были в лесах сябрами, к апроприации их, казаки же противились этому, может быть, по старинному правилу, прилагаемому к лесам по аналогии, что «займа, будучи в полку, командирам крѣпка быть не может»¹⁾. Казачество прибегало к нарушениям в виду того, что «какой-нибудь владѣлецъ, купивъ у одного или у нѣскольких казаковъ право въѣзда и сдѣлавшись съ прочими равнымъ сябромъ, устроить винокуренный или стеклянный заводъ и рубить по всему лѣсу дрова и пустошить лѣс»²⁾. Факт принятия помещичьего класса в состав сябров (а подобное явление разрешалось, ибо каждый сябр с ведома и согласия прочих, если они отказывались приобрести его долю, мог отчудить стороннему сябренному товариществу лицу свой пай) имеет сам по себе большое значение для разрешения вопроса о мобилизации земли. Вместе с тем, сябренное владение в настоящем пункте связуется с вопросом о правах пользования некоторыми видами недвижимых имуществ для всего населения данной местности. Общее пользование, открытое, напр., в лесах жителям данного села, способно породить представление об общинных правах, хотя бы общину, как общину, и относили в туманную даль³⁾. В действительности приходится здесь констатировать иного разряда явления. Они не что иное, как сервитут, имевший широкое распространение в Гетманщине.

Шенеман основательно полагал, что содержание сервитутов развилось раньше образования собственности и что сервитут не зависит от формы полного господства над вещью. Он служит разве предварительною стадиею на пути к обладанию вещью. Вещь еще не находит в ее временном обладателе соответствующего правового настроения, как не находит она и признания со стороны третьих лиц. Это предварительная *occupatio*. Такой характер в Украине имели «уходы»⁴⁾. Однако «уходы», или «ухожай», были или в никому не при-

¹⁾ Тр. Черн. Пр. Ком., 39.

²⁾ Зам., до Мал. Рос. отн., 39.

³⁾ Мякотин, Рус. Бог., 1913, X, 231.

⁴⁾ Ж. М. Н. Пр., 1895, VII, 233 (ст. Любавского).

надлежавших местах, в роде лежавших к югу и юго-востоку от границ Украины земель, или в местах, считавшихся принадлежащими данному физическому либо юридическому лицу. О сервитуте может идти речь, конечно, только во втором случае. Тем не менее нельзя думать, что сервитут в данном случае появился обязательно раньше собственности, что в собственность перешли уже состоявшие в сервитутном пользовании пространства. Гетманщина, правда, знала не мало таких случаев, но они все же не исключают и иных объяснений.

В Украине сервитуты остались еще от до-революционного времени. Восставший народ, имевший сервитуты при польском панованьи, остался при них и после 1648 г. Раньше собственность на свободные, никем не занятые земли, никем не апроприированные леса и дуга принадлежала государству польскому в лице его шляхетского правительства, теперь собственником стало «Войско», поскольку недвижимости не сделались частно-владельческими. Как раньше имелось сервитутное пользование, так оно осталось и после Хмельщины с тем разве отличием, что число сервитутов должно было увеличиться, так как конкретного собственника население около себя часто не встречало. Но с течением времени вместо польского пана население стало иметь своего, и в таком случае вводился (или прекращался) сервитут такого же рода, как и раньше. В 1669 г. рещетилевские казаки и мещане дали пану С. Петрашенку следующий документ: «если бы которий наш товаришь албо мѣщанинь мѣль бути в байраку Петрашенковомъ и рубат, таковой нехай самъ за себе отбуваетъ и своѣмъ статкомъ и их такого даст сей нашъ декретъ—волно ему, яко пану в своемъ добрѣ». Уряд, какому адресован был приведенный документ, признал точку зрения сторон правильною и акт принял к записи в книги ¹⁾. Декрет интересен в том смысле, что им признавалась особая практика в отношении чужих имуществ. Сервитут, таким образом, представлял собою род неоспариваемой заимки. Как только начиналось оспариванье, условная (или временная) заимка на известное имущество в той или иной мере, в том или другом виде прекращалась, и торжествовало лично-индивидуальное право. Случалось, однако, и так, что, несмотря на наличность конкретного собственника, сервитут вводился. Напр., в 1718 г. был введен сервитут в лесах киевских и межигорского монастырѣй. Изданным по сему поводу универсалом предписывалось «въ пущь мѣщанамъ кievскимъ з

¹⁾ Акт. кн. Полт. ур., I. № 154.

магистратовыми надлежащую в вывезеню деревъ на свою потребу по-прежнему выгоду иметь» путем вывоза из монастырских лесов дерева для постройки после пожара и т. п. потреб¹⁾. В первом случае (с Петрашенком) в лесу не было раньше сервитута, во втором — на стороне населения была давность («попрежнему»), которую признал и универсал. Если за населением была давность или производилось «надданье» недвижимости тому или другому представителю шляхетства позже массовой заимки в лесах или полях, уряды охотно признавали в них право сервитутов, «волній и безпечній в пуцу по дерево вступъ ведлугъ стародавняго уживанья без жадное перешкоди». Даже стремившихся к преобладанию формального закона землевладельцев универсалы старались в известной степени ограничить: они разрешали, напр., не только подборанье бурелома и рубку сырого леса, но и выпаливанье угля и пр.²⁾ Не желавших подчиниться сложившейся в течение долговременной практике лиц «склонявшее ухо» к нуждам населения украинское правительство настоятельно убеждало открывать «волній вступъ безъ разнихъ докладовъ, грабежовъ и побоевъ ведлугъ стародавняго звычайу»³⁾. В XVIII стол., при значительной мобилизации земли и экспроприации населения, отношение власти радикально изменилось, и, по крайней мере, местная администрация настаивала на том, что «если кому з людей потребна будетъ (напр.) трава, мусѣли у старости куповати»⁴⁾. Но то были уже иные времена. В XVII же стол. не только разрешались въезды в леса и пущи, но и ловля в озерах, и в степи, где помещикам при культивировавшемся ими скотоводстве не доставляло выгод разрешение свободных покосов всем и каждому и где они потому возбраняли, по скольку могли, «всякому траву косити»⁵⁾. Сервитут, таким образом, представлял собою условное владение недвижимостями, отличавшееся от заимки отсутствием постоянного индивидуального освоения. Произведенная заимка в поле обносилась бороздою, окапывалась копцами, бортное дерево метилось, лес насекался. Наложение знака означало апроприацию недвижимости, находившуюся в постоянном трудовом обладании данного лица. То, что лежало за межами, не подлежало личному непрерывному обладанию. Обнесенное копцами и рвами пространство считалось безусловною, бесспорною

¹⁾ Чт. Нест. Лет., XVI, 81.

²⁾ К. Ст., 1892, I, 115.

³⁾ Об. Рум. Оп., 133, 164.

⁴⁾ Лазаревский, Оп. Ст. Мал., III, 188.

⁵⁾ Ib., III, 87.

и индивидуальной собственностью. Недвижимости, лежавшие вне, состояли в общем владении и, стало быть, пользовании. Поскольку они не состояли в чем-либо индивидуальном владении, постольку население расценивало их как «уходы», в противном случае оно в них имело сервитут. Сервитут, однако, мог явиться в результате и иных обстоятельств. Могло случиться так, что при наделении крестьян землею, как то проектировано было Екатериною II-ою, для крестьян не могло бы хватить угодий на каждое их хозяйство, и тогда сервитут давался либо в имени помещика, либо вводился общий водопой, выгон, угодья в отдалении от помещичьих ¹⁾, что встречалось в Гетманщине ²⁾. В подобных случаях сервитут может рассматриваться как результат мобилизации земли, освоения недвижимостей в силу формального акта, передававшего всю полноту прав собственнику, который единственно мог распоряжаться в своих владениях. Определенно признанное право собственности за данным лицом на то или другое угодье сначала не прокламировалось. В леса, гаи, пуши, озера и поля для всех был свободный вход. Но как только на угодье давался формальный акт, в виде ли универсала, купчей ли и т. п., как немедленно вводился сервитут в виде ограниченного пользования угодьем. Когда в таких случаях говорилось о старине, то ее связывали не с размерами пользования, а с правом пользования, въезда, ловель, сбора дерева и т. д. Высказана была и иная точка зрения на происхождение сервитутов. В отдаленные времена земля принадлежала князю или замку, а вместе с тем принадлежало им и все, что было на поверхности земли—реки, озера, леса и пр. Население обрабатывало землю и все, что на ней находилось, в пользу князя, затем свою работу перенесло на свободные места и обязалось вносить в пользу властей известную часть лова. Так создалось распоряжение землею и угодьями для населения ³⁾. Приведенная точка зрения, однако, не объясняет сервитута. Она говорит скорее о чиншевой «плате», в сервитутах же начало оплаты не применялось. В вопросе о сервитутах возможно еще одно недоразумение. Оно сводится к тому, что сервитут отличается неопределенною давностью. Последняя могла появиться в результате либо давности до-революционной, либо же в виду того, что при надданных не указывались размеры надданы, только общим образом отмечалось пожалование деревень «со всеми принадлежащими угодьями». Временное пользо-

¹⁾ Гороневич, Иссл. о серв., 58.

²⁾ К. Ст., 1885, III, 541.

³⁾ О. Грушевський, Зап. Н. Т.—ва в Київі XVII, 71, 73, 76.

вание в подобных случаях превращалось в длительное или постоянное правовое отношение между собственником, с одной стороны, и имевшими вход в угодья лицами—с другой. Отсюда родилась сервитутная давность, которая выдвигалась и в качестве доказательства прав на сервитут. Итак, сервитуты появились в связи с тем, что население в эпоху революции 1648 — 1654 г. фактически не могло освоить всех освободившихся от шляхты земельных пространств. Только часть их была апроприирована, остальными же землями народ пользовался по мере надобности, в этих землях и угодьях он имел сервитут; поэтому-то при перемене собственников сервитут оставался нетронутым. Только в меру роста населения и большого движения состоявших в индивидуальной собственности имуществ сервитут постепенно вырождался. Изменилась плотность населения и количество состоявших у него «добр»—изменилась и форма обладания имуществом. Сервитуты были не делимым правом,—их невозможно было приобретать по частям, но освобождение от сервитута по частям на практике было возможно и имело место в тех случаях, когда участки отдельных лиц, в интересах каковых устанавливался сервитут, сосредоточивались в одних руках. Таковы, напр., были сервитуты *ascendi* или *haustus aquae*. Соединивший в своих руках все крестьянские земли помещик, экспроприировавший население, мог уже при таких условиях отказать в признании означенных сервитутов. Что касается дорожного сервитута, то в XVII стол. обладание всем участком все-таки не освобождало землевладельца от обязанности признавать сервитут *transeundi*—известен случай, когда полковой суд не нашел возможным признать отмену такого сервитута ¹⁾. Сервитут имеет значение не вообще, но в определенном отношении. Охотник дорожил охотничьим сервитутом ради ловли птиц и животных, скотовод—пастбищным в лесу сервитутом, земледelec—сечею и пр. В связи с сим и появилось представление о сервитуте, как частичном господстве над вещью «в виде пользования некоторыми только сторонами ценности вещи... в виде права только на известные стороны ее полезности» ²⁾. В действительности, такая точка зрения является точкою зрения догматики капиталистического строя. Это—представление, взятое в современном разрезе. Для XVII стол. такое определение не может быть принято. Тогда оно было несомненно шире, ибо заимка совершалась не в определенном только интересе, а в интересе цело-хозяйственном. Хозяйство Украины

¹⁾ Акт. кн. Полт. гор. ур., II, № 17.

²⁾ Горонович, *op. cit.*, 12.

XVII стол. было, так сказать, всесторонним. Современники передают, что каждый город, селение, хутор обладали сразу и землями, и лесами, и водами ¹⁾. Самые разнообразные стороны хозяйства культивировались сразу. Посему и сервитут, по существу, был первоначально общим. Лицо, имевшее сервитут на въезд в лес, одновременно могло иметь в том же лесу сервитут и на соби́рание дерева, и на ловли, и на борти и т. д. Расчленение сервитута появилось сравнительно поздно. Законодательный материал первой половины XVIII века еще хранит некоторые признаки универсальной природы сервитута, хотя говорит о каждом в отдельности. В гл. XIX, арт. 8, § 1, «Прав, по которым судится малороссийский народ» читаем: «звѣрь дикий хотя мѣть битъ всѣмъ общимъ, еднакъ ихъ въ чужихъ пушахъ и грунтахъ ловить и убивать не надлежитъ безъ соизволения того, чей грунтъ». В той же главе, арт. 12, § 1: «кто би въ чьемъ-нибудь грунте имель бобровие стариннии свои гоны, къ таковымъ гонамъ не имѣть той, чий грунтъ самъ, а ни люде его поля дооривать такъ далече, какъ би возможно к тому логву палкою докинуть и столко же сѣнокосу подкошивать и лози прочищать». В данных двух статьях указаны «отдельные стороны пользования». При этом арт. 12, § 1, имеет в виду не вообще бобровый сервитут для всех и каждого. Статья указывает источник с характерным добавком: «дополнение из иного права». «Иное право» — гетманские распоряжения. Они регулировали особый промысел, производившийся в интересах исключительно гетмана и специально для того составленную ассоциацию бобровиков. Но в «Правах» же есть статья, обнимающая разом несколько сервитутов и мыслящая их в сумме. Она помещается в той же XIX гл., арт. 3, § 2, и гласит: «кто имеетъ въ чужихъ пуши, лѣсѣ и какомъ-нибудь грунтѣ борти или звѣринние и рыбные ловли либо озера или сѣнокоси или при сенокосах салаши, тому... ехать свободно, толко собакъ не брать и никакой стрельбы (по) звѣру (не вести)... долженъ старинними сѣнокоси владѣть толко, а вновъ онихъ не прибавлять, однако жъ старие сенокоси свои если заростуть, можетъ изнова прочищать. Тако жъ кто имѣть борти... свободни рибу ловить, дерева взять на салаши, дрова и карита на рибу делать... жердей на скирду или на стогъ или для огорожи... удрать ликъ на лѣзиво или лубья... сколко можетъ на себѣ понестъ, а не возомъ вивезти». Тут объединено множество сервитутов, и характер запрещений говорит за то, что объединение сервитутов в руках одного субъекта прав в практике бывало достаточно

¹⁾ Пут. Ма к., II, 16.

широким и осуществлялось иначе, чем того хотел закон. «Права» вскрывают и сущность сервитута старого времени. Сервитут—«всем общий» (в освоенных местностях) и по началу осуществляемый «без соизволения того, чий грунтъ», сервитутов не мог ограничивать «той, чий грунт самъ», на практике сервитут мог быть не только старинным, как добивался закон XVIII ст., но «вновь могъ прибавляться». Таким образом, связь сервитута с заимкой несомненна. Характерно, что даже в XVIII стол. собственнику леса, пущи или грунтов закон не запрещал иметь в собственном имуществе сервитут. Стало быть, проф. Гамбаров был прав, утверждая, что у собственника может быть сервитут в собственном имуществе. Гамбаров по сему поводу писал, что «относительно третьих лицъ собственник сохраняет неограниченно то самое право, которое составляет сервитутъ», в отношении же управомоченного сервитутом собственник стеснен лишь настолько, «насколько его пользование вредит пользованию первого, так что, уступая дорогу соседу, собственник пользуется ею и сам, не оттесняя только соседа»¹⁾. Что такое мнение верно, доказывает факт, что по окончании или отмене сервитута для собственника не было особых способов к дальнейшему признанию его прав,—оно совершалось само собою. Это означает, что, вопреки современной догме, сервитут для XVII—XVIII стол. представлялся не только простым пользованием, а считался явлением более широким. Он представлял собою род владения. В качестве такового сервитут способен был ко всевозможным сделкам, каким было доступно владение. Осуществление сделок в быту доказывается запрещениями, выносимыми «Правами, по которым судится малороссийский народ». В гл. XIX, арт. 4, § 2, стоит: «никто з чийхъ-нибудь поданнихъ деревъ бортнихъ... никому стороннему отдавать, даровать и какимъ-нибудь образомъ заводить не долженъ, а если бъ то учинилъ, такового его жъ владѣлецъ имѣеть наказати». А раз так, то представление современных историков права на счет сервитутов и сервитутного права нуждается в пересмотре. Сервитуты в Украине не были строго разделены на вещные и личные, в виду того, что подобное деление выдвинуто римским правом в интересах собственности. Для XVIII в. деление по римскому образцу может быть принято, что же касается XVII стол., когда не проводилось строгой разницы между владением и собственностью, оно не нужно и представляет пример схоластики. Как и в иных странах, сервитуты в Старой Украине могут быть делимы на группы по происхождению. Их источник различен. Для XVIII в. сервитут рождался по закону

¹⁾ Гамбаров, Вещ. пр., ч. особ., 10.

и договору, главным образом, для XVII же стол., известны и иные источники: давность, завещание, occupatio. Последние два имели тогда большее в сравнении с иными источниками значение. Происхождение собственности было трудовое; occupatio при сервитутах была такого же рода. Тут также требовалась «праца власная». Она-то и придавала устойчивость давности и occupatio. Впрочем, XVIII в. не так сильно считался с трудовым началом и исходил, главным образом, из ценности документальных данных¹⁾, правда, не во всех случаях²⁾). Практика же в таком направлении резко обнаруживается разве в конце XVIII стол.³⁾. Сервитут, так сказать, апроприировался владельцами недвижимости, и апроприация совершалась при помощи особой сделки. Облагался сервитут иногда известной небольшой «данью» по распоряжению помещика. Незначительность «даней» не вызывала споров и с течением времени обращалась в чиншевую плату. О таких обложениях известно из данных XVIII в.: за бортные и озерные сервитуты уплачивалось собственникам лесов и озер. Делалось это, несмотря на логическую несообразность, открыто, на глазах урядов и с их стороны не встречало противодействия⁴⁾. К сказанному следует добавить подмеченный некоторыми экономистами факт, что, если крестьянская или казачья масса имела сервитуты в помещичьих угодьях, то и наоборот — помещик имел сервитут в крестьянских угодьях, напр., в сеножатях, целине и пр.⁵⁾.

К повинностям за пользование в помещичьих землях сервитутами следует относить так называемую толоку. Толокою именовалась земля, отдыхавшая под паром и шедшая на спаш⁶⁾; в ней землевладельцы, однако, не переставали иметь реальные права⁷⁾. Но под именем толоки известно было и иное явление, род супруги, ведшей работы в пользу помещика не отдельными хозяйствами, а целым селом, каковое пользовалось в целом же сервитутами в панских землях. Козенко, писатель по вопросам сельского хозяйства, отмечает, что толока проводилась обычно в праздничные дни⁸⁾. Не трудно в данном явлении видеть и черты договора,

¹⁾ Права, гл. XVII, арт. 17, § 1.

²⁾ Стат. ежегод. Полт. зем., XVII, 195.

³⁾ Андриевский, Ист. мат., V, 171; Филимонов, Рум. Ген.

Оп., 23.

⁴⁾ Диар., 29.

⁵⁾ Посников, Общ. земл., II, 104.

⁶⁾ Стороженки, IV, 10.

⁷⁾ Мот. Арх., № 44.

⁸⁾ Сел. Хоз., I, 324.

так как помещик при толоке обязывался ставить принимавшим участие рабочим соответствующий могорич. Так было в украинской практике XVIII стол. Расценивать толоку, как пережиток польского серважа, конечно, тоже возможно, но таким путем определялся бы, может быть, разве источник. В по-революционной же Украине старые формы были приноровлены к новым условиям,—в них влило иное содержание.

Различались сервитуты лесные, бортные, луговые ¹⁾ и пр. Далее, они делились на городские, казачьи и монастырские. В них имели права иногда и случайно находившиеся в Украине лица. К таковым относились, напр., московские ратные люди, которым разрешался сервитут в принадлежавших Киеву лесах ²⁾. Впрочем, сервитут в киевских лесах зато ограничивался для управомоченных определенными размерами: его имели не на всем протяжении лесов, но только на 25 вер. от начальной линии вглубь ³⁾. В некоторых случаях власти принимали живое участие в открытии тех или иных сервитутов. Так, для них, как представителей интересов всей округи, важны были, напр., мельничные постройки, ибо в зависимости от их постройки находилось пользование луговыми сервитутами. Сервитут, таким образом, являлся дополнительным правом к праву собственности. Он устраивался и в интересах лица и в интересах его хозяйства. Такова была и старая, до 1648 г., практика. Привилей 1625 г., данный черниговским казакам, предоставлял в их распоряжение не только землю (они получали ее вместо жалованья по 4 волоки на коня), но признавал за ними и право въездов в леса для рубки дров, каковое право вместе с землей считалось потомственным ⁴⁾. Однако и до- и по-революционный сервитут не имел устойчивости. Его могли признать, но могли и не признавать. В 1692 г. киевский полк. Солонина запретил, напр., сервитут в лесах ⁵⁾. В XVIII стол. воспрещение сервитутов уже не представлялось редкостью, особенно ради интересов крупных хозяйств. Универсалом 1703 г., напр., Мазепа запретил вертиевцам сервитут во владениях Полуботка: «дабы никто не важился в тіе его грунта втручатись и пустошеньемъ оних, а барзѣй рубаньемъ домовихъ надубковъ и дровъ найменшой чинити шкоди и убитков» ⁶⁾. Тот же гетман раньше запретил войсковому населению пользоваться сервиту-

¹⁾ Л. З. А. К., XIII, 74.

²⁾ Сб. Р. И. О., XCIII, 490.

³⁾ *Ib.*, CVII, 190.

⁴⁾ Бага лей, Нов. ист., 53.

⁵⁾ А. З. Р., V, 251.

⁶⁾ Чт. М. О. И. и Др., 1862, III, 96.

том в лесах мгарского монастыря ¹⁾. Но у Мазепы в отношении сервитутного права все же не наблюдалось определенной программы. Иногда он готов был, как будто, признавать их, в иных случаях—и это было чаще—приказывал вместо сервитутного пользования перейти к разделу имущества на реальные части. Так, в 1708 года Сороковцы жаловались на воспреещение им сервитута старостой — и Мазепа, чтобы положить конец распрям, повелел лес разделить ²⁾. Д. Апостол стоял на компромиссной точке зрения — соглашения заинтересованных в сервитуте и собственников лесов ³⁾.

Остается еще сказать несколько слов о частном домене в Украине. Государственная власть имела на Украине ряд имущества в виде недвижимостей разного рода: лесов, мельниц, земель и пр. Культивировать их государственная власть не могла. Для этого у украинского уряда не было никаких средств. По справедливому замечанию Бертелими, только индивидуальная собственность могла принять на себя исполнение такой задачи ⁴⁾, как в конце XVIII в. наблюдалось и во Франции. В Украине правительство рано поняло невозможность непосредственного хозяйственного управления и эксплуатации частных домов и стало их отчуждать. Такие отчуждения совершаемы были при Сомке, который приобрел у государства панские земли и несколько водяных млинов ⁵⁾. Частный домен, в котором государство выступало в качестве субъекта гражданского права и в качестве такового совершало всевозможные сделки со своим имуществом, образовался прежде всего из земель, оставшихся после изгнания польских помещиков. Государственная власть, не имевшая денежных фондов, стала отчуждать из запаса «добр», перешедших в ее руки, своим представителям в виде земель ранговых, т. е. связанных с несением должности, и в виде надданий, переходивших по наследству земель. При наличности денежных фондов в таких отчуждениях не было нужды. Вероятно, такого рода мысль имел в виду и В. Модзалевский, когда говорил о переходе всех панских земель в руки народа ⁶⁾. Земли эти имели характер тоже заимок, ибо они, за исключением ранговых, отошли и в частное владение как обыкновенных, так и

¹⁾ Л. З. А. К., XVII, 48.

²⁾ Зап. Н. Т-ва ім. Шевч., СХІІ, 123

³⁾ Діар., 10.

⁴⁾ Berthélemy, Traité, 493.

⁵⁾ Лазаревский, Оч., V, 95.

⁶⁾ Модзалевский, Оч. по ист. сот., 7.

высших урядов, что сказывалось на их титуле ¹⁾. В частности, гетманские земли имели на себе двойной отпечаток — приватной и публичной собственности. Гетманские земли, с одной стороны, являлись ранговыми, но с другой — они были частными землями, управлялись же в качестве частного домена особою администрацией в лице «надзирателей добр панских» или «панских господарей» ²⁾, каковые являлись уполномоченными власти по совершению всякого рода сделок с названными добрами и фактическими экономами их, дававшими наряды, ведавшими хозяйство и направлявшими его. Публичный характер таких имуществ обнаруживался в том, что сделки совершались от имени государственной власти. Таково было, напр., перенесение Скоропадским на Толстого Городищенского староства ³⁾. На раздачу земель в смысле натурализованного жалованья обратила внимание уже А. Ефименко ⁴⁾. Ошибка Ефименко состояла в том, что она придавала значение не столько факту раздачи земель, сколько сделала ударение на труде населения в пользу помещиков. Между тем раздача «земельных добр» не всегда предполагает и повинности населения; она в своей сути есть бенефиций, и в качестве такового получение земель известно и в Европе ⁵⁾ и страдавшей хроническим безденежьем Речи Посполитой. В Стародубовщине, напр., землю в 1620 г. награждали вместо денежного жалованья не только урядники, но и простые члены казачьих хоругвей ⁶⁾. Человеческий труд понимался в виде особого рода повинностей, ибо освободившийся от панской неволи народ обязан был повинностями, главным образом, в пользу власти, а не отдельных помещиков. Повинности шли на уряд, а не в пользу лица; что же касается размеров их, то они были «обычными». В XVIII в. иное дело. Земли стали раздаваться уже помещикам, а не урядникам, той же участи подверглись дворы и свободные города ⁷⁾. Широкое начало раздач относится к гетманству Скоропадского I, когда приходилось раздавать земли, дворы и людей направо и налево любимцам императора Петра ⁸⁾, так что преемникам «гетмана-плахты», как будто, ничего уж для раздачи не остава-

¹⁾ Лазаревский, *Оп. Ст. Мал.*, III, 349.

²⁾ *Ib.*, I, 22.

³⁾ *Ib.*, II, 177.

⁴⁾ Ефименко, *Юж. Р.*, I, 154.

⁵⁾ Viollet, *Prec. de l'hist. de dr. fr.*, 540.

⁶⁾ Лазаревский, *Оп. Ст. Мал.*, I, 2

⁷⁾ Васильчиков, *Сем. Разум.*, I, 155.

⁸⁾ Филарет, *Оп. Черн. Еп.*, IV, 146.

лось ¹⁾. Частные надданыя не предполагали службы, но шли за «по-
слуги, которіе доброй заплаты ожидаютъ», «на выживлене», «ку
вспартю» ²⁾, ради малолетства ³⁾, по родству ⁴⁾, «за страданье» ⁵⁾, в
виду возможных способностей одаряемого ⁶⁾, «з ласки» ⁷⁾, за «при-
хильность и зичливость щире Войску Запорожскому» ⁸⁾ и т. п. Дру-
гим источником частного домена являлось выморочное имущество
или «одумерщина» ⁹⁾, каковое также переходить могло в качестве
частной недвижимости. Такой же характер имели и фундації-лега-
ты в пользу различных учреждений—на церковь ¹⁰⁾, школы, шпита-
ли и пр. На местах, в сотнях и городах, частный домен вскрывался,
главным образом, при признании сотен, сел и городов собственни-
ками таковых доменов. В качестве собственника село или город
могли давать свое согласие на занятие определенной территории от-
дельным лицом, отчуждать известные участки, облагать их, обмени-
вать и т. д. Там мог быть, конечно, и публичный, не отчуждаемый
домен ¹¹⁾, которым могла распоряжаться местная власть только при
наличии известных условий. Но он не исключал частного. Город или
село приобретали недвижимости при помощи покупки, как о том
сообщают «первые пирятинские книги». Город продавал участки
земли в своих пределах и сдавал их под устройство разного рода
лавок и предприятий; такое же право принадлежало и различным
городским корпорациям ¹²⁾. Город и село имели свои пастбища ¹³⁾
и т. д. Те же права имело и село, разрешавшее постройки на известных
местах в своих пределах и допускаявшее организацию тех или иных

¹⁾ Зап. Н. Т-ва ім. Ш—ка, LXIX, 79. По данным т. н. офицерской ревизии по смерти Скоропадского насчитывалось 44691 дв.; «из одного числа по 1750 г. роздано не больше 3000 дв., гр. Разумовский и 4000 дв. государевых не застал» (Куліш., Зап. о Ю. Р., II, 179). Стало быть, не только виноват был И. Скоропадский.

²⁾ Лазаревский, ор. с., I, 19, 20, 28.

³⁾ Ib., II, 495.

⁴⁾ Ib., III, 188, 337.

⁵⁾ Филарет, ор. с., VII, 237.

⁶⁾ Лазаревский, ор. с., II, 442.

⁷⁾ Лазаревский, Оч., V, 98.

⁸⁾ Об. Рум. Оп., 21, 49; Филарет, V, 143.

⁹⁾ Стороженко, Мест. Борисп., № 43.

¹⁰⁾ Ib., № 62.

¹¹⁾ Ген. сл. Неж. п., 113, 114.

¹²⁾ Ханенко, Погар., 26.

¹³⁾ Права, гл. XXIX, арт. 3, § 1.

предприятий ¹⁾. Иногда в таких случаях приходилось предварительно войти в соглашение с помещиком (если бы он наложил на частный домен свою крепкую руку), чтобы не поступиться большим ²⁾ и пр. Отсюда же брали свое происхождение и городские сервитуты ³⁾, рассматривавшиеся как заимка не только пустошей и никому не принадлежавших имуществ, но и апроприированных имуществ ⁴⁾. Отсюда же объясняются поселения в городах и селах «на общественных выпусках», «общественных казачьих землях», просто на «общественных землях», «общем поле» или «общей земле», «обще-обывательских выпусках» ⁵⁾ и т. д. В отличие от публичного домена частный представлялся только в пользу жителей данной округи. Едва ли не единственным исключением было предоставление пастбищ у дорог в пользование всех проходящих. В XVIII стол., после широкой мобилизации земли, указанный сервитут помещики отменили и сделали его своею доходною статьей, сдавая поля на спаш гуртовщикам ⁶⁾. Доступный только жителям и притом постоянно живущим в пределах данной округи, имеющим там свой домицилий, частный домен расценивался только с точки зрения местных интересов, поэтому представлялось возможным внедрение в замкнутые группы населения, как казачество или город, сторонних элементов ⁷⁾ лишь с согласия «общества».

Итак, рядом с индивидуальной собственностью в Украине XVII—XVIII ст. существует и собственность коллективная в виде ассоциационной и сервитутной. И та и другая определяются трудовым началом. В основе обеих лежала *occupatio*, модифицировавшаяся в ту или иную сторону. Но эффект достигался в сущности один и тот же: «*iisque qui occupaverint possidendi ac fruendi hereditate suo relinquendi id jus datur*» ⁸⁾. Где *occupatio* шла интенсивно, там признано было правособственности, где того не наблюдалось, *occupatio*, как источник права собственности, оттиралась иными правами, и в таких случаях на первый план выдвигались моменты коллективизма ⁹⁾, но не так называемого общинного. Характерной особенностью для всей жизни Украины XVII—

¹⁾ Максимович, Собр. соч., I, 759.

²⁾ Зап. Н. Т. — ва, XVII, 84.

³⁾ Андриевский, Ист. мат., IX, 40—41.

⁴⁾ Ковалевский, Совр. об., I, 133.

⁵⁾ Луцицкий, Мат., I т., 4, 5.

⁶⁾ Модзалевский, Ген. судья Ив. Чарныш., 101.

⁷⁾ А. Ю. и З. Р., XIII, 699.

⁸⁾ Nouv. revue hist., 1907, I, 19.

⁹⁾ Зап. Черн. Г. Ст. К., 1871, II, в. 1—2, 60.

XVIII в., а, значит, и для отношений, связанных с землевладением, являлось договорное начало. Гирке и Лоренц Ф. Штейн считали характерною чертою немецкого народа способность к корпоративной жизни и свободной ассоциации, в коей сливались универсальное и индивидуальное начала¹⁾. То, что немецкие ученые считали присущим только немецкому народу, наблюдается и в Старой Украине, которая не стояла изолированно и не представляла самодовлеющего замкнутого хозяйственного организма, но входила в качестве одного из составных звеньев в европейский экономический концерт. Географические условия оказали свое влияние на экономическую структуру Гетманщины, — в ней больше проявлялось индивидуальное, а не универсальное начало, точно так же, как в Московском государстве преобладание получило начало универсальное над индивидуальным. Но тип хозяйства, по крайней мере, для той эпохи, был единый тип всей Европы, ибо корни его были в большей или меньшей степени тоже одинаковы. Сказанным не устраняется характерность права того или другого народа и национальные истории. В них присутствуют те же черты, как в истории и праве других народов, но не так выраженные. Совокупность таких черт может быть всегда сведена к кратким формулам, выражающим основной тон права и хозяйства данного государства. Право Московского государства XVII—XVIII ст., напр., может быть сведено к институту пожалования, Германии — к *Gesamtheit*, Англии — к публичному, в Украине — к частно-правовому договору и пр. Такое понимание вещей освобождает нас и от увлечений исторической школы, и от исторического понимания школы Гегеля, и от учения Аренса, Гумпловица и др., занимавшихся проблемною национального права и выяснением сущности национальных историй.

¹⁾ Gierke, Deut. Genos., I, 5, 616, 639.

ГЛАВА V.

Преобладание в украинском хозяйстве индивидуальных и договорных начал было чревато крупными последствиями. Ими именно объясняется та быстрая мобилизация земли и экспроприация населения, которая в течение каких-нибудь полутора-двух лет привела свободный народ к крепостному праву. Индивидуально-договорный порядок республики облегчал движение земли, переход ее от мелких собственников к крупным, к созданию в Украине латифундий и уничтожению мелкой индивидуальной собственности, подготавливал почву к победному шествию капитализма. Условий такого порядка вещей было несколько. Одни можно считать строго местными — таковы рост населения или эпидемии, другие внешними — таковы переход к денежному хозяйству, стоявший в тесной связи с меркантильно-военною политикою империи, вынужденной стать на такой путь в виду подобного же состояния Европы.

Для разрешения вопроса о движении населения в распоряжении исследователя имеется не много данных, однако и на основании их можно до известной степени обрисовать картину населения Старой Украины. В частности, очень немногочисленны цифры в период до-революционный. Тут едва по нескольким городам есть данные, свидетельствующие о сильном развитии численности населения. В Лубнах в 1628 г. насчитывалось населения 166 домов, в Лохвице — 6, в Варве — 10, а чрез 20 лет в Лубнах население представлено уже 2646 госп., в Лохвице — 3325, в Варве — 2037. Возрастание населения объяснялось не только наплывом населения совне, но в значительной доле падало и на естественный прирост. По свидетельству Павла Алеппского, в каждой украинской семье насчитывалось по 10 душ детей¹⁾. Революция заставила многих сойти в другие страны, как в пределы Москвы, Крыма и Турции; часть населения вымерла во время непрерывных войн и набегов татар, а также от эпидемий. Население естественно весьма уменьшилось в числе. Московские пред-

¹⁾ Пут. Мак., II, 30.

ставители в Украине, хотя и бывавшие там недолгое время¹⁾, обратили внимание на уменьшение населения городов. Посему совершенно непонятно и необосновано старое, донныне разделяемое многими мнение о том, что казацкие восстания способствовали росту городского населения²⁾. Наоборот—из 23 местечек Киевского воеводства в 1650 г. совершенно опустошено было 4%, из 152 сел—почти 10%, так что каждый город в среднем не имел даже 50, а село—12 дворов населения; таким образом, город состоял из 240, а села—из 57,5 душ³⁾. И такое уменьшение тянулось долгие годы. В 1713 г. в Могилеве на Днестре всего населения считалось 162 чел., в Фастове, по донесению шляхт. Бржишевского, в 1714 г. осталось только 8 чел.⁴⁾. Безлюдье вело к тому, что власти старались всячески удержать население и, по возможности, затруднить его выезд предъявлением всякого рода полицейских требований⁵⁾. Благодаря последним, возможно было легче осуществлять и финансовые предначертания, для чего велись особые переписные книги⁶⁾, и проводить систему обязательных повинностей при помощи атаманов так называемого дворового числа⁷⁾. Население стало несколько расти с момента успокоения Украины и, чем дальше, тем сильнее, так что, по скоропалительному заявлению Милюкова, догоняет и даже перегоняет (?) «центр по плотности своего населения»⁸⁾. Взгляд такой не верен,—громادного роста не было. Насколько быстро протекал рост населения, можно проследить по отдельным группам населения. Первое место среди них занимали казаки. По реестрам и компутам Войска Запорожского, их считалось:

В полках:	в 1649 г.	в 1650 г.	в 1723 г.	в 1724 г.	в 1729 г.	в 1764 г.
Брацлавском	2662	2802	—	—	—	—
Белоцерковском	3035	—	Лубен. 6655	11612	12685	143671
Каневском	2957	3120	Гадяц. 5804	7701	6409	83822
Кальницком	1976	2046	—	—	—	—
Киевском	1792	2080	2926	2530	3232	53576
Кропивенском	2010	2053	—	—	—	—

¹⁾ О п. А. Ю., XIII, 98.

²⁾ Берлинский, Кр. оп. Киева, 19.

³⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. 3, т. IV, 46 пен.

⁴⁾ Ив., т. II, № 292, 295.

⁵⁾ Зап. Ю. Ю ля, 342.

⁶⁾ Беляев, О круг. пор., 81.

⁷⁾ Голиков, Деяния Петра Вел., XIII, 505.

⁸⁾ Милюков, Оч. по ист. рус. кул., I, 34.

В полках	в 1649 г.	в 1650 г.	в 1723 г.	в 1724 г.	в 1729 г.	в 1764 г.
Корсунском	3333	3472	—	—	—	—
Миргородском	2630	3158	4840	4517*)	4777	65221
Нежинском	991	9083	9945	12819	10482	51798
Переяславском	2851	2150	6700	8671*)	9373	78444
Полтавском	2441	2783	5134	5559*)	6620	—
		Остерском				Нежин.
Прилуцком	2106	1958	2702	4048	4048	144233
Уманском	2949	3830	—	—	—	—
Черкасском	2808	2989	—	—	—	—
Черниговском	1007	9096	6406	6388*)	5863	95234
			Стародуб.	Стар.	Стар.	
Чигиринском	3291 ¹⁾	3189 ²⁾	4123 ³⁾	8715 ⁴⁾	6198 ⁵⁾	60144 ⁶⁾

Таким образом, казачество, наиболее обеспеченная группа населения, медленно, но неустанно увеличивалось к XIX стол. Цифра населения увеличилась в среднем около $1\frac{1}{2}$ раза ⁷⁾. Обращаясь к городам, получим следующие цифровые данные по Киеву: в 1685 г. — 2625 дворов, в 1727 г. там считалось 1914 дворов, в 1731 г. — 1726 дворов, в 1748 г. — 2525 дв., в 1763 г. — 6485 дв., в 1796 г. — 2525 дв. ⁸⁾. В конце гетманского периода численность дворов достигала своего maximum'a. Число дворов в прочих городах исчислялось в:

	в 1654 г.	в 1767 г.	в 1804 г.
Миргороде	817	147	—
Лубнах	491	—	1197
Лохвице	523	163	4457
Каневе	2573 душ.	—	—
Корсуни	107	—	—
Кролевец	681	—	6360 душ
Глухове	829	—	1000
Стародубе	538	627	—
Батурине	1391	420	—

*) В приведенное число вошли и казачьи подсосудки.

¹⁾ Чт. М. О. И. и Др., 1874, кн. 2—3. У Грабянки и иные цифры—см. Лет., 94.

²⁾ Маркевич, Ист. Мал., V, 105—106.

³⁾ Бантыш-Каменский, Ист. Мал. Рос., 589—590.

⁴⁾ Кириллов, Цвет. сост., I, 142.

⁵⁾ Голиков, ор. с., XIII, 499, 501, 502, 503, 504, 495, 496, 497, 498.

⁶⁾ Тр. Полт. Арх. Ком., IX, 61—63.

⁷⁾ Ib., XIII, 84.

⁸⁾ К. Ст., 1884, II, 353.

	в 1654 г.	в 1767 г.	в 1804 г.
Полтаве	1333	600	—
Гадяче	1150	600 ¹⁾	800 ²⁾
Зинькове	908 ³⁾	370 ⁴⁾	—

В отношении городов, положение коих было весьма тяжелое, стало быть, наблюдаются колебания. Во всяком случае, роста не замечается, что находит объяснение в появлении новых торгово-промышленных пунктов; те 167 городов, с которыми Украина вступала в вассальную зависимость к Московскому государству ⁵⁾, отчасти уничтожены были, как Батурин, отчасти должны были уступить свое место выраставшим и не окрепнувшим новым пунктам или расцветавшим старым—сюда относятся поднявшиеся, или, вернее, оправившиеся, к началу XIX стол. Кобыляки, Козелец, Девица, Жовнин, Любеч, Конотоп, Константинов и др. Однако они, в свою очередь, не отличались сильным приростом населения. Так, в крупнейших из вновь поднявшихся городских пунктов населения в 1804 г. считалось в Голтве—7419 душ, в Градижске—5985 д., в Городне—9897 д., в Комышанке—6020 д. ⁶⁾ и т. д. Только в одном Константинограде население превышало 10.000 чел., в остальных же, как в Полтавщине, так и Черниговщине, оно было ниже ⁷⁾. Если остановиться на общем движении населения, по всем его разрядам, то генеральная картина, по существу, не меняется. В 1724 г. считалось в полках:

	Луб.	Гад.	Миргор.	Полт.	Неж:
казаков	11612	7701	4517	5559	12819
казачьих вдов . . .	991	929	466	452	677
посполитых	12899	5868	10566	10734	16947
поспол. вдов	1117	864	—	1056	—
дух. сословия . . .	436	305	112	319	412
подсуседков	1283	555	58	52	— ⁸⁾

Сравнивая численность главных разрядов — казачества и крестьянства за разные периоды, получим для 1725 г. для казачества

¹⁾ Ср. Максимович, Собр. соч., I, 397.

²⁾ Щекатов, Слов., III, 889, 1197; II, 6, 46—47 и др.

³⁾ А. Ю. и З. Р., X, переписн. книги.

⁴⁾ Максимович, Выборы в Ком. 1767 г., 12—13.

⁵⁾ Берх, Царств. Ал. Мих., 84.

⁶⁾ Щекатов, ор. с., II, 55, 71, 75; III, 283.

⁷⁾ Ib., III, 723.

⁸⁾ Кириллов, Цвет. сост., I, 137, 138, 139, 141. О данных т. н. офицерской ревизии см. Максимович, I, 549.

около 565.356 д. обоего пола¹⁾ против вдвое большего крестьянского числа их; в 1732 г. казачьих дворов 78.053 против 112.615 крестьянских дворов + 12.962 подсосудских²⁾; в 1746 г. казачьих хат насчитывалось 72.585 для выборных и 91.403 для подпомощников³⁾—число крестьянских хат в это время неизвестно; по свидетельству Теплова, общее число дворов в Украине было в 1751 г.—152.157, в 1753 г.—202.146, в 1756 г.—«опять убыло»⁴⁾; в 1764 г. казаков считалось 163.988, посполитых же значилось 585.909⁵⁾; в 1777 г. всего казаков считалось 179.128, подсосудков—198.623, посполитых—537.069 и разночинцев—108.012 д.⁶⁾ Итак, перед нами картина роста очень сдержанного. В ней бросается в глаза увеличение числа казачества и отчасти крестьян, несмотря на то, что крестьянская, в частности подсосудская, семья вдвое меньше казачьей⁷⁾. Увеличение числа крестьянской массы шло, с одной стороны, за счет того же казачества, каковое должно было втиснуто быть в рамки компутов и общего реестра, с другой стороны—за счет мало развивавшегося городского населения, что приводит к тому, что разница между селом и городом была незначительной и являлась, по существу, административной: наличность определенной администрации делала данный населенный пункт городом; что же касается других специфических черт, то разве присутствие ярмарок могло отличать украинское село от города? Город, как таковой, в Украине не получил развития, он был подменен суррогатом его—местечком или ярмарковым пунктом. Центром тяжести, стало быть, являлось село и притом не крупных размеров, с сравнительно незначительным населением, что вело к созданию классовой раслойки в не столь заметных чертах и сообщало консерватизм хозяйственным отношениям. Незначительный прирост населения обуславливался значительной смертностью, наблюдавшейся в Гетманщине. Для доказательства воспользуемся несколькими данными, связанными с некоторыми пунктами и составленными по метрическим церковным записям, и поэтому внушающими доверие.

¹⁾ Семенов, Ист. свед., III, 2.

²⁾ Лазаревский, Пспол., 100.

³⁾ Максимович, ор. с., 548—549.

⁴⁾ Кулиш, Зап. о Ю. Р., II, 178, 179.

⁵⁾ Данные ревизии 1764 г. имеются и иного рода: выборных по этим данным считалось 19750 дворов, подпомощников—41201, бездворных хат—10563.

⁶⁾ Маркевич, ор. с., V, 109.

⁷⁾ Червинский, Мат., 79.

В Киеве движение населения выражалось:

В годах	Родившихся	Умерших
1796	525 м. + 538 д.	607 м. + 481 ж.
1797	529 м. + 493 д.	691 м. + 504 ж.
1798	572 м. + 560 д.	953 м. + 723 ж.
1799	790 м. + 733 д.	979 м. + 734 ж.
1800	723 м. + 686 д.	926 м. + 829 ж. ¹⁾

Зарегистрировано:

	В 1749 г.		В 1771 г.	
	Род.	Умерш.	Род.	Умерш.
В Седневе	75	69	86	88
» Седневском пов.	627	582	793	748
» Симеоновке	133	171	215	220
» Симеон. пов.	1086	1172	1655	1131
» Почепе	1305	1272	1677	1236 ²⁾

Т. о., к концу XVIII ст. заметно даже превышение числа смертей над рождениями. Незначительный прирост населения сказывался и на росте силы населения в смысле удержания им своих политических и правовых позиций, и на системе обложения, и на развитии торговли и промышленности, и на системе хозяйства. Последнее не могло быть, по крайней мере, в городах, поставлено на надлежащую высоту, а выдвигавшиеся временем потребности не могли быть вполне удовлетворены. Насколько города бывали беспомощны, показывает факт растерянности киевского городского самоуправления в 1787 г. В том году имп. Екатерина II совершала чрез Украину в «Запорожские Вольности» и Крым путешествие. В связи с ее остановкою в Киеве там стал заметен наплыв населения. Пред магистратом возникла задача о прокормлении города. Городское самоуправление должно было закупить 5000 чт. хлеба. Хлебный магазин приступил было к закупке хлеба, но так как цены на рожь стояли сравнительно высокие (в сентябре 1786 г.—2 руб. чт., в ноябре—2 р. 10 к.—2 р. 20 к., в декабре даже 2 р. 70 к.), то закупка затормозилась. Когда же все-таки решено было пред расходами не останавливаться, то возникло новое препятствие—во всем Киеве и его округе представлялось возможным приобрести только 225 чт. ржи, каковую посему пришлось выписать из пределов Польши³⁾). При нормальных условиях не для кого было бы засеять поля и доставлять хлеб. В аналогичных условиях были, само собою разумеется, и другие, не столь заметные города; для ихнего населения не было нужды в крупных запасах, потому что и

¹⁾ Берлинский, оп. с., 128.

²⁾ Филарет, Оп. Черн. еп., I, 118—119.

³⁾ К. Ст., 1889, VII, 54.

самое население было сравнительно незначительным, и занятия его были сельского типа и направлены преимущественно на самоудовлетворение, а не для рынка. Незначительное увеличение населения, далее, объяснялось рядом тяжелых несчастий, которые начались еще до Хмельщины. В 1645 и 1646 гг. хлеб был съеден саранчою, в 1649 и 1650 гг. последовал колоссальный неурожай и свирепствовал голод, в 1651 и 1652 гг. множество населения было унесено чумою, в 1656 г. случилась засуха, в 1660 г. последовал голод, в 1662 г. вновь был голод, в 1663 г. — чума, в 1680 г. — засуха, в 1682 г. — чума, в 1685 г. — саранча, в 1689 г. — вновь саранча, в 1690 г. еще раз появилась саранча, и на хлеб были установлены такие цены, что в народной памяти год сохранился под именем дорогого, в 1693 г. — скотская чума, в 1695 г. хлеб уничтожен морозами, в 1697 г. был неурожай, в 1699 г. вновь свирепствовала чума, в 1700 г. был голод, в 1701 г. — снова чума, в 1710—1711 гг. — вновь чума, в 1718, 1719 и 1738 гг. — чума, в 1745 и 1746 гг. — саранча, в 1747 — эпидемия на скот, в 1748 г. — чума, в 1749 г. — саранча, в 1770 — г. чума. Перечисленные несчастия усугубляются бесконечными набегами татар, из которых самые значительные были в 1649—52 гг., в 1696, 1698, 1713 — 16 гг. Татарские набеги и эпидемии уносили множество населения. Так, во время мора, в 1711 г., зарегистрировано было 11.830 трупов, в 1738 г. — 6.610, чума 1770 г. из 20.000 населения в одном из украинских городов унесла 18.082 чел.¹⁾ При таких условиях понятно медленное возрастание населения, бросавшего скученные пункты, и запустение городов и сел. Летописец под 1664 г. пишет о Суботове: «Суботовъ былъ пустъ, а псовъ съ Чигирина, зъ Суботова и зъ иншихъ пустыхъ мѣсть украинскихъ великое мнозство было, которые, чередами ходячи, не только мертвыхъ трупы ѣли, але и живымъ людемъ шкодили»²⁾. Означенные обстоятельства объясняют в некоторых местах значительное уменьшение дворов. В Черниговском полку, напр., насчитывалось дворов:

	До 1729 г.	В 1729 г.
В с. Скоренец	3	2
» Слободка	6	4
» Яковец	11	4
» Колчево	15	8
» Горчова	5	3
» Белоусово	4	3
» Хмельнице	25	7
» Козел	6	4

¹⁾ К. Ст., VIII, 611.

²⁾ Черниг. Лет., 84.

В частных владениях замечалось такое же явление. Отсюда получили свое начало бесконечные переходы украинского населения, устремлявшегося то в ту, то в другую сторону, бросавшего свои хозяйства, достававшиеся новым займанщанам, обезземелевавшего и вынужденного искать по возвращении в родные места и во время блужданий возможности стать подсосудом или наймитом. Внешние причины, таким образом, нужно рассматривать как первоначальный источник обезземеления.

Дальнейшей причиной, задерживавшей рост населения, служили бесконечные натуральные повинности, павшие на украинский народ в связи с движением России к морям. Империя не только выдвигалась к Понту Эвксинскому и Балтике, но должна была вооруженною рукою защищать их и закрепляться на рубежах, чтобы не быть отброшенной к своим этнографическим границам. Необходимость пробиться к морям и рынкам делала Россию империалистской страной, а так как Украина стояла на пути к морю, то и в отношении Украины держались политики, обращавшей украинскую республику в российскую провинцию. Украинское население посему вынуждалось к все новым жертвам и средствами и людьми. Население республики перебрасывалось, и, как реакция этому, появлялись новые переходы украинцев с одних мест в другие. Поставка населения для удовлетворения имперских потреб была значительна. В 1659 г. приказано было казаков ставить в Киеве на постой по магистратовым дворам, «а мѣщане и всякіе жилецкіе люди вывезлись съ женами и зъ дѣтьми и со всѣми животы из домовъ своихъ в струги и въ байдаки на Днѣпръ»¹⁾. Мазепа, принужденный стать на сторону Карла XII²⁾, привел Украину к новой убыли в населении. После же него имперское правительство стало забирать многими тысячами украинское население ради обслуживания своих нужд. В 1715 г. на ладожские работы взято было 10.000 казаков, в 1721 г.—туда же столько же, тогда же на сулакские работы 10.000, в 1723 г. на Сулак снова 10.000 и на Коломак 12.000, в 1724 г. снова на Сулак 10.000 чел., в 1725 г. на Гилянъ 25.000³⁾, в 1731 на работы на Берестовской линии 20.000 казаков и 10.000 крестьян, в 1732 г. такое же количество населения на орельские работы, к ним в том же году прибавлено еще 10.000 каз. и 10.000 крестьян⁴⁾, в 1733 г. вновь взято на те же работы

¹⁾ А. Ю. и З. Р., XV, 252.

²⁾ Слабченко, Малор. п., 29.

³⁾ Сб. лет., 52, 55, 56, 57.

⁴⁾ Самовидец, Лет., 104, 105.

по 10.000 казаков и селян¹⁾, в 1736 г. на новые работы взято 5.400 чел.²⁾, в 1737 г. «110.000 посполитых в погонщики провянта другихъ на линію выправлено съ ихъ же скотомъ и особенно 30 тыс. для провоженія судовъ разныхъ»³⁾; в 1753 г. для устройства линии между Самарою и Бахмутом сенатом повелено было поставлять из Украины по 13.000 пеших, 1.310 плотников и 88 кузнецов и мобилизовать вчетверо больше на случай убыли в людях⁴⁾; в войну 1770 г. взято было 4.500 чел. в погонщики⁵⁾ и т. д. Смута внутри республики, непомерные повинности, неуверенность в хозяйстве вели к тому, что украинский народ блуждал «вечным жидом» по своей земле и даже эмигрировал. Эмиграция в Украине проходила волной. Наиболее высокие размахи ее имели место в 1651, 1652, 1654, 1657—1667, 1681, 1700, 1701, 1700 и 1783 гг. Охотнее всего население шло в Запорожье. Уплыв туда населения иногда бывал так велик, что властям приходилось принимать срочные и решительные меры. Так, Многогришный уходивших к Запорожцам приказывал арестовывать⁶⁾. Московское правительство иногда шло в разрез с мероприятиями украинского для удержания населения на местах, и, наоборот, поддерживало эмиграцию, как то, напр., случилось в 1689 г. при постройке Новобогородицкой крепости⁷⁾. Но и оно в XVIII ст. признало необходимым удержать население на местах, для чего эмигрировавшему населению обещалось прощение вин, свобода возвращения и пр.⁸⁾, а вместе с тем оставшимся, как то имело место в 1737 г., запрещалось переходить границу⁹⁾. Переход крестьянства в пределы великороссийские во всяком случае имперским правительством поощрялся¹⁰⁾. Указ 3 мая 1783 г., опубликованный в Украине, вызвал массовое бегство крестьян в десятках тысяч¹¹⁾. Кочеванье населения приводило к тому, что в некоторых местах наблюдалась увеличенная плотность, что кое-кем принимается за рост населения. Уплотнение шло за счет количества дворов. Доказательством могут служить данные ху-

¹⁾ Сб. Лет. Ю. и З. Р., 61.

²⁾ Сб. Р. И. О., CXIV, 313, 316.

³⁾ Сб. Лет. Ю. и З. Р., 66.

⁴⁾ Сен. Арх., IX, 59.

⁵⁾ Арх. Гос. Сов., I, в. 2, 277.

⁶⁾ Эварницкий, Ист. Зап. коз., II, 424.

⁷⁾ *Ib.*, III, 67.

⁸⁾ Баранов, Сен. Арх., II, 336, 417.

⁹⁾ *Ib.*, II, 452.

¹⁰⁾ *Ib.*, II, 300.

¹¹⁾ Миллер, Арх., 219—225.

торов С. Сулимы, в Переяславском полку. Там в 1761 г. насчитывалось 36 хат и в них 48 семейств, на хут. Глебовой в 14 хатах жило 15 семейств¹⁾; в Любецкой сотне на 1 хату приходилось 1,6 семьи²⁾, в Золотоношском пов. на 1 двор 1,4—4 семьи³⁾. Вместе с сгруживаньем население увеличивало процент убогих и нищетных крестьян и казаков. Во владениях Марковича в 1732 г. насчитывалось

	Можных	Убогих
В с. Сваркове	14	12
» Крисках	9	28
» Сухоносе	10	32 и т. д. ⁴⁾

Такие же цифры имеются и для более позднего времени. В 1752 г. в 1-ой полковой Полтавской сотне в слободке В. Тарновского насчитывалось дв. 1 и в нем 6 хат с 6-ью же семьями, крайне нищ. дворов 1, х. 2, бездворных хат 14 и в них 18 семейств; в слободке свящ. Оранского в 2 бездвор. хатах 6 семейств, в казачьих хуторах— в 9 бездв. хатах 10 сем., у рядовых казаков в 16 крайне-нищетных бездворных хатах ютилось 17 семейств и пр.⁵⁾. Через 20 лет на севере Украины видим такую же, но более резко выраженную картину, именно:

	хат	семейств
В Любече	195	203
» Сенюках	28	31
» Мохначах	9	11
» Рудке	18	23
» Мисах	5	7 и т. д. ⁶⁾

Плотность населения была бы несравненно большей, если бы не разряжалась лихорадочной колонизационной деятельностью украинских помещиков, которые объявляли льготы при заселении вновь осаживаемых селений и тем способствовали отливу (уплотнявшегося населения) на новые места. В силу означенного обстоятельства население рассасывалось более тонким слоем. Преобладающим типом поселений в Украине стало, таким образом, село и притом не столь широких размеров. В Миргородском полку, напр., только одно село Поповка состояло из 475 дв., одно—Хомуец—из 360 дв., 2 имели по 200 дв.,

¹⁾ Мот. Арх., № 54.

²⁾ Юб. Сб. Эт.-Ист. Кр., 89.

³⁾ Зап. Н. Т.—ва ім. Ш-ка, ХСVIII, 184.

⁴⁾ Маркевич, Дн. Зап., II, 226.

⁵⁾ Модзалевский, Мат., I, 5, 6, 7, 8, 9.

⁶⁾ Стороженки, I, 105.

с количеством дворов более 100 насчитывалось 4 поселения, остальные же 24 села имели не более 60 дв., в том числе 10 селений состояли от 10 до 2 дворов¹⁾. Чем меньше было селение, тем легче было мобилизовать его землю и экспроприировать население. Экспроприация населения и земли подготовлялась реквизициями инвентаря, к концу XVIII в. доведшими население и инвентарь до крупной диспропорции. Напр., в 1770 г. насчитывалось:

В Любече	на 513 работн.	193 лош.
» Кропивне	» 17 »	5 »
» Сенюках	» 96 »	33 »
» Мохначах	» 36 »	12 »
» Сидоровцах	» 23 »	8 »
» Лопатнях	» 42 »	15 »
» Радуле	» 76 »	21 »
» Редковке	» 132 »	70 » и т. п. ²⁾

На 2—3 работников, таким образом, приходилось по 1 лошади. При низкой и даже не распространенной огородной культуре, экстенсивном хозяйстве и других обстоятельствах, сельское трудовое население не могло удерживать за собою земли при господстве у помещиков переложного хозяйства и бросало ее, саясь на аренду или обращаясь в наймитов. Безземелье шло в Украине быстрым темпом и обнаружилось довольно рано. Уже в 1690 г. из дер. Милитинцев выходили безземельные. Ища, где оселиться, они уселись на номинально занятых жителями с. Сурмачовки землях. В возникшем по сему поводу процессе выяснилось, что 25 сурмачовцев также оставили свои земли и ушли в Пирятин³⁾. В XVIII в. численность безземельных достигла значительных размеров. К 1767 г. среди полтавских магистратовых крестьян безземельных считалось 43,85%, вовсе не имевших скота 19,24%, без рабочего скота 22,08%; среди полтавских ранговых крестьян безземельных насчитывалось 31,85%, без скота было 1,85%, без раб. скота 20,01%; в полтав. монастырских имениях безземельных было 62,86%, без скота 11,25%, без раб. скота 17,67%; в поместьях крупных землевладельцев было безземельных 38,96%, без скота 9,17%, без раб. скота 14,41%, и у мелких земельных собственников считалось крестьян безземельных 85,57%, без скота 25,13% и без раб. скота 38,04%⁴⁾.

¹⁾ Барвинский, Ген. сл. Миргор. п., 14.

²⁾ Стороженки, I, 106.

³⁾ Ib., VI, 48—60.

⁴⁾ С б. в пользу нед. студ., 164—165, 169—170, 178, 181.

В Золотонош. пов. безземельных было 15%, не имело скота 17,2%¹⁾. В Суражском пов. безземельных 16% казаков и 37,1% посполитых²⁾, без скота считалось 11,4%, без раб. скота 15,2%³⁾. В Кролевец. пов. безземельных было 14,4%, в Любецкой сотне безземельных 16,5%, без скота 6,5%, без раб. скота 10,7%⁴⁾; в Воронковской сотне безземельных — около 50%⁵⁾. Отсюда становится понятным громадное количество подсосудков как у казаков, так и у крестьян. В 1764 г. подсосудков состояло:

В полку	У казаков	У крестьян	В полку	У казаков	У крестьян
Миргород . . .	4625	4625	Киевском . . .	5552	5552
Гадяцком . . .	3828	3888	Нежинск. . .	14553	14553
Лубенском . . .	12105	12105	Черниг. . .	9948	9998
Прилуцком . . .	7124	7124	Стародуб. . .	8446	8346 ⁶⁾
Переяслав. . . .	6346	6946			

Безземелье подготовляло население к крепостному состоянию. Ускорялся процесс обезземеления переходом Украины к денежному хозяйству, вводившемуся во всей империи при Петре I, на что обратили внимание иностранцы—современники означенного перехода⁷⁾ и что признано исследователями тогдашней эпохи⁸⁾. Недостаток в требовавшихся имперскими властями денежных средствах не позволял крестьянской и казачьей массе улучшить своего хозяйства. Вместе с тем частые голодные годы, пронесшиеся вообще в конце XVII ст. и XVIII ст. во всей Европе⁹⁾, подняли ценность денег. Лица, обладавшие денежными фондами, стали скупать земли, ибо высокие цены на хлеб делали выгодным сельское хозяйство. К названному времени относится «земельная лихорадка» в Гетманщине, вызвавшая широкую продажу земель трудовым населением, и рождение латифундий в Украине. С другой стороны, переход к новым видам хозяйства — помещичья и казенного типа фабрика — в свою очередь, обуславливал поднятие цены денег. Запасы, сделанные во время революции в Украине, должны были уплыть, и, действительно, уплыли. Деньги, уменьшив-

¹⁾ Зап. Н. Т.—ва ім. Ш—ка, ХСVIII, 184, 187, 188—189, 191.

²⁾ Червинский, Мат., 89, 96.

³⁾ Филлимонов, Рум. Ген. Оп., 16; Юр. Вест., 1889, XII, 611

⁴⁾ Юб. Сб. Этн. Ист. Кр., 89, 91.

⁵⁾ Тр. Полт. А. К., XII, 140—141.

⁶⁾ Иб., IX, 63.

⁷⁾ Сб. Р. И. О., XLIX, 400.

⁸⁾ Миллюков, Гос. Хоз., 735.

⁹⁾ Патмаевский, Дем. рын., 109.

шись в количестве знаков, стали товаром, их тщательно прятали и зарывали в землю и, значит, поднимали их стоимость. Только немногие обладали крупными средствами, но и они не столько пускали деньги в оборот, сколько держали в виде неприкосновенных капиталов. Гадяцкий полк. Борохович, напр., имел несколько «суденец» денег: в одном хранилось 5.400 черв. зол., в другом — 4 гарнца битых талярей, в 3-ьем — 7 гарнцев «старых серебряных копеек»; сверх того, Борохович имел еще два суденца разной монеты в количестве таком, что «два человека тое судно едва понести могли»¹⁾. Крупным «денежным человеком» начала XVIII стол. являлся П. Полуботок. В 1724 г. Малорос. Коллегия описала у него 24 мешка ефимков и 82½ мешка мелких денег по 200 руб. в каждом²⁾; ефимков же было арестовано у Полуботка на 200.000 руб.³⁾. Очень богатым считался и гр. Разумовский, у коего доходы простирались до 600 тыс. руб. в год⁴⁾. Цена на деньги росла в связи с отсутствием на рынке благородных металлов. Так как в силу этого стали бить медную монету, то цена серебряных и золотых денежных знаков еще больше увеличилась. Кризиса можно было бы избежать при помощи займов, но денежный кризис ощущался в то время и во всей Европе, где Данциг занимался изготовлением фальшивой монеты и перечеканкою стекавшейся отовсюду полнойвесной. Расстроенная финансовая организация осталась в Украине еще со времен польского владычества. Польское правительство пред Хмельнищиною старалось бороться против дороговизны путем установления тарифов и твердого % на товары, а затем перешло к битью низкопробной и медной монеты, признавшись в своем бессилии: «*dat pretium servata salus Rei Publicae potiorque metallo est*»⁵⁾. Финансовые затруднения, испытанные Украиной с первых же шагов ее государственного существования, побуждали украинское правительство приступить к битью монеты. Это и делали и Хмельницкий-Богдан, и Выговский, и Дорошенко, и Самойлович, и, кажется, Мазепа. Но недостаток в металле сдерживал выпуск украинской монеты в достаточном числе, так что уже в XVII в., как можно судить по словам полк. Пушкаря, в украинских правительственных кругах вентилировалась идея о выпуске бумажных денег. Если правительство чувствовало хронический недостаток в деньгах, то о рядовом обитателе Украины

¹⁾ К. Ст., 1889, III, 548—549.

²⁾ Чт. М. О. И. и Др., 1862, III, 29.

³⁾ Карнович, Зам. богат., 270.

⁴⁾ Карнович, оп. с., 280—291, 99, 138, 287.

⁵⁾ Rakowski, Wewn. dz. Polski, III, 390, 395, 396.

XVII—XVIII в., разумеется, нечего и говорить. Недостаток собственной полновесной монеты вызвал к жизни обращение монеты иностранной, при чем получила распространение монета литовская (к польской низкопробной не чувствовали доверия), немецкая и московская, наконец, когда украинский народ стал с 1709 быстро превращаться в негосударственный, все иные денежные знаки были вытеснены монетою российской, что, однако, не устранило из обихода и металлических слитков — «срѣберка шматочков»¹⁾ и даже заведомо фальшивой, хотя и высокопробной монеты — личманов²⁾. В виду того, что ходила иностранная монета, вопреки общепринятому в исторической науке мнению, на монету не устанавливалось твердой цены, она в действительности шла по курсу, несмотря на то, что московские власти держались политики твердого денежного баланса, крайне необходимого Москве в связи с наблюдавшимся и в Москве, как и в остальной Европе, денежным кризисом. Оживленная торговая деятельность Украины, после объявления Хмельницким-Богданом системы открытых дверей, не могла удовлетвориться номинальными ценами денег, а требовала признания принятого на Западе эластичного курса, каковой и наблюдался в Старой Украине, связывавшейся оживленной торговлей с Зап. Европой. Лучше всего проверить это можно на талере. По исследованию проф. Кауфмана, действительная стоимость талера равнялась $58\frac{2}{11}$ коп. (московское правительство сообщало талеру принудительный курс в 64 коп.). На деле в Украине было иначе. Там талер котировался в 1651 г. в 36 коп.³⁾, в 1657 г. — 45 к.⁴⁾, в 1658 г. — 54 к.⁵⁾, в 1663 г. — 60 и 70 к.⁶⁾, в 1687 г. — 50 к.⁷⁾, в 1702 г. — 52 к.⁸⁾, в 1733 г. — 1 р. 10 к. и даже 1 р. 30 к. — 1 р. 40 к.⁹⁾, в 1756 г. — 1 р. 15 к.¹⁰⁾, в 1759 г. — 75 и 60 к.¹¹⁾, в 1775 г. — 1 р. 25 к.¹²⁾. В связи с изменением курса талера на Западе и таким же в Гетманщине украинские купцы и старшина охотно занимались валют-

¹⁾ Стороженки, VI, 181 — 182.

²⁾ Величко, Лет., III, 73.

³⁾ Наше Мин., II, 221.

⁴⁾ Ак. Полт. гор. ур., I, № 105.

⁵⁾ Шульговский, оп. с., 26 — 27.

⁶⁾ *Ib.* 23; А. М. Г., III, 523.

⁷⁾ Наше Мин., II, 221 — 222.

⁸⁾ Стороженки, I, 9.

⁹⁾ Маркевич, Дн. Зап., II, 283, 320; Стороженки, VI, 14 пен.

¹⁰⁾ Сен. Арх., IX, 678.

¹¹⁾ Шульговский, оп. с., 27.

¹²⁾ Сб. Р. И. О., XXVI, 273.

ными спекуляциями и старались производить закупки талеров за границую¹⁾. Подвергались колебаниям и производные от талера единицы, в роде лева, составлявшего $\frac{5}{6}$ стоимости талера²⁾— в 1663 г. он стоил 50 коп.³⁾, в 1701 г.— 45 коп.⁴⁾, в 1735 г.— 30 коп.⁵⁾ и т. д. То же нужно сказать и о дукате⁶⁾. Вообще же немецкая монета, по свидетельству Лубен. полк. Мартоса, ходила по курсу, каковой определялся по весу и отличался неустойчивостью. Малым колебаниям зато подвергались польские деньги в виде злотых, или золотых, расценивавшихся довольно ровно— в 20 коп.⁷⁾. Но червонный золотой не имел устойчивости. Так, в 1712 г. червонный стоил 2 р. 30 к.⁸⁾, в 1713 г.— 2 р. 10 к.⁹⁾, в 1724 г.— 2 р.¹⁰⁾, в 1725 г.— 2 р. 10 к.¹¹⁾, в 1728 г.— 2 р. 20 к.¹²⁾, в 1732 г.— 2 р. 10 к.— 2 р. 14 к.¹³⁾, в 1735 г.— 1 р. 20 коп.¹⁴⁾. Колебались в цене на Украине и московско-русские деньги. Русская золотая копейка в 1654 г. равнялась 30 коп.¹⁵⁾, в 1658 г.— 27 коп.¹⁶⁾; выпущенные в 60-х гг. XVII ст. медные копейки населением не принимались, и для покупок сами же русские старались найти серебряную монету¹⁷⁾. Колебался, затем, и русский ефимок, стоивший сначала 51,5 к.¹⁸⁾, потом 64 к.¹⁹⁾, 87 к., 1 р. 25 к.²⁰⁾,

¹⁾ Маркевич, Дн. Зап., II, 157.

²⁾ Наше Мин., II, 221.

³⁾ А. М. Г., III, 523.

⁴⁾ Тр. XII Арх. Съезда, II, 291.

⁵⁾ *Ib.*, II, 239.

⁶⁾ Наше Мин., II, 223.

⁷⁾ Впрочем, в 1658 г. злотый стоил 18 к. (Шульговский, *op. c.*, 27), в 1677 г.— 25 коп. (Тр. Полт. А. К., XIII, 68). Для начала XVII в., Закревский (Лет. Киева, 27) выводил цену злотого в 6 руб. Ср. Когзон, II, 194, 196. Эварницкий, *Ист. Зап. Коз.*, III, 273; Стороженки, I, 44.

⁸⁾ Модзалевский, *Родосл.*, II, 530.

⁹⁾ Дон. и прот. Прав. Сен., III, 490.

¹⁰⁾ Сб. Р. И. О., LXI, 81.

¹¹⁾ Маркевич, Дн. Зап., II, 530.

¹²⁾ Тр. XII Арх. С., II, 189.

¹³⁾ Модзалевский, *op. c.*, 220.

¹⁴⁾ Эварницкий, *Источ.* II, 1209. О червонных зол. см. Зап. О. О. И. и др., X, 483.

¹⁵⁾ Ригельман, *Лет. пов.*, II, 207.

¹⁶⁾ А. Ю. и Э. Р., XV, 220.

¹⁷⁾ *Ib.*, V, 94.

¹⁸⁾ Брикнер, *Мед. деньги*, 18.

¹⁹⁾ Вест. Арх. Ин., XX, 5, 7.

²⁰⁾ Семенов, III, 350.

1 р. ¹⁾, 90 к.—1 р. 25 к. ²⁾, 1 р. 19¹/₂ к. ³⁾ и, наконец,—1 р. 40 к. ⁴⁾. То же нужно сказать и о тинфе ⁵⁾. Все эти данные с несомненностью свидетельствуют для Украины об изменяющемся курсе денег (и притом не только в Украине, но и в Московском государстве). Изменение это находится в связи не столько с внутренней финансовой политикой Московского государства и стоимостью предметов первой необходимости, как думал проф. Ключевский ⁶⁾, сколько с общим состоянием денежного рынка Европы, испытывавшего в XVII стол. настоящую денежную революцию и в ценах на товары ⁷⁾. Установление в большей или меньшей степени денежного равновесия на европейском рынке повело и в Украине к устойчивой «постоянной» стоимости. Тем не менее Украина тяжело переживала денежный кризис, между прочим, и потому, что связана была российскими денежными конторами в Киеве и Смоленске, запретом вывоза (хотя бы для торговли) серебряных и золотых денег и слитков ⁸⁾; благородные металлы вывозились в Москву, для чего снаряжались особые экспедиции, и в обращении оставалась либо недоброкачественная либо вытертая монета, какой не хотели принимать в Войсковой Скарб ⁹⁾, что снова вело к монетной спекуляции ¹⁰⁾ и ложилось бременем на народные массы Украины, зато давало значительные доходы украинским купцам-банкирам ¹¹⁾. Недостаток денег вел к тому, что некоторые операции совершались без денег. Напр., договор купли-продажи заменялся меною, хотя и сохранял название купли-продажи. В 1665 г. А. Зверка «трое овец купилъ за ручницу у овчаря Хвеська» ¹²⁾; в 1664 г. «продан» дом за написание образов для храма ¹³⁾ и проч. При такой купле-продаже одна из сторон приплачивала только иногда некоторую денежную сумму ¹⁴⁾. Но несмотря на то такие сделки в

¹⁾ Кириллов, Цвет. сост., II, 141.

²⁾ Семенов, III, 350.

³⁾ Сб. Р. И. О., XXVIII, 104.

⁴⁾ Семенов, III, 350.

⁵⁾ Зап. Юля, 25; Сен. Арх., XII, 20, 25; М. В. У. А. Гл. Шт., I, 734.

⁶⁾ Ключевский, Рус. рубль, 6,72; Барсуков, Род. Шерем., V, 213.

⁷⁾ W i e b e, Zur Geschichte. Preisrev. XVI—XVII, 148, 159.

⁸⁾ Баранов, Сен. Арх., I, 28.

⁹⁾ Эварницкий, Ист. зап. каз., III, 249.

¹⁰⁾ Маркевич, Дн. Зап., II, 131.

¹¹⁾ Чт. Нест. Лет., XV, 36.

¹²⁾ Ак. Полт. гор. ур., I, № 36.

¹³⁾ Мест. Борисп., № 104.

¹⁴⁾ Ib., № 91; Ак. Полт. гор. ур., I, № 61; Стороженки, III, 4.

городовых книгах, как то видно на обмене имений Журмана и Сулимы в 50-ых гг. XVIII в., все-таки именуется куплею-продажею¹⁾ и в качестве таковой сообщали выменявшему «власть зуполную вѣчными часы, яко хотѣти владѣти и пожитковати, к наилѣпшему пожиткови своему примножати и приспособлять»; сверх того, происходило обычное отречение прав жены, детей и родственников и т. п., как в актах купли-продажи²⁾. (Маскированная купля-продажа, конечно, не отвергала известного Украине XVII—XVIII ст. настоящего договора мены, игравшего не маловажную роль в деле округления недвижимых разного рода имуществ³⁾). Испытываемый массами недостаток в деньгах вел и к производству займов, обеспечиваемых разным образом, и под проценты. Городские, цеховые, монастырские и полковые капиталы не без охоты раздавались в верные руки. Тем более охотно делали это частные лица. Кочубею, напр., должен был Холодович 2.000 злот., Стерий—3.000 злот., Роменский—1.500 злот., Искра—100 черв. зол.⁴⁾ В 1715 году сотник Вакуленко занял у ратуши—50 зол.⁵⁾ и пр. Проценты взимались не малые. В 1649 г. была заложена Братским монастырем митра митр. Петра Могилы за 3.000 зол., за 20 лет на долг выросло 4.000 зол. процентов, так что за митру следовало уплатить 7.000 зол.⁶⁾ В 1651 г. при займе денег взималось 7%⁷⁾. Нежинские купцы ссужали капитал из 10%, другие лица брали 20%⁸⁾. Суд признавал законными 18%, у купцов же сложилась практика за взимание 24%⁹⁾. В начале XVIII в. не только такие проценты считались тяжелыми, но и меньшие¹⁰⁾. Украинское законодательство (при Апостоле) допускало взимание 11%, в действительности взималось 50%, каковые правилось, несмотря на гетманское запрещение, чрез полковые канцелярии¹¹⁾. Повидимому, в течение дальнейшего времени процент был понижен до 6%, ибо в 1767 г. в своем наказе батуринское шляхетство взятие 6% под заем денег, в виду малого количества денег в Украине, признавало «несходным» и по-

¹⁾ М. л. Арх., № 50.

²⁾ *Иб.*, № 19.

³⁾ Миллер, Арх., 102, 103; Маркевич, *ор. с.*, 379.

⁴⁾ Бантыш-Каменский, *Источ.*, II, 141.

⁵⁾ Сторожженки, VII, 48.

⁶⁾ Эйхгорн, *Оч.*, 682.

⁷⁾ Андриевский, *Ист. мат.*, IX, 80.

⁸⁾ Тр. XII Арх. С., II, 204.

⁹⁾ *Иб.*, 276.

¹⁰⁾ Сб. Р. И. О., LVIII, 261.

¹¹⁾ Слабченко, *Диар. Ген. В. К—рии*, 17.

ручило добиваться поднятия процентов ¹⁾. Позже, кажется, под влиянием практики Польши, взималось по 12^{0/0} годовых ²⁾. Таким образом, в жизни боролись два течения—правительственное, настаивавшее на уменьшении ^{0/0}, и ростовщическое, стоявшее на диаметрально противоположной точке зрения. Впрочем, банкирская контора Ширая и в XVII в. взимала только 6^{0/0}, хотя можно предполагать, что при выдаче ссуд кое-что удерживалось ³⁾. С другой стороны, тогда же при продаже, напр., водки, в кредит надбавлялось до 25^{0/0} ⁴⁾. Прыганье ^{0/0} в Украине при Апостоле объясняется, может быть, его сепаратным запрещением вовсе взимать ^{0/0} с лиц, производивших займы для Сулакского похода ⁵⁾, и таким же распоряжением, данным в пользу обанкротившегося гетманского любимца Вакуловича ⁶⁾. К совершению займов вынуждались силою обстановки и низшие слои общества. Они брали у помещиков и инвентарь и те же деньги, каковые не в состоянии были возвращать, и потому из помещичьей помощи рождался отработок. Необходимость втягиваться в долги объяснялась, между прочим, незначительными запасами хлеба, имевшегося у крестьянства. Петербургское Вольно-Экономическое О-во констатировало означенный факт в 1766 г. Неизвестный автор в «Трудах» писал о скудости хлебных запасов на селе и объяснял ее тем, что крестьяне интересуются, «чтобы хлѣба хватило до новины, почему иногда терпят голодь или напослѣдокъ, оставя старое свое жилище (стремятся) уйти въ тѣ мѣста, кои... благословенны изобильною жатвою. Таковыя по сей нуждѣ и переселения в Малой России къ немалому уменьшению людей и къ ущербу государственному... нерѣдко случались» ⁷⁾. Hüpel в *Nordische Miscellaneen* в 1781 г. писал: «в Украине хлеб, если там не стоят войска, его потребляющие, не ценится ни во что. Крестьянин оставляет его целыми кучами лежать на поле и обмолачивает лишь столько, сколько сам потребляет» ⁸⁾. Само собою, приведенные данные не могут быть приняты как бесспорные. Они относятся к позднему времени, когда в Украине фактически завелось крепостное право. Затем хлеб, о коем шла речь,

¹⁾ Сб. Р. И. О., LXVIII, 144.

²⁾ Столько взимал Dom R. P. rozuszajacy в 1776 г.

³⁾ К. Ст., III, 507. Для старшины Ширай установил взятие 4^{0/0}, для казачков 5^{0/0}.

⁴⁾ Прыжов, Ист. кабак., 196.

⁵⁾ Судиенко, Мат., I а), 79.

⁶⁾ *Ib.*, I а), 28—29.

⁷⁾ Тр. В.-Эк. О., 1766, II, 3.

⁸⁾ Струве, Креп. хоз., 48, прим. 2.

принадлежал не крестьянской массе, а помещицкому классу, заинтересованному в сборе хлеба и реализации урожая. Ни неизвестный автор, ни Hürpel ничего не говорят о крестьянском хозяйстве, какое, как видно было выше, должно было испытать громадные потрясения от налетов саранчи, неурожая, реквизиций, набегов и пр. Не могло крестьянство иметь достаточно хорошо поставленного хозяйства и в силу постоянных кочеваний, и по отсутствию денег, каковое побуждало селян к отчуждению освоенных ими пахотных земель, угодий и помещений. Поэтому можно говорить не об избытке у крестьян хлеба, но о постоянном недостатке и, в силу этого, о дороговизне, а, стало быть, снова о недостатке денежных знаков, что в конечном результате оставляло крестьянское земледельческое хозяйство в тех же формах экстенсивного уклада, в каких оно очутилось после Хмельщины. Что же касается помещицкого хозяйства, то оно перешло к интенсивным формам, огородничеству и т. п. Отсутствие денег вело как раз к приобретению хлеба, и ценами на него объясняется низкое развитие сельского хозяйства.

Рассмотрение цен на хлеб дает такие цифры по годам:

В 1650 г.	чт. ржи	стоила	50 коп.	чт. овса	37,5 коп.
» 1651 »	»	»	» 40 » ¹⁾	.	.
» 1665 »	»	»	» 60 » ²⁾	.	.
» 1674 »	»	»	» 70 » ³⁾	чт. овса	20 коп.
» 1677 »	»	»	» 60 » ⁴⁾	.	.
» 1690 »	»	»	» 40 »	чт. овса	15 коп.
» 1699 »	»	»	» 65 » ⁵⁾	.	.
» 1719 »	чт. жита	»	18 » ⁶⁾	.	.
» 1736 »	»	»	» 1 р. 40 » ⁷⁾	чт. овса	1 р. 30 коп.
» 1737 »	»	»	» 53 »	»	» 55 »
» 1743 »	»	»	» 56 » ⁸⁾	»	» 28 »

Для второй половины XVIII стол. имеются более подробные цены на продукты:

годы	рожь	пшеница	пшено	греча	овес
1749	1.50	—	50	20	10
1750	20	—	50	20	15

¹⁾ Кулиш, Отпад. Мал., III, 335.

²⁾ А. Ю. и З. Р., V, 163.

³⁾ Сб. Симбир., 196, 165, 167.

⁴⁾ А. Ю. и З. Р., XIII, 36.

⁵⁾ Сб. лет. Ю. и З. Р., 240; Самовидец, 81.

⁶⁾ Филимонов, Рум. Ген. О., 19.

⁷⁾ Сб. Р. И. О., CXIV, 422.

⁸⁾ Ключевский, Рус. рубль, 68, 70.

год	рожь	пшеница	пшено	греча	овес
1751	18	—	50	20	15
1752	20	—	50	20	15
1753	25	—	—	—	15
1754	60	—	80	—	32
1755	60	—	—	30	32
1756	32	50	1.10	—	26
1757	28	55	—	50	15
1758	1.20	1.60	2.00	—	50
1759	1.20 (?)	1.60	2.00	—	50 (?)
1760	1.20 (?)	1.60	2.00	—	50 (?)
1761	1.20 (?)	1.60	2.00	—	60 (?)
1762	1.60	1.60	2.00	68	68
1765	2.00	1.60	2.00	1.10	72
1787	5.50	1.90	1.70—2.00	1.50	60
1788	2.00	4.00	3.00	1.60	70
1789	2.50	5.00	4.50	2.20	70
1790	1.50	4.50	—	95	45
1791	2.60	—	—	1.60	50
1792	2.60 (?)	—	—	—	60
1793	2.60	—	—	2.00	70
1794	5.00	4.00	—	—	70
1795	—	4.00	—	—	1.20
1796	2.70	3.50	—	1.50	1.20 ¹⁾

Цены XVII стол. считались очень высокими и вызвали спекуляцию хлебом; против хлебных спекулянтов Бруховецкий нашелся вынужденным издавать «крепкие универсалы»²⁾, которые, конечно, не достигали цели. Как высоко ценился в XVII стол. хлеб, можно судить по тому, что в то время, как четверть ржи оценивалась в 3 зол., цена на лошадь, бывшую тогда в большом фаворе, стояла 2 зол.³⁾; в начале XVIII ст. стоимость хлеба и свиньи была одна и та же. Со второй половины XVIII в. цена на рожь с 1 р. 50 к. поднялась в течение 20 лет до 2 р. 70 к., на гречу—с 20 к. до 1 р. 50 к., на пшеницу—с 50 коп. до 4 р., равно как и на пшено; вообще, значит, цены на хлеб увеличились от 2 до 8 раз. На повышение цен оказали влияние разные причины: в 1748—1749 гг. голод, в 1751 г. введение нового тяжелого тарифа, суровые зимы в 1757—1758 гг., в конце 1758 г.—введение откупной системы, после которой даже при прекрасных урожаях цены уже не падали. Обращаясь к ценам на иные продукты

¹⁾ К. Ст., 1886, IV, 748, 753, 762; V, 132; X, 337—338, 345; 1884, IV, 689—690; 1883, XII, 697; Тр. Полт. Ком., II, 95. Ср. с ценами в Данциге—Korzon, II, 80—85 и России—Семенов, III, прил. 8.

²⁾ П. С. З., I, № 368, 607.

³⁾ Ак. ки. Старод. ур., 109.

первой необходимости, находим: для 70-х гг. XVIII ст. соль 40 к. пуд, мясо—80 к. пуд, масло—4 р., рыба—1 р. 20 к. за пуд. и т. д. Водка тоже стояла в цене: в 40-ые годы XVIII стол. 40 коп., в 50-ые гг. до 50 коп., в 70-ые—67 коп. за ведро, в 80-ые гг. до 3 р. (нормально 1 р. 80 к.), в 90-ые г. понизилась до 1 р. 50 к.—1 р. 80 к. Другие предметы были недоступны по своей дороговизне массам. Так, кожух в 60-ые гг. XVII ст. оценивался в 1 р. 20 к., сапоги в 20—40 коп., стол—35 коп., колесо—6 коп., доска до 5 коп. ¹⁾; в 70-ые гг. сапоги—50 коп., платок 10 к. ²⁾; в 80-ые гг. свитка стоила 1 р. 20 к., 1 ф. рису—10 коп., 1 ф. хлопка 40 коп. ³⁾; в 90-ые гг. цены еще более поднялись ⁴⁾. И в это самое время на дневное пропитание тратилось 2—3 коп. ⁵⁾—для сельских рабочих 1 р. 50 к.—2 р. в год ⁶⁾—в 40-х гг. «обыкновенный корм на всякий день по гривне» ⁷⁾, и только дорожное содержание для командированных воинских чинов поднималось до 15 к. в день ⁸⁾. Для 70-ых гг. XVIII ст. экономисты предлагали поднять экзистенц—*minimum* до 40 руб. в год ⁹⁾, т. е. немного более 10 к. в день—доказательство, что 10-копеечное содержание было совсем не так широко распространено. Дороговизна предметов первой необходимости содействовала мобилизации земли и экспроприации населения, Формальным базисом для того являлся письменный акт. Выдавался он в виде расписки, «жебы мело быть то без жадное завады» ¹⁰⁾. А так как денег все-таки было мало, обеспеченность в получении раз выданной суммы фактически была невелика, то выдача расписок соединялась либо с поручительством со стороны третьих лиц, либо предоставляла кредитору право на какую-либо вещь или лицо должника. Поручительство велось при отсутствии обеспечения займа вещью, что в Старой Украине было принято. «Облѣг» приходилось подписывать нескольким «добрым», состоятельным хозяевам ¹¹⁾. Подписи их сообщали сделке определенную устойчивость. Поручительство могло быть, с другой стороны, обязательством и свидетельством совершения займа

¹⁾ К. Ст., 1883, XII, 696—7.

²⁾ *Ib.*, 1884, III, 507.

³⁾ *Ib.*, 1893, III, 437.

⁴⁾ *Ib.*, 1885, II, 465—6.

⁵⁾ *Ib.*, 1883, V, 170.

⁶⁾ Судиенко, *Мат.*, I 6), 16.

⁷⁾ *Права*, гл. VIII, арт. 40, § 2; *Сен. Арх.*, V, 444.

⁸⁾ Андриевский, *Ист. мат.*, IX, 15, 16.

⁹⁾ *Тр. В.-Эк. О.*, XXIX, 35.

¹⁰⁾ *Люб. Арх.*, 229.

¹¹⁾ Маркевич, *Дн. зап.*, 169.

производившимся и родственниками, которые являлись каждую минуту ответчиками за должника¹⁾. Если бы поручитель пожелал освободиться от своей роли эвентуального ответчика, ему стоило только выполнить принятое на себя обязательство поручительства. Но буде поручитель вел себя так, что для кредитора создавалась угроза неисполнения принятой поручителем функции, должник должен был стать пред кредитором как раз в положение поручителя за своего поручителя. Ясно, что в интересах уверенности исполнения долгового обязательства кредитор нуждался в поручителе по долгу только в лице наиболее подходящего лица. По польскому, оставшемуся в украинском обиходе праву, поручителем могло стать лицо, обладавшее недвижимым имуществом,—это давало уверенность в оплате долга, при предъявлении взыскания на должника. Поручитель лично не должен был внушать никаких сомнений, должен быть человеком «зачным, веры годным, добрым, почтивым», по социальному положению не ниже должника, репутации такой, чтобы невозможно было отвести его в суде²⁾, имущество его должно было «выстарчать долгом того, за которого ручитя»³⁾. Все это показывалось и доказывалось «на мемрамъ» пред урядом⁴⁾. Такого рода обеспечения представляло много неудобств, и поэтому в Украине весьма рано стали прибегать к более прочному обеспечению займа—к залогоу имущества, известному со времен польского владычества. Известно, что воевода Кисель задолжал Межигорскому монастырю 6.000 зл., и монастырь добивался обеспечения долга получением с Мена. Хмельницкий-Богдан в 1655 г. «на потребу войсковую взял 8.000 зол. у П. Я. Хмельницкого, за которую сумму пустил ему в спокойное уживанье маетности п. Грузевича..., якие небожчикъ п. Грузевичъ держаль и уживаль и всѣ пожитки належные отбираль»⁵⁾. В 1651 г. совершила заем у помянутого Межигорского монастыря Ганна Гулевичовна и обеспечила его залогом своего имущества монастырю, каковой вошел во владение недвижимостью «зараз правомъ процентовимъ». Гулевичовна признала владение межигорцами, «поколь тая сумма займа... вся отдана и уплачена будетъ»⁶⁾. Обеспечением могла служить и движимость. В 1732 г. Маркевич занял у своего брата 100 руб.,

1) Ср. Судиенко, Мат., II 6), 5.

2) Dąbkowski, Rękopismo, 153, 162, 163.

3) Богосл. Нрав., 375.

4) Ак. кн. Полт. ур., II, № 71.

5) А. З. Р., V, 95.

6) Андриевский, Ист. мат., IX, 81.

«в закладъ ему червонцевъ 50 давши»¹⁾. В 1733 г. ген. хорунжий Ханенко «отобралъ у п. Скоропадского дукать и облѣгъ, а ему надлежить переслать реверсъ его», записывал он в своем дневнике²⁾. В 1730 г. лохвицкий сотник Гамалия занял у Ханенка 26 руб. и предложил «в заставу кубокъ сръбный и рондзикъ»³⁾. У масс не было драгоценных предметов. Единственное достояние их была земля, и ее-то они и пускали в залог при займе, совершавшемся во имя разных неотложных нужд⁴⁾. Сделки по обеспечению совершались непрерывно и были в большом ходу, ибо они обеспечивали кредит и делали его долгосрочным, у должника же, по крайней мере, юридически, не отрицалось при этом право на получение залога при уплате долга. Так возникла в Гетманщине ипотека. В 1674 г. некий Павло говорил в суде: «миѣ ничимъ нагорожати 2 таляровъ, волно вамъ, якъ собѣ разумѣте, а я якъ свой власний плецъ пуцаю пану войтови, жонѣ и потомкомъ его у вѣчность»⁵⁾. Другой случай. В 1681 году Кулеш внес в Полтавский городской уряд «письмо», по которому значилось, что конотопчанин Силко взял у Кулеша десять талярей и обязался, «же если бы на тотъ часъ отдати оныя 10 тал. не мѣль, то (Кулеш) именовалъ хуторъ свой власний из свѣтлицею и волен был им обладати и поквитовать»⁶⁾. В 1690 г. за невозможностью уплаты долга в срок была отдана недвижимость⁷⁾. В 1693 г. должник, не имевший «длугу чимъ заразы отдати и уиститися, пускалъ дворъ свой власний до откупу и з вироком, если бы не мѣль о назначенномъ термину окупити, теды за пощацункомъ людскимъ маеть (тот двор) вѣчне заставати» при кредиторе⁸⁾. В 1702 г. гетманша Скоропадская открыла кредит черниговскому мещанину Отроховичу на несколько сот золотых. Сделка была внесена в городские книги, при чем там записали, что в случае неуплаты недвижимость Отроховича будет продана «никому иному толко ясневелможной добродѣйцѣ в вѣчную поссессію»⁹⁾. Точно так же поступали и монастыри. В 1725 г. попагорцы писали о киево-печерских монахах: «оніе отцеве на прошеніе наше чрезъ многіе лѣта

¹⁾ Маркевич, Дн. Зап., II, 164.

²⁾ Ханенко, Днар., 98.

³⁾ *Ib.*, 8.

⁴⁾ Барвинский, Крест. в левобер. Укр., 140.

⁵⁾ Ак. кн. Полт. ур., III, № 36.

⁶⁾ Мот. Арх., № 1.

⁷⁾ Ак. Стародуб. ур., 51, 52, 55, 66, 107.

⁸⁾ *Ib.*, 6, 10, 21.

⁹⁾ Об. Рум. Оп., 30.

сколко потребно намъ было денгами и хлѣбомъ насъ ратовали, якого прето нами забраного денежного и хлѣбного долгу уиститися и набитками нашими не могучи, попустилисмо въ вѣчность на святую обитель кіево-печерскую грунта наши власніе»¹⁾. Подобныхъ примеровъ перехода крестьянскихъ земель по залогу можно бы привести сотни. Но и приведенные показываютъ, что крестьянскіе земли шли в залог и по залогу переходили в собственность крупныхъ землевладельцев. С казачьими землями дело обстояло труднее, ибо с них неслась служба. Но на практике и казачьи земли не избегали судьбы крестьянскихъ, что видно изъ запрещений Генер. Канцелярии, напр., 1727 г., принимать казачьи земли в залог²⁾. Были даже прямые приказанія возвращать взятые в залогъ казачьи земли³⁾. Казаки находили защиту и у имперскихъ властей, на что есть прямые распоряженія Правительствующаго Сената⁴⁾. В Комиссии 1767 г. представитель Гетманщины Натальин добивался, чтобы принятые в залогъ имущества, после перехода ихъ в собственность кредитору, не отчуждались в течение 3-х летъ и только по истеченіи 3 летъ, «если никто къ выкупу не явится, волно то имѣние продать или заложить по желанію»⁵⁾. Такимъ образомъ, залогъ вещи в Украинѣ XVII—XVIII стол. допускалъ выкупъ по уплатѣ долга, такъ что немецкое правило *Kauf auf Wiederkauf* было известно и Украинѣ. Известно было, можетъ быть, и в силу рецепции, но несомненно родилось в условіях, если не аналогичныхъ, то близкихъ германскимъ. Украинское право XVIII в. требовало, чтобы закладывались недвижимости с ведома уряда. Однако и при неформальномъ порядкѣ и отсутствіи письменныхъ документовъ презумція была в пользу фактическаго владельца⁶⁾. Залогъ недвижимости совершался в формѣ, собственно говоря, купчей, и залогопринимателю принадлежало право пользования и владенія, хотя бы залогодатель самъ такихъ правъ не имѣлъ, напр., при залогѣ обещаннаго наследства⁷⁾. Закладываемое «нерухомое добро» или немедленно поступало в распоряженіе кредитора, или же по истеченіи срока, на какой совершался заемъ. Во второмъ случаѣ говорилось объ «арештованіи» недвижимости⁸⁾. Буде бы должникъ не пожелалъ добровольно удовлетворить кредитора, послѣдній

¹⁾ Лазаревскій, Оп., Ст. Мал., I, 391.

²⁾ Диариуш, 32.

³⁾ *Иб.*, 36.

⁴⁾ Зап. О. О. И. и Др., XXVI, 65—II.

⁵⁾ Сб. Р. И. О., XXXVI, 103.

⁶⁾ Права, гл. XVI, арт. 21, § 2.

⁷⁾ Ген. сл. Черн. п., 539—540.

⁸⁾ Ак. кн. Полт. ур., III, № 3.

прибегал к содействию властей. Уряд выдавал так называемый «причинный лист», по которому надлежало удовлетворить его обладателя. При неисполнении такого требования урядом выдавался «арештовый лист», и недвижимость переходила к истцу¹⁾. Впрочем, переход недвижимости к кредитору не означал дальнейшей бесспорности. Можно было настаивать и на возвращении недвижимого имущества, для сего требовалось, чтобы обратная операция опиралась на известный титул. В 1663 г. некая Грициха требовала возвращения двора, взятого у нее Денисом в залог за занятые у него 10 коп грошей. Двор являлся имуществом не Грицихи, но батьковщиною ребенка Грицихи. Суд признал выдвинутое Грицихою основание для возвращения заложенного имущества правильным — и Денису пришлось двор возвратить. Однако и в сем случае делалась оговорка, что в случае смерти дитяти, батьковщина переходила не к Грицихе, а к Денису²⁾. Закон признавал правильным переход имущества к кредитору при неуплате им долга, и для выкупа «нерухоности»³⁾ устанавливал некоторый (6-тинедельный) добавочный срок. В случае нарушения владения и пользования заложенным на срок имуществом по внешним причинам, срок прерывался, и приходилось «урочные годы маетности додержать»⁴⁾. Заем, обеспеченный залогом, не представлялся единственною формою перехода имущества, ибо рядом стоял заем не обеспечившийся. В таких случаях имущество оставалось в распоряжении должника без выделения даже какой-либо отдельной вещи. При уплате во-время, дело обходилось без залога. В противном случае для кредитора открывалось право «грабѣжа». Это право состояло в овладении какой-либо вещью из движимого имущества должника, напр., лошадью, одеждою и пр.⁵⁾. «А что забрать скоть», говорится в одном акте 1780 г.: «то сего должникъ в обиду почитать не можетъ, ибо такъ порядокъ велить съ тѣми, когда онъ отдаеть отчетъ и не будетъ на немъ никакова начота и взисканія, тогда скоть и все свое имѣніе получить безъ всякого задержанія, а ежели явится начоть, а потому и взысканіе, тогда долженъ он денгами или имѣніемъ своимъ удовлетворять»⁶⁾. «Грабѣж» совершался и самовольно и «с вѣдома врядового»⁷⁾; уряды, однако, не выработали определенной для того

¹⁾ Мот. Арх., № 20.

²⁾ Мест. Борисп., № 99; ср. № 72.

³⁾ Права, гл. XVI, арт. 44, § 2—3, и арт. 23, § 1.

⁴⁾ А. Ю. и З. Р., X, 439.

⁵⁾ Судисенко, Мат., I 6), 27.

⁶⁾ Люб. Арх., 203.

⁷⁾ Акт. Полт. ур., I, № 51; Диар., 62.

практики¹⁾. Со времен гетм. Апостола высшее украинское правительство стало противодействовать «грабіжу», иногда применявшемуся и по другим поводам²⁾; впрочем, попытки властей в указанном направлении, повидимому, не имели успеха, так как украинские власти разрешали и «контр-грабіж»³⁾. Бывали, тем не менее, условия жизни таковы, что о «грабіже» невозможно было думать, так как у должника ничего не имелось способного к «грабіжу». В таких условиях приходилось искать выхода в другом направлении, именно, должник обязан был сам стать на отработку своего долга. «Должник у секвестру заставлялъ дебиторови своему виненъ, а чого не малъ чимъ отдать, теда (кредитор) домовлялся, абы должникъ тотъ долгъ отслужилъ», читаем в деле 1693 г.⁴⁾ Вместо службы возможно было потребовать совершения определенной работы. В одном из «облѣгов», коими владел Маркевич, значилось право «о раздаяню вовни на откосъ»⁵⁾. В своем дневнике Ханенко как-то записывал: «роздалъ сѣна нашого куркувскимъ жителемъ въ займи 12 возъ, которое они отдать в осень будуть должны и по дню работать»⁶⁾. В 1716 г. А. Лизогуб взял у своего шинкаря за долг его 8-милетнюю дочь, и шинкарь должен был согласиться, что «если бымъ не могль по сей облѣгацѣи своей такъ учинити, то волно будет, не контентуючися самою дѣвчиною, мене, перечувши де буду, самого или жену мою одшукати» для отработка п. Лизогубу⁷⁾. Служба, или отработок, таким образом, вопреки утверждению проф. Удинцева, выводившего отработок из личного найма с уплатою денег вперед⁸⁾, имеет в основе заем. С другой стороны, должник отвечал не по самому займу, а по последствиям его. Стало быть, отношения между кредитором и должником определялись в отношении личного задержания не только договором, но и неисправностью должника, что констатировалось и отдававшим на выслугу неисправного должника судом. Посему в данном случае приходится иметь дело с деликатно-судебной теориею обязательства из займа. Что касается залога людей, как то наблюдается на случае у Лизогуба, то тут, может быть, имел место вышедший из композиции обычай, что подмечено было Коллером в

¹⁾ Акт. Полт. ур., I, № 75.

²⁾ Маркевич, Дн. Зап., 15.

³⁾ Лазаревский, Оп. Ст. Мал., III, 387.

⁴⁾ Ак. кн. Стародуб. ур., 6.

⁵⁾ Маркевич, ор. с., 169.

⁶⁾ Ханенко, Диар., 146.

⁷⁾ Лазаревский, Оп. Ст. Мал., II, 453.

⁸⁾ Удинцев, Ист. займа, 35.

его исследовании о Шекспире ¹⁾. Одинаковые условия хозяйственного быта Зап. и Вост. Европы и повели к появлению такого института и в Украине. Такое положение приводит к выводу, что современной науке приходится пересмотреть учение о так называемом историко-сравнительном методе. Вместо него мы имеем дело с единым синтетическим методом изучения. Не история данного народа или данного государства служит предметом науки, а единообразные проявления жизни, вырастающие в однородных условиях, ведущие к однородным последствиям. При такой точке зрения получится единая историческая наука. Национальные истории не части так называемой всеобщей истории, а та же мировая история, взятая в меньшем размере; в истории национальной содержится мировая с отклонениями, вызываемыми географическим положением. Что содержится в нашей истории, содержится и в истории всякой иной страны, всякого другого государства. Синтетический метод, стало быть, сводит историческую науку к изучению фаз в жизни человечества. На долю национальных историй падет изучение того, как совершалась, как протекала фазисность, всеобщая же история составит содержание того, что собою представляет данная фаза. В связи с этим придется пересмотреть все содержание исторической науки. «Бродячость» различных явлений, подражание, рецепция и т. д. предстанут в ином виде, в ином освещении, в ином понимании. Вот почему и в вопросе о залоге людей, экспроприации человеческого труда, обеспечении обязательств приходится говорить о явлениях типических, наблюдавшихся не только в Украине, но и в Польше, России и т. д. Хозяйство XVII в. было индивидуальным — лучшим обеспечением обязательства их займа служило обладание этим самым хозяйством; в XVIII в. крупное хозяйство требует возможно большего количества рабочих рук для своего существования — обеспечение обязательства идет за счет человека, его рабочих рук. Вот почему к жизни вызываются пережитки, признаваемые и позднейшим законом. Действительно, украинское законодательство половины XVIII в. разрешало обеспечение займа залогом людей, правда, на срок ²⁾. Но из того, что закон запрещал, чтобы за получение «вспомоществования имѣиємъ» выдавались должником на себя записи «к порабощению» ³⁾, с уверенностью можно заключать, что «порабощения» имели место в жизни. Да и в самом законе определенно установлено было, что не имеющий чем платить должник мог быть взят на вы-

¹⁾ Koller, Shakespeare, W., 1884.

²⁾ Права, гл. XIV, арт. 9, § 1.

³⁾ Ib., арт. 11, § 1.

слугу не только лично, но со своею семьею¹⁾. С точки зрения права XVIII стол. это было последовательно. Если вспомнить, что имущество приобреталось в пользу целого рода; если отчуждения происходили не только от имени хозяина, но и всех родственников его; если вообще сделки совершались так, чтобы «потомки и потомки потомков» одной стороны приобретали известные полномочия от таковых же другой²⁾,—то отработок должен был, конечно, быть представлен в таких же формах. В результате таких соображений должна была получиться личная зависимость. Как бы то ни было, «соглашения за ростъ служити», как и аналогичные имъ «за ростъ косити или пахати», говорит современный исследователь, были результатом «бедности в капиталах, преобладанием домашнего хозяйства над меновым, потребительского кредита над производительным»³⁾. С какого момента возникали такие последствия, вытекало из самой сделки. Одного решения по поводу того, каков был характер заемного обязательства, разумеется, быть не может, ибо хозяйственная обстановка XVII и XVIII в. была различна, и постановка такого вопроса достаточно отзывается схоластикой. Был ли залог совершен в форме *ältere Satzung*—с переходом владения на заложенную вещь или *neuere Satzung*—без такового, право брало под свою защиту не только интересы кредитора, но и должника, поэтому долг давности не имел⁴⁾, хотя на деле часто происходило обратное. Даже в тех случаях, когда совершалось, видимо, высоко гуманное дело, без выгоды «благодетеля» оно не обходилось. В Украине существовал обычай выкупа захваченных в татарский плен жителей Украины. Выкуп в действительности преследовал иные цели. Выкупленные становились работниками тех, кто их выкупил, и вызывался он нуждою в рабочих руках. Из переписки генер. судьи С. Прокоповича видно, что некогда попал в татарскую неволю Никита Радионович. Десять лет томился он «в неволѣ бѣсурменской», пока не был выкуплен Хмельницким II. «Потом при Хмельниченку служил (Н. Радионович), одслужувючи закупъ, черезъ который з неволѣ свободился»⁵⁾.

Помимо займов и залога недвижимостей по причине недостатка в деньгах, причинами движения недвижимостей были также судебные приговоры. Старшина обладала завидным правом «доброто миловати,

¹⁾ Права, гл. XVI, арт. 13, § 2.

²⁾ Акт. кн. Пол. ур., III, № 157.

³⁾ Удинцев, *op. cit.*, 171.

⁴⁾ Права, гл. XVI, арт. 11, § 1.

⁵⁾ К. Ст. 1891, I, 143.

а преступного без фолги карати»¹⁾. Недостаток в рабочих руках вел к тому, что в Украине широко развиты были телесные кары и мutilяции, а также условное осуждение, досрочное освобождение и штрафы²⁾. Последние по отсутствию денег представлялось трудным покрывать, и это именно обстоятельство явилось причиною отчуждения земель, чем весьма искусно пользовались урядники. Из жалобы полтавских казаков, «взнесенной» в 1667 г. на их полк. Витязенка, видно, что «кто козак или мужик упадет хоть в малую вину—и полковникъ его именіе все, лошадей и скоть беретъ на себя»³⁾. Особенно не везло нарушителям 7-й заповеди. «За штетечный грѣхъ» виновный уплатил полтавскому полковнику вместо денег 5 волов, лошадь, 2 быков и 22 овцы; другой греховодник поплатился своею мельницею и лесом⁴⁾. По гражданским делам дело шло еще дальше. За неаккуратность в внесении ссуды приходилось в пользу старшины платиться недвижимостями⁵⁾. Тут все отвечали за всех—родители за детей, дети за отцов, жены за мужей и т. д. По решению Переяславского уряда в 1688 г., захвативший (во время восстания крестьян против помещиков) в предшествующем году много вещей у пана Сулимы некий Романенко обязан был, «кгда бы самъ не могль вистатчити и онихъ п. Сулимѣ отдати, теди за тую сумму любо товаромъ или якими иними добрами жона и дѣти нагорожати будуть повинни» — Сулима великодушно согласился на такое решение суда⁶⁾. При аналогичных обстоятельствах концентрировалась недвижимость в руках у старшины, и создавались права на человеческий труд.

Нам еще остается сказать несколько слов о правовом «прикрытии» перешедших в распоряжение старшины имуществ и людей, о прикрытии, содействовавшем дальнейшей концентрации недвижимостей в руках богатого меньшинства. Прикрытием служила так наз. протекция. До революции протекция была известна, главн. образ., церкви, преимущественно же монастырям, оказывавшим покровительство—«протекцию» вдовам, сирям и нищим. Под протекциею православных братств и отдельных влиятельных лиц были и сами монастыри и церкви. Протекция после 1648 г. получила в Украине широкое распространение, при чем творцами ее в новой формации были гетманы. В 1656 г. Хмельницкий-

¹⁾ Рус. Арх., 1875, I, 317.

²⁾ Подробности см. Слабченко, Оп. по ист. пр. Малор. XVII—XVIII в., 129—141, 142—170.

³⁾ Соловьев, Ист. Р., XII, 348.

⁴⁾ К. Ст., 1898, IX, 82—83.

⁵⁾ Стороженки, I, 43, 44, 45, 47, 48.

⁶⁾ Мот. Арх., № 3.

Богдан, «маючи взгляды на п. п. М. и Ф. Воронов шляхту», взял их «в протекцію и, наклонивши ухо до прозбы их», дал «онимъ в посессию села по отцу и стрью их»¹⁾. «Под протекцію» охотно шли разные круги украинского общества, и для дававшего и для принимавшего протекцію она являлась выгодным предприятием²⁾. Чем выше было лицо, принимавшее в протекцію, тем протекция доставляла больше выгод, посему-то искали протекции у гетмана и влиятельных российских вельмож³⁾. Оказывалась протекция в виду следующ. соображений: «ховаючи в респектѣ нашемъ всякого способного до услугъ войсковыхъ, контентуемъ», пишется в универсале: «ласкою нашею до працы далшой заворочуючи, и заховуемъ при (имя рек) село (такое-то)», при чем аннулировались угрожавшие целостности «протегуемого» имения разного рода сделки⁴⁾. Протекция соединялась с дарованием «обороны» — защиты «протекцианта», увольнением его «от войсковыхъ походов и всякихъ посполитыхъ повинностей и подачекъ», недопущением покровительствуемому каких-либо «шкодъ», освобождением его от подсудности полковым и городским судам [«лечь кождый повиненъ будетъ апелювати до гетмана и суду войскового енералного»⁵⁾], обеспечением спокойного владения дворами и хуторами, «гдѣ какіе приобрѣтены»⁶⁾, независимо от того, каким путем и при помощи каких средств сделаны приобретения.

Как видно из универсала гетм. Самойловича, данного в 1685 г. полк. Левенцу и его сыновьям, протекция первоначально оказывалась «годнымъ и заслуженнымъ въ Войскѣ особамъ», которых гетманы «окрывали своего зверхностью». Знатные «протекцианты», как некогда клиенты, служили «для оздобы и поваги рейментарской» и вместе «с ясновельможными в походахъ хаживали»⁷⁾. Протекция была широко развита в Гетманщине и была доступна всем группам населения. Гетман давал протекцію старшине, городам и высшему духовенству; духовенство «брало под протекцію» отдельных представителей церкви, их семьи и монашество⁸⁾; полковники — население сотен, московских боярских детей, за что, правда, иногда приходилось иметь не-

¹⁾ А. Ю. и З. Р., III, 545.

²⁾ Лазаревский, Оп. Ст. Мал., II, 28.

³⁾ *ib.*, II, 53, 164.

⁴⁾ *ib.*, I, 159.

⁵⁾ *ib.*, I, 181—182.

⁶⁾ К. Ст., 1885, V, 4.

⁷⁾ *ib.*, 1886, VII, 445.

⁸⁾ Филарет, Оп. Черн. Еп., II, 90.

приятности¹⁾, наконец, российский император, судя по грамоте полк. Божичу 1710 г., «брал в протекцию» известных ему в Украине, освобождал их имения от повинностей, обычной подсудности²⁾ и т. п., а следом за императором шли и его вельможи³⁾. «Протекциант» имел защиту в случае нарушения своих имущественных прав, его владения охранялись и изымались из общей юрисдикции, зато он не мог выходить из-под «протекции» по своему желанию, служил покровителю «к оздобе» и т. д. Протекция презумировала обладание данным имуществом как правильное и законное—нарушитель имущественных прав «протекцианта» считался посягателем на права и власть протектора. Протекция расценивалась как особое право протектора — его юрисдикция, для протекцианта она создавала особое право владения. Отсюда ясно, что протекция представляла собою договор *sui generis* по поводу обладания недвижимостями, уже состоявшими во владении протекцианта. Протектор не имел права отстранять протекцианта от имущества, он не требовал даже определенных услуг. Центр тяжести лежал не в них, а в имуществе, которое при протекции получало прочность вследствие нахождения его в особой юрисдикции. Описанный вид протекции не был единым. Существовала протекция иного рода для низшего населения. Она прививалась настойчиво прилуцким полк. Галаганом и его предшественниками. Прилуцкие полковники установили за собою право освобождать некоторых полчан от повинностей за определенную вносившуюся ежегодно плату. В протекцию полк. Галагана могли попасть лишь те, кто до того «мало громадской повинности отбували»⁴⁾. Иногда то была временная протекция⁵⁾, иногда постоянная или длительная. Последняя причиняла вред государству и убылью в людях и в обложении, почему гетманы хотя и не препятствовали иметь таких протекциантов, но старались не освобождать их от повинностей⁶⁾; кроме того, была сделана попытка отнять право протекции над населением у лиц ниже должности полковника⁷⁾. Малороссийская Коллегия настаивала вообще на возвращении всех протекциантов в «первобытное», до-протекционное состояние⁸⁾. Борьба с протекцией над населением родилась в связи с тем, что са-

¹⁾ Л а з а р е в с к и й, *op. cit.*, II, 20.

²⁾ *ib.*, II, 16.

³⁾ *Об. Рум. Оп.*, 68.

⁴⁾ *К. Ст.*, 1891, IV, 161—3.

⁵⁾ *Ген. сл. Неж. п.*, 247.

⁶⁾ *Диар.*, 76.

⁷⁾ *Л. З. А. К.*, XVII, 81.

⁸⁾ *Ген. сл. Неж. п.*, 66.

мое понятие протекции в XVIII в. расширилось до бесконечности. Как широко понималась тогда протекция, свидетельствует такой случай. «Заграничный шляхтич» Сербиевский в 1728 г. «не зная, гдѣ затратил малороссійского человѣка, под протекцію свою за волами взятого». О пропаже стало известно гетм. Апостолу, который приказал Генер. Канцелярии разыскать пропавшего или «взявши от того шляхтича Сербиевского о поставленію затраченого человѣка малороссійского ассекурацію и въ заставу шкатулку з денгами, которіе онъ доброволно въ заставу кладеть, отпустить его самого»¹⁾. Стало быть, достаточно было считаться шляхтичем, чтобы брать людей «в протекцію» и даже неведомо где их девать. Протекция над населением создавала не только особую юрисдикцію для некоторых кругов населения Украины; она означала особое право шляхетства и над населением и его добром. В XVIII в. различали а) протекцію для продавших свои хаты протекторам и оставшихся жить в них и б) протекцію без такового содержания²⁾. Протекция содействовала быстрейшему переходу крестьянских и казачьих земель к шляхетству. Она лишила земли населения публичного титула и обращала их в предмет частных сделок и в то же время поднимала значение панского двора. Помещик, пользуясь иммунитетом-протекцией сверху, беспрепятственно мог осуществлять свои права по «протекции» над лежащим у панских ног и искавшим у пана защиты народом.

¹⁾ Судиенко, М., I, 18.

²⁾ Лазаревский, оп. с., II, 214.

ГЛАВА VI.

Правосознание Украины в течение всей второй половины XVII стол. отличалось отказом от форм предыдущего времени. Массы стремились к полному разрыву с прошлым. Но отказ этот протекал в негативной форме. Народ знал, чего он не хочет, и в очень редких случаях мог ответить на вопрос, чего он хотел. Не нужно было крупного помещичьего хозяйства и власти *możnowładc'ы*, не нужна была система откупов сел, ни формальные акты, считалось лишним иметь *res extra jus patrimonii* или *extra jus commercii*. Означенные *res* стали подвергаться освоению, переходить в частную собственность, так называемые свободные блага захватывали, разбирали по отдельным хозяйствам. Единственную сдерживающею силою, чтобы не выпустить освоенного из рук, был род, часто фиктивный и во всяком случае не настолько влиятельный, чтобы при безденежки мелкого собственника мог удержать в своих руках ускользавшую недвижимость. В общественных низах род фактически был бессильным, почему украинские селения представляли механическую связь родов, но не спаянную твердою дисциплиной—трудовой, хозяйственной и правовой—единицу. Обилие земель позволяло вести экстенсивное хозяйство, которое потому отличалось консерватизмом и велось так, чтобы *Deo placere potuerit*—на старых земледельческих принципах¹⁾. Украинское шляхетство точно так же, как и польское, понимало значение революции 1648 г. и признавало право «*ludowi na pabcie ziemi*» в разного рода землях²⁾. В свою очередь, население зорко следит за переходом «земельных добр» и при помощи привлечения обывателей к оценке имущества до известной степени контролировало переходы³⁾, хотя *de facto* такое требование не приводилось кем следовало бы в исполнение. Оборот (правовой) в Украине XVII ст., вообще говоря, был мало дифференцирован, хозяйственный же отличался значитель-

¹⁾ S troynowski, *Ekon. powszechna*, 7.

²⁾ Maciejowski, *Hist. włośc.*, 227.

³⁾ Права, гл. VIII, арт. 32, § 1.

ной подвижностью: имущества свободно переходили из одних рук в другие. В силу сего всякий акт волеизъявления, независимо от того, насколько чиста была его правовая сторона, независимо от того, были ли в нем элементы *vi, clam, graecario* (Фюстель де Куланж, думается, правильно считал *graecario* в основе каким-то деликтом), имел силу, так что, если не находилось протестующих, объективный масштаб не мог приниматься в достаточной степени в расчет. Таково проявление революционной эпохи. Но революционные бури в смысле права протекали в их последствиях в двояком направлении. В одном случае индивидуальное хозяйство подвергалось распадению, в другом—концентрации. Украина XVII в., начавши с заявления о равенстве всего населения в политическом и экономическом смысле слова, последовательно пришла к выводу о свободном обращении имущества, добытых в революции. Свобода обращения вела к разделам в семьях и отчуждениям в среде необеспеченных—и концентрации имущества в кругах богатых. Неравенства получились в виду разделов родового имущества и отчуждений по купле—продаже. Делились наследственные имущества в мужской половине семьи, дробимость усиливалась привлечением к наследованию и женщин. Шляхетство, однако, понимало последствия разделов и ставило им препоны и формальные, и по существу. Крупные помещики заботились о сохранении недвижимостей. Такое правило высказано было в 1695 г. игуменом Якимова Густынского монастыря: «поля и сѣножати на сторону чужимъ людемъ не давайте». Игумен заботился о сохранении целостности земель и жаловался, что в его обители «бывали и бувають такие икономы, же за подарки и по знаемости дают монастырские грунта, а потим за отѣною частих икономовъ въ забвение тые приходять поля и люде и люди их присвояют, же з трудомъ упоминатися потреба»¹⁾. Аналогичных взглядов держалось и украинское шляхетство, понимавшее, что только за счет увеличения земель могут существовать их фамилии. Потому-то ни одно из гражданских прав не получило такого широкого распространения, как право завещательное, развившееся, главным образом, в среде шляхетства. Завещания были двух родов—большой тестамент и «тестамент меншій»²⁾, т. е. полный и краткий, состоявший из легатов и частичных распоряжений завещателя. Составлялись завещания с целью, «жебы по отшествеи ко вѣчному упокоению домъ безъ распоряженія оставлень не былъ». В завещании все следовало предусмотреть доброму хозяину, все тща-

¹⁾ Лазаревский, Оп. Ст. Мал., III, 401.

²⁾ Ханенко, Диар., 118.

тельно взвешивалось и не только лично, но «при обещности старшин и магистрату». Подробно и точно определялась судьба разных частей хозяйства, «спадавшихъ» наследникам. Так как значение совершавшегося было велико, то требовалось соблюдение разных формальностей, без чего тестамент считался недействительным¹⁾. В отношении недвижимостей выставлялось правило, чтобы они были «оцирклеваны»²⁾. Идеалом завещательного права в Украине считалась отдача имущества по смерти мужа жене в ее пользование, владение и распоряжение до смерти. Однако завещатель по своему усмотрению говорил о будущем своего имущества, назначал известные доли в нем и своим детям. При помощи таких мер завещатели стремились предотвратить распад имущества, «ибо з того бываесть так, же дети, маючи у себе въ рукахъ доволство, бывають родительницѣ своей непослушливы, а посему нехай (наследник) терпить и самъ о себѣ старается»³⁾. В некоторых случаях, однако, все предоставлялось вдове, и завещатель только общим образом распоряжался имуществом, устанавливая для своей жены рамки, в которых она могла распоряжаться⁴⁾. Но распоряжения вдовы только в том случае считались непреложными, когда она сама по смерти мужа «небеззаконно жила», иначе провизорный тестамент мужа относительно детей превращался в актуальный⁵⁾. Образцом провизорного тестаменты может служить завещание полкового прилуцкого сотника И. Марковича 1724 г. В своем тестаменте он писал: «всѣми грунтами по смерти сожительницы моей тотъ зъ кривнихъ моихъ маесть владѣти, кто будетъ оной во всемъ житіи ея приклоненъ, поволенъ и услуженъ и кому она въ любви своей прихилности изволить отписати и отказати, а именно—дѣтей брата моего Федора или зъ дѣтей сестеръ моихъ; а мѣло бѣ что такового отъ нихъ-то намѣненнихъ дѣтей чести и особѣ ея быти когда колвекъ противнаго, то волно ей будетъ всѣ тѣи грунта спродати и, спродавши, всю сумму, за оніе взятую, за вѣдомомъ кривнихъ моихъ и иннихъ людей годнихъ на обители святіе за души наши дати»⁶⁾. Вместе с тем сама вдова отдавалась под особую опеку какого-либо из родственников мужа, если, конечно, завещатель мог ожидать каких-либо неприятностей со стороны на-

¹⁾ Зап. Г. Ч. Ст. К., 1871, II, в. 1—2, 128.

²⁾ Акт. кн. Полт. ур., II, № 35.

³⁾ Лазаревский, Оп. Ст. Мал., III, 126.

⁴⁾ *Ib.*, III, 71.

⁵⁾ *Ib.*, III, 329.

⁶⁾ *Ib.*, III, 119.

следников своей жене или ее нехозяйственности ¹⁾). Опекун весь являлся, по существу, советчиком по вопросам ведения хозяйства—ради «вшеляких долегливостей и тяжарей о порадѣ и помочь» ²⁾). Стало быть, для опытной в ведении хозяйства вдовы опекун не нужен был. Посему-то украинская женщина-вдова могла по доставшимся ей от мужа именьям выдавать всякого рода акты; при наличии же опекунов акты подтверждались или отменялись ради сохранения целостности фамильных имуществ. Однако, если бы опекунов не «найдовалось», а имуществу, по мнению властей или заинтересованных членов той же фамилии, не грозила опасность, то вдова могла распоряжаться имуществом «ведлугъ волѣ своей», имела права его «диспозовати и кому хотѣти оное дати» ³⁾). Прижизненный выдел сыновей или выдача дочерей замуж не меняли положения вещей, и попытки нарушить раз созданный порядок и способ распределения наследства считались анти-общественными. Доказательством может служить случай с завещанием протопопа Сафоновича. Сафонович имел сына на выделе. Умирая, протопоп по завещанию оставил своей вдове имущество. После смерти отца умер чрез некоторое время и выделенный сын. Вдова последнего стала требовать для своих детей раздела оставшегося по протопопе наследства. Протопопова жена протестовала против домоганий невестки, основываясь на установившемся в Украине порядке завещания и распределения наследства, и невестке пришлось отказаться от своих притязаний, тем более, что на сторону попады стал и суд ⁴⁾). При смерти мужа вдове возвращалось ее «внесенне», и производилась выдача «за венец». Выдачи по «внесенню» и «венцу» производились деньгами и из недвижимостей умершего и часто во много раз превышали как первое, так и второй ⁵⁾). Кстати, обязанность мужа обеспечить приданое жены из своего имущества несколько тормозило отчуждения имущества, ибо муж отвечал за растрату приданого. Здесь же кроется объяснение и того обстоятельства, почему при отчуждениях требовалось согласие жены, детей и рода. Вено же, по справедливому объяснению Лазаревского, давало жене и юридическое основание на остающиеся после мужа имущества ⁶⁾). Муж обязан был обеспечить приданое своей жены, или

¹⁾ Лазаревский, Оп. Ст. Мал., III, 29.

²⁾ Зап. Г. Ч. С. К., I, в. 1—2, 62.

³⁾ Филарет, Оп. Черп. еп., I, 61.

⁴⁾ Лазаревский, ор. с., II, 492.

⁵⁾ Мот. Арх., № 31.

⁶⁾ Зап. Г. Ч. Ст. К., II, в. 5—6, 272.

таковая обязанность лежала на его отце, в силу чего известны случаи, когда жены отчуждали «батьковщину» своих покойных мужей, правда, условно, «до возраста» детей, каковые имели право батьковщину выкупить ¹⁾. В некоторых случаях вступавшие во 2-ой брак немедленно «давали запись» новой жене и не только определяли тем судьбу пришедшегося на долю жены обеспечения, но и всего имущества и прав жены к детям от первого брака ²⁾. При отсутствии «записи» вдова по смерти мужа могла лишиться приданого и даже мужниных даров ³⁾. А такое лишение представлялось немаловажным, ибо в среде шляхетства жены приносили с собою часто значительное приданое ⁴⁾. «Наданья» по смерти мужей (в среде шляхетства) также были немалы ⁵⁾. Обеспечивши жену в материальном отношении, завещатель определял взаимоотношения между вдовою и остающимися детьми, «дабы между позostalыми наследниками и женою не произошло какое несогласие». Вдова обычно оставалась жить с младшим сыном и дочерьми, их она обязана была «содержать по замужество их» на отписываемую часть имущества. (Сыновья, не жившие с матерью, «отъ себе на выправу дочерей завещателя должны (были) вспомоществование учинить») ⁶⁾. Оставаясь с детьми, вдова являлась в роли опекуниши над ними и имуществом; в тестamente устанавливалось перенесение на нее всех отцовских прав, так что жена разве по своей смерти переставала управлять всем. Записи мужа устанавливали, что именно и где по завещанию получала жена во владении, что уступалось и кому, какие обязанности надлежало принять на себя наследникам в отношении вдовы. Во всем том наследовавшая жена выдавала соответствующую расписку ⁷⁾. Затем завещатель стремился, по возможности, предоставить вдове широкую свободу действий и независимости, устранял наследников от отданного жене ⁸⁾, почему вдова могла получать вместо одного рода имущества другой и т. д. ⁹⁾. В управлении оставшимся имуществом жене предоставлялись широкие возможности. По завещанию Г. Полетики 1784 г., за женою признано управление имуществом, «хотя бы

¹⁾ Акт. кн. Старод. ур., 63. Ср. Права, гл. X, арт. 21, § 2.

²⁾ Модзалевский, Ген. суд. Ив. Чарныш, 12.

³⁾ Права, гл. X, арт. 33, § 2.

⁴⁾ Ген. сл. Неж. п., 5.

⁵⁾ Киев. Ун. Изв., 1889, XII, 296.

⁶⁾ Ханенко, Диар., прил.

⁷⁾ Мот. Арх., № 30.

⁸⁾ Иб., № 91.

⁹⁾ Рус. Арх., 1875, I, 447.

она и за другого мужа вышла». Полетика настаивал на том, чтобы его жена не отчуждала имений, но «оставила бы в подѣлъ дѣтямъ мужеска полу». Непокорных детей жена могла отрешить от наследства, дети от нее не могли требовать раздела и пр. ¹⁾). Над детьми вдова имела полную власть. С. Сулима, напр., в 1766 г. дал своей жене завещанием полную власть «над тремя в службѣ государевой сынами», предоставивши ей дать каждому из сыновей своих столько имущества, сколько она признает нужным ²⁾). Посему не может удивлять факт свободного распоряжения женою оставшимся по смерти завещателя имуществом ³⁾). Стремление шляхетства сохранить все имущество в целом вело к тому, что завещатели предоставляли вдовам исключительно полные права и требовали возможно длительного периода нераздельной жизни вдовы с наследниками ⁴⁾), как то видно из тестамент П. Забеллы 1681 г. Впрочем, известны завещания, правда, очень немногочисленные, и в ином роде ⁵⁾). Рассматривая завещательное право в пользу вдовы, некоторые исследователи считают его развившимся из брачного договора супругов. Такое мнение справедливо разве в отношении выделяемого в пользу только жены имущества, но отнюдь не объясняет всей природы старинного украинского тестамент. Тестамент в действительности представлял собою односторонний договор, в котором участвовала фактически одна сторона, если не считать некоторых случаев отобрания расписки урядом у будущей вдовы. Сам по себе договор представляет собою завещание, в коем находятся условия главные и второстепенные в роде субституции, законной доли и пр. Но особенности его состояли в том, что тестамент имел провизорный характер, он близок к дару, совершался *mortis causa*, предполагал наличность брачных отношений, связывал волю вдовы, в лице которой одновременно фигурировала и наследница, однако в специфической роли охранительницы фамильных имуществ,—мотивы, находимые и в немецком праве ⁶⁾). В силу этого, может быть, будет наиболее правильной точкой зрения на этот предмет высказанная немецким цивилистом Лейзером, что в данном случае пред нами завещание на началах контракта, а не собственно завещание. Завещательный договор в пользу жены выдвигал пред

¹⁾ К. Ст., 1895, VII, 87.

²⁾ Мот. Арх., № 57.

³⁾ К. Ст., 1883, VII, 508—509.

⁴⁾ *ib.*, 1899, I, 106.

⁵⁾ Зап. О. О. И. и Др., X, 483.

⁶⁾ Schiffner, Erbvert., II.

шляхетством заботу о сохранении «добр» от распада и перехода в сторонние руки. Подобные же намерения руководили шляхетством и в случае составления ими завещаний в пользу детей. Завещания этого рода исходили из соображений: «въ будущемъ вѣкъ (завещатель) долженъ получить неуклонное воздаяніе какъ [за воспитаніе, содержаніе и распредѣленіе дѣтей своих равно же за употребленіе врученныхъ (ему) отъ благодати Божіей слугъ, подданныхъ и всякихъ имѣній]. Возвышенное представление о своей роли на земле и положении «на том свете» заставляло шляхтича внимательно относиться к вопросу о наследниках и представителях на сем свете. Главным наследником в силу сего назначался не обязательно старший сын, но и другой какой. Правда, обычно таковым являлся старший, представлявший и отца и младших братьев ¹⁾. Но практика кое-где склонялась и в пользу младшего ²⁾. Важно было, чтобы наследник достойно замещал отца и продолжал его хозяйство. Посему-то ему и принадлежали очень серьезные права, в роде лишения иных наследников прав на долю в наследстве: подобные права могли предоставляться только, конечно, лучшему хозяину из сыновей завещателя. Такой наследник мог до известной степени даже не считаться с завещанием. С другой стороны, права его не могли быть никем ограничены без достаточных оснований. Село Белокопытов в Нежинском полку принадлежало п. Заруцкому, от него перешло к его сыну, а когда тот умер, мать отдала своему внуку в наследство в половинном размере, вторую же половину передала племяннику Валкевичу. Невестка протестовала против такого распоряжения свекрови в виду существования подлинного наследника в лице внука. Генеральная Канцелярия, где немаловажную роль играл Валкевич, сначала отказала в иске, но потом ей пришлось пересмотреть свое решение и признать распоряжение старой Заруцкой неправильным, а внука восстановить в наследстве ³⁾. Имущество завещателя, особенно на низах, между его сыновьями обычно шло в раздел. Завещатель, однако, требовал, чтобы, «если меншій синъ старшому своему братови (распорядителю, бывшему «во отца мѣсто») былъ упорнымъ и непослушнымъ, то всѣ грунта мѣють zostавати при старшемъ сыну», как выразительно учит завещание И. Волошина 1677 г. ⁴⁾. Сыновья получали одинаковые доли имущества всегда только в одном случае—для устройства

¹⁾ Ак. кн. Стар. ур., 12, 18.

²⁾ Przegl. Hist., XV, 60.

³⁾ Лазаревский, Оп. Ст. Мал., II, 478.

⁴⁾ Стороженки, VII, 4.

«весілля» ¹⁾). Неравенства в долях наследуемого имущества, кроме способности к хозяйствованью, определялись еще и иными соображениями, напр., жил ли сын после своей женитьбы при отце, много ли израсходовались на него родители во время холостяцкой жизни ²⁾ и т. д. К сыновьям приравнивались и пасынки, имевшие с ними одинаковые права ³⁾). Старшина, однако, добивалась, чтобы оставшиеся в наследство недвижимости, по возможности, не дробились. В 1733 г. И. Забелла в своем завещании высказал пожелание, чтобы его сыновья «жили всѣ совокупне и нероздѣльне» и не смели бы «розделятись а нѣ наслѣдники их». Забелле казалось более рациональным, чтобы и «всѣ рухоміе рѣчи заживались совокупне»; доходами и fructus делиться он предлагал «по потребѣ домовою, походѣ и службу поочередно отбывать з дому отческого, зборами рахуби в той час дѣлит, когда всѣ себѣ малженскій станъ зищуть», вещами хозяйственного обихода «не паюючись нѣчимъ содержать въ сходственню и употреблять когда кому случится з нихъ женитись або отправлять знатніи принятія особи». Забелла не возражал, чтобы индивидуальными были приобретения, сделанные куплею и пр., но советовал «отческого не займать и не употреблять и къ наслѣдству не давать, але самимъ старанне имѣт о своихъ дѣтяхъ заслуговать на урядахъ, а на отчизну не надѣятись» ⁴⁾). Другие старшины так далеко не заходили. Однако и они понимали вред распыления имуществ и потому рекомендовали воздерживаться от разделов. Полетика убеждал, чтобы его сыновья не отчуждали недвижимостей, полученных в наследство; если бы пришлось отчудить кое-что, то отчуждать, по возможности, в пользу братьев, «особливе тому, кто с нимъ совмѣстное или близкое имѣть владѣніе и который заплатитъ пожелаетъ достойную цѣну»; бездетные же вообще не могли, по мысли Полетики, отчуждать своих наследственных участков, каковые по смерти их поступали бы к братьям ⁵⁾). То же видим и в завещании Ханенка, который в § 6 своего тестамена писалъ: «если бы которому из сыновей приключилась необходимость завести что из недвижимыхъ добръ въ закладъ или продажу, то на сторону нѣкому не заводитъ, но долженъ братъ брату или его наслѣдникамъ таковое свое имѣніе завести, а тотъ въ закладъ принять либо и продажею заведенное заплатитъ ему имѣть».

¹⁾ Миллер, Арх., 121.

²⁾ Тр. Полт. Арх., Ком., VIII, 3.

³⁾ Тр. Черн. Пр. К., 46.

⁴⁾ *Ib.*, 11, 12.

⁵⁾ К. Ст., 1895, VII, 90.

Ханенко убеждал и жену свою не отчуждать своего имущества никому, кроме сыновей. При отсутствии детей у одного из наследовавших, Ханенко в § 11 завещания предлагал имение передать брату и его наследникам и, только в случае отсутствия наследников мужского пола, разрешал отдавать недвижимость в раздел между дочерью. Между прочим, в Украине имперские власти стремились ввести вводимый в XVIII в. институт наследования первородных. Но скоро они сами же увидели бесплодность своих усилий в указанном направлении. 5 июня 1730 г. был опубликован указ, по которому порядок этот отменялся, но отчуждение земель в сторонние руки все-таки запрещалось ¹⁾. Украинский правопорядок стоял на точке зрения потомственности владений, шляхта же стремилась к сохранению наследств, по возможности, недробности наследств, но закон о первородстве должен был касаться имущества не только шляхетских, но и имевших с ними одинаковый титул рядовых казачьих, что тормозило бы мобилизацию земель. В виду этого названный указ и не мог быть встречен приязненно. Но указ 1730 г. оказал некоторое влияние на будущее законодательство в отношении казачьих земель, потомственность которых Л. Падалка связывал с распоряжением Екатерины II, по каковому казачья служба неслась с земель, переставших быть отчуждаемыми и сделавшимися общественными в тесном смысле слова, принадлежавшими всему казачьему обществу ²⁾. Говоря о наследовании сыновей, нельзя упускать из виду их семейств. Свекор по смерти сына «невѣстку отправлялъ от себя на ея часть, давши юй бидла, удѣливъ пашнѣ, поля и хату, жебы себѣ гдѣ поидеть замужъ, забрали с плещу», при чем часть сыновнего имущества отбиралась отцом его «на знак памятки» ³⁾. Однако такие случаи в среде шляхетства почти неизвестны, и практиковались они, повидимому, в общественных низах, где в виду ускользания земель мелкие собственники стремились хоть что-нибудь сохранить в своих руках. Шляхетство добивалось сохранения недвижимостей установлением точного порядка в призвании к наследованию. Призывались нисходящие, особенно если наследование шло по закону. Примером может служить наследование по смерти А. Сулимы. Он имел сына Михайла и дочь. Сын наследовал в имениях отца и умер беспотомным. Ему наследовала сестра, тоже не оставившая наследников. Переяславская полк. канцелярия занялась отысканием ближайших наследников, каковых и на-

¹⁾ Баранов, *op. cit.*, II, 233.

²⁾ Тр. Полт. А рк. К., V, 203.

³⁾ Мест. Борисп., № 114.

шла в лице внучатного брата С. Сулимы, который и был введен в наследство ¹⁾. При отсутствии прямых нисходящих призывались боковые и свойственники ²⁾. Отстранялись от наследства обычно по причинам нехозяйственности наследующих ³⁾ или в виду совершившегося выдела, так как он был, по существу, отказом от прав на наследование. Такой же смысл имело и согласие детей на отчуждение имущества, подкрепленное присягою ⁴⁾. На других случаях останавливаться не стоит. Отметим только, что наследуемое имущество уменьшалось при выдаче дочерей замуж, хотя недвижимостей в таких случаях стремились им не выделять ⁵⁾. Наследование сыновей имело большое значение, ибо они связаны были несением службы ⁶⁾ то под бунчуком, то под значком ⁷⁾ и т. д. Служба же предусматривалась и договорными с Москвою статьями,—мимо нее нельзя было пройти ⁸⁾. В интересах-то службы и признавалось право отыскания наследственных недвижимостей ⁹⁾. Рядом с нераздельным наследством достаточно широко практиковался, однако, и раздел, за совершением какового весьма рано, еще при Богдане, стали прибегать к содействию властей, что, впрочем, без достаточных оснований проф. Лучицкий приурочивал к составлению Румянцевской описи ¹⁰⁾. Разделы были популярны преимущественно на низах и известны до Хмельничины. Так, еще в 1603 г. совершон был раздел имущества между наследниками Ляха, «*kożdego czast dōszła, со кому przynależało*» ¹¹⁾. В последующее время разделы увеличились в числе, вызывали множество недоразумений и служили причиной неустойчивого состояния недвижимости. По словам

¹⁾ Мот. Арх., № 34.

²⁾ Тр. Чер. Арх. Ком., X, 6.

³⁾ Зап. Ч. Ст. К., II, 5—6, стр. 263, 306; ср. Стороженки, IV, 516, 523.

⁴⁾ Beseler, Lehre von d. Erbvertr., III, 224.

⁵⁾ К. Ст., 1895, VII, 88; Мот. Арх., № 9; Люб. Арх., 100. О наследовании дочерей см. Dubiecki, Обг., I, 137; Бог. нрав., 304; Соловьев, XIV, 1104; Рус. Арх., 1875, III, 258, 405; Мот. Арх., № 59; Тр. Чер. Пр. К., 23; Ген. сл. Черн. п., 555; Стороженки, I, 27; Люб. Арх., 106 и др.

⁶⁾ Ген. с. Неж. п., 332, 333.

⁷⁾ «Служба под значком» не означает принятия «под значок». Модзалевский отождествлял значковых с протекциантами (Наше Мин., I, 172). Но протекциантами были мужчины и женщины и любого разряда. В одном из актов 1698 г. обозначено принятие Марликовича под протекцию и на службу к значку; Шепеловичка взята была только «в протекцию», сын же ее в компут значкового товариства. Таким образом, описанные институты различны по содержанию.

⁸⁾ П. С. З., № 376, 617.

⁹⁾ Ак. кн. Стар. ур., 60.

¹⁰⁾ От. Зап., 1882, XI, 103.

¹¹⁾ Мест. Борисп., № 70.

автора одного доноса-памфлета конца XVIII ст., разделы в Украине не могли быть тверды, ибо малолетние, придя в совершеннолетие, могли требовать нового раздела, «развѣ таковой пришедь в совершеннолѣтіе, провладѣль по тому раздѣлу 10 летъ, буде ни провладѣль, то ему еще открыто право уничтожить оное». Но общее владение связывалось с большими недоразумениями, почему памфлетист предлагал издать закон об обязательном разделе имущества в завещаниях, при отсутствии же его наследники обязательно разделились бы, несмотря на желание общего владения, через 2 года власть по своей инициативе производила раздел наследства ¹⁾. Таким путем предполагалось установить крепость старшинских недвижимостей. Сама жизнь стояла за то же. К. Мокриевич «з ласки войсковой владѣль с. с. Сибереж и Ямище и млинами, «в ровномъ подѣлѣ спадковимъ правомъ по смерти родительской, на его сторону належачими» ²⁾. С. Жоведь сотником Войцеховичем было разделено между его тремя сыновьями ³⁾. Ради невыделения реальных частей из имущества практиковалась выплата другим наследникам, только бы недвижимость оставалась в целом виде ⁴⁾. Подобным же образом производился раздел и между дочерьми ⁵⁾. При разделе присутствовали и представители военной власти и духовенства для «ствержения правом духовным», но преимущество все же было на стороне светских властей ⁶⁾. Раздел требовал от делящихся выявления воли в смысле удовлетворения и неудовольствия совершившимся разделом, что вносилось в акты книги. После раздела наследники вступали в права собственности, и завещатель, буде бы он был в живых, уже не мог ограничивать ⁷⁾ выделившихся ⁸⁾. Бывали семьи, состоявшие только из дочерей. Завещать им имущества значило передавать в чужой род. Для избежания этого шляхетство предпочитало принять зятя. Приймаку в таких случаях ставился целый ряд условий. Характерным в данном отношении может считаться условие между Михаленком и Хлусенком 1662 г. «Пріймуючи Е. Михаленка В. Косячъ Хлусенокъ за зятя до себе, постановиль з нимъ такъ, же мѣль ему Евстратъ служить рокъ 6 и по выстю тѣхъ литъ 6 мѣль ему дать во всемъ своемъ добромъ

¹⁾ Зам., до Мал. Рос. относ., 37—38.

²⁾ Ген. сл. Черн. п., 325.

³⁾ *Ib.*, 67.

⁴⁾ Мот. Арх., № 41.

⁵⁾ Тр. Полт. Арх. Ком., VIII, 5.

⁶⁾ Мест. Борисп., № 127.

⁷⁾ Стороженки, IV, 37—38.

⁸⁾ К. Ст., 1891, I, 133.

часть третью». «Аже тесть есть», говорится дальше в том же акте: «не доживши тѣх лѣтъ, з сего свѣта сходитьъ, еще заживо того зятя своего Евстратъ учинилъ опекуномъ у внука своего... а онъ ему также мѣлъ служить» ¹⁾. Стало быть, положение приймака было то же, что и не обладавшего личным имуществом супруга. С целью выявления хозяйственных способностей приймаков и зятьев на своем имуществе их подвергали ограничениям. Одна из дочерей бунч. тов. Борковского перед Сулацким походом вышла замуж за Забеллу, тогда же унаследовавшего от своего отца значительное имущество. Борковский, несмотря на то, что походы доставляли участникам немалые выгоды, настоял, чтобы Забелла «пристойно правуючися, никуда на мѣстца непотребные на войну не ходилъ, але в дому день и ночь найдуючися, пилноваль господарства, якобы оному не сталъ ущербъ який» ²⁾. Благодаря стремлениям не дробить имущества разделами и передавать их в руки хозяйственно-способных людей—сыновей и зятьев, шляхетство, при помощи залогов, скупки и пр., сосредоточило в своих руках громадные земельные капиталы. Низшие же слои населения в виду недостатка в деньгах и преобладания мелкой собственности должны были лишаться сначала земель путем займов, разделов и продажи, а потом и свободы. Раздельные имущества легко подвергались мобилизации, ибо правом отчуждения недвижимостей пользовались все разряды населения. Оно представлялось привилегией и в качестве таковой давалось, напр., при создании новых поселений. При открытии в 1689 г. Новобогородицкой крепости новопоселенцам дано было право «своими грунтами и дворами и всякими заводы владѣть и волно продавать поволною цѣною безо всякого принужденія и помѣшки» ³⁾. Разрешение на отчуждение недвижимостей признавалось и российским правительством и украинскими властями ⁴⁾. И на приобретение земель набросились и украинские и русские верхи. Из-за конкуренции в данном деле появилось довольно большое законодательство, не отличавшееся устойчивостью и то стеснявшее права иностранцев по приобретению недвижимостей, то разрешавшие покупки. Уже в 1669 г. украинские представители в Москве добивались того, чтобы московские люди не покупали в Украине земель ⁵⁾. То же предусматривалось в § 15 договорных статей при Многогришном. Несмотря на то,

¹⁾ Филарет, Оп. Черн. Еп., VI, 49—50.

²⁾ К. Ст., 1883, VII, 515.

³⁾ Эварницкий, Ист., I, 140.

⁴⁾ Диар., 40.

⁵⁾ А. Ю. и З. Р., VIII, 39.

русские, по всей вероятности, покупали недвижимости, так как этот вопрос вновь был поставлен в 1728 г., когда русским подобные покупки были вновь запрещены ¹⁾, хотя в § 15 решительных пунктов при Д. Апостоле такое запрещение снималось и укр. старшина была компенсирована признанием за нею прав на покупку недвижимости в России ²⁾. Протесты, тем не менее, продолжались ³⁾. Последовала новая отмена ⁴⁾. Но в 1740 г. издано было сепаратное распоряжение о праве покупки недвижимости перешедшим на русскую службу грузинским дворянам, поселенным в Украине ⁵⁾, а затем и волохам, как состоявшим, так и не состоявшим на российской службе ⁶⁾, равным образом некоторым русским военным чинам ⁷⁾. В следующем году Сенат запретил приобретать только казачьи грунты (прочие могли быть отчуждаемы) и даже отобрать купленные ⁸⁾. Через четверть века вопрос об отчуждении низшими группами украинского населения поднят был Малороссийскою Коллегией, которая думала найти выход в том, чтобы казачьи земли обращались только между казаками, крестьянские же отчуждаться вовсе не могли ⁹⁾. Таким образом, в 1767 г. относительно казачьих земель было признано то же самое право, какое провозглашено в 1727 г. ¹⁰⁾. О крестьянских же землях проект по существу говорил как о принадлежащих помещикам, ибо и самые крестьяне в проекте Мал. Коллегии названы владельческими. Заявление Малороссийской Коллегии означало, строго говоря, конец земельной мобилизации. Выделы и разделы ослабляли экономическую мощь сельского хозяйства, что в пору потрясений, каковою являлась вторая половина XVII в. и первые десятилетия XVIII стол., должно было, естественно, обратить на себя внимание правительственных кругов, которые не останавливались в некоторых случаях пред запрещениями разделов ¹¹⁾. Индивидуальное хозяйство предполагает экономическую свободу, как гарантию самостоятельного хозяйствования. Важно было не геометрическое равенство отдельных хозяйств и уго-

¹⁾ Диар., 89.

²⁾ Ригельман, III, 131.

³⁾ Судиенко, Мат., I, 97.

⁴⁾ П. С. З., VII, № 5077, 794.

⁵⁾ Иб., XI, № 8129, 148.

⁶⁾ Сен. Арх., II, 174.

⁷⁾ Иб., II, 107.

⁸⁾ Петров, Оп. рук. собр., III, 180.

⁹⁾ Сб. Р. И. О., XLIII, 236.

¹⁰⁾ Ригельман, III, 128.

¹¹⁾ К. Ст., 1886, III, 597.

дий, чего и не наблюдалось, а возможность удовлетворения насущных потреб получением fructus с хозяйства, какое данный владелец мог иметь при наличности своих сил и инвентаря. Экономическая свобода являлась движущей силой при обращении земель сначала, главным образом, среди крестьянства и казачества ¹⁾). Обращение земель в среде мелких собственников обнаружено на другой день революции. В 1657 г. казак Тумченко продал свою сечу казаку же Самохвалу; в 1692 г. мельник Бутенко продал камень казаку Савичу ²⁾), подобную же продажу наблюдать можно между ичанцами Коломийченком и Молотком ³⁾); в 1666 г. Л. Стециха продала свою хату А. Матвеенку ⁴⁾). Обращаясь к актовому материалу, собранному в «мейских» книгах, находим, что в Борисполе с 1648 г. по 1698 г. было отчуждений нивы 7 случаев, дворов—5, домов—14, хуторов—3, плещов—3, огородов—1, всего 33 случая. В первой актовой полтавской книге продано—домов 1, дворов—2, плещов—1, хуторов—2, нив—4, всего 10 случаев. По 2-ой актовой книге за время с 1664 г. по 1671 г. отчуждено продажей—лук—1, ставков—2, нив—5, байраков—1, грунтов—21, сеножатей—12, займок—2, солодовен—1, комор—1, домов—17 и хуторов—5, всего 67 случаев, и с 1672 по 1680 гг.—комор—1, лесов—2, лук—2, дворищ—2, байраков—3, хуторов—4, плещов—5, млинов, домов и нив—по 7, дворов—10, сеножатей—10, сечей—19 и грунтов—26, всего 105 случаев. Для XVIII стол. за время с 1730 по 1743 гг. во всех свободных маентностях по купчим продано 2275 дворов с грунтами, без грунтов и пр. и без совершения купчих 3157 дворов ⁵⁾). Таким образ., в XVIII стол. на год в среднем приходится свыше 380 случаев отчуждений, между тем на год в 60-х гг. XVII ст. приходилось менее 10 отчуждений, в 70-ых гг. меньше 14 случаев, стало быть, отчуждения увеличились от 28 до 38 раз. В связи с широким земельным оборотом находилось не только обезземеленье вообще, но обезземеленье казачьего сословия в частности. В XVIII стол. казаки стали рассматриваться как посполитые, так что живший в державческой маентности и желавший продать свою землю казак должен был предварить помещика об имеющей совершиться продаже, и державца имел право преимущественной покупки, и только при отказе помещика от приобретения земли казак мог

¹⁾ Филарет, ор. с., III, 238.

²⁾ К. Ст., 1887, IX, 153—154.

³⁾ Ib., 1884, II, 207, 208.

⁴⁾ Ак. Полт. гор. ур., I, № 223.

⁵⁾ Барвицкий, Крестьяне, 151.

продать свою землю иному. Иначе державца имел право силою отнять проданное, уплативши покупателю затраченную последним на покупку сумму. Лазаревский догадывался, что таково было общее правовоззрение ¹⁾. В действительности же пред нами слегка измененная норма Лит. Статута. Казачество, правда, на писанное право смотрело с некоторым пренебрежением, предпочитая ему «респект» Войска ²⁾. Однако жизнь делала свое, и формальному моменту отводилось настолько места, что о респекте можно было забыть и, наоборот, прийти к высказанному в 1734 г. грамотою положению: «въ полковихъ свободнихъ селахъ и владѣльческихъ маетно-стяхъ ежели козаць грунтъ свой продасть и самъ паки на немъ будетъ жить, тому всякіе по пропорціи именій своихъ посполитіе повинности отдавать и чинить должно» ³⁾. Грамоты, в роде приведенной, открывали пред шляхетством Украины широкие перспективы. Имея денежные фонды, шляхетство принимало самое деятельное участие в приобретении недвижимостей, принадлежавших низшим классам, хотя в то же время принципиально, повидимому, ничего не имело против поддержания казачьего землевладения. Об этом свидетельствует «Прошение о возстановленіи правъ Малороссіи» ⁴⁾. Приобретение старшиною и потом вообще шляхетством казачьих и крестьянских недвижимостей началось очень рано. В 1651 г. лубенский житель П. Бутенко продал свой хутор И. Кулябке, в 1653 г. то же сделали С. Цилюрик и казак Мартын ⁵⁾. В 1654 г. Ю. Иванович продал свой ставок у с. Рабух И. Голубу ⁶⁾; в 1687 г. пирятинец Додока продал свою лозу и ниву сотнику Вакуленку ⁷⁾; в 1710 г. проданы пирятинскому сотнику грунты ⁸⁾; гетман Самойлович купил с. Марчишину Буду у жены казака Марка ⁹⁾, в 1691 г. братья Лавриненки продали свое поле размерами в 10 нив И. Забелле ¹⁰⁾, тогда же и ему же продан мещ. Загородченком лес с сеножатью, за ними последовали со своим гаем Дмитриха, Пантелеев, Гудимиха, Проциха и пр. ¹¹⁾. В 1699 г. «обы-

¹⁾ Рус. Арх., 1880, I, 145.

²⁾ Ген. сл. Черн. п., 420.

³⁾ Мот. Арх., № 44; Маркевич, Дн. Зап., II, 396.

⁴⁾ К. Ст., 1883, VI, 333.

⁵⁾ Ib., 1886, I, 2.

⁶⁾ Ib., 1885, V, 2.

⁷⁾ Стороженки, VII, 6.

⁸⁾ Ib., I, 15.

⁹⁾ Ген. сл. Неж. п., 63.

¹⁰⁾ К. Ст., 1883, VII, 522.

¹¹⁾ Ib., VII, 523.

ватели райгородские Петро и Роман с товариством» продали И. Забелле же курень и берег по речке ¹⁾ и т. д. В XVIII ст. происходило то же самое. В 1721 г. известен ряд случаев замаскированной продажи недвижимостей старшине ²⁾. В 1715 г. ген. судья И. Чарныш купил стоившую 600 зол. ниву за 10 зол. и 8 коп. гр. ³⁾; в 1731 г. сотник Кулябко произвел покупку нескольких паев и померок в с. Волчке в Лубенском полку ⁴⁾; в 1741 г. сотн. Стороженко произвел покупку лана у казачки Хоменчихи ⁵⁾. Покупались как отдельные лоскутья земли крестьян и казаков, так и целые селения ⁶⁾. Переход недвижимостей к шляхетству шел столь решительным и быстрым темпом, что уже при Мазепе казаки жаловались на то, что «изъ которого села прежде выходило на службу козаковъ по 150, выходит только человѣк по 5 или 6» ⁷⁾. В Комиссии же по составлению Проекта Нов. Уложения 1767 г. разыгрался настоящий скандал, когда хоперский депутат Алейников прямо отметил незаконные покупки земель у казачества и крестьян в Украине и разорение масс ⁸⁾. Так как переход земель ставил украинское правительство в тяжелое финансовое и экономическое положение, то оно иногда делало робкие шаги к ослаблению скупки земель. Мазепа, например, пытался ослабить скупку при помощи «грозных» универсалов. В 1691 г. он приказал, «абы кгрунтов жадних здавна козаками завладѣннихъ, хочъ бы такъ доводилось, же за державы польское панскими найдовались, опрочъ хйба бы такіе панскіе давніе кгрунта, пусто, а не в подѣлу и заживанню козацкомъ найдовались, то можно бѣ державцом нинѣшнимъ владзою своею огорнути. А кто би смѣл козаковъ въ подданство приневоляти або одийскати з подданных, здавна владзѣ их будучии кгрунта або витискати оних з маетностей, противъ такого каждаго на отпоръ стати хочемъ, маючи намѣреніе у такового упорного державци маетности во общее владѣние войсковое одобрати роскажемъ» ⁹⁾. В 1692 г. гетман выражался более определенно и принялся даже отбирать земли у малозаметной старшины. «Которые особы еще в Войску и в народѣ мнятся бытъ к службѣ негодными, а за нашими уни-

¹⁾ К. Ст., 1883, VII, 524.

²⁾ Лазаревский, Оп. Ст. Мал., II, 82.

³⁾ Модзалевский, Ген. судья И. Чарныш, 66.

⁴⁾ К. Ст., 1886, I, 8.

⁵⁾ *Иб.*, 1884, II, 215.

⁶⁾ *Иб.*, 1886, I, 5—6.

⁷⁾ Соловьев, XIV, 1221.

⁸⁾ Сб. Р. И. О., VIII, 215, 376.

⁹⁾ К. Ст., 1892, I, 140.

версалами къ маетностямъ приобщилися, тихъ угодно бы отъ того владѣнія отставить и уже нѣкоторыхъ такихъ въ полтавскомъ полку отъ маетностей оставили есмы и тѣ маетности въ общую городовую власть привратили, угождая тому, дабы посполство нареканія не чинило»¹⁾, писал по сему поводу Мазепа. Наконец, в 1706 г. он приказал Лизогубу возвратить слабинским казакам 43 захваченных у них грунта и маетка²⁾. Подобным же образом поступал и Скоропадский, приказавший Чарнышу возвратить продавцам все их имущества³⁾. Апостол поступал довольно резко в отношении лиц, позволявших себе скупки и нарушение решительных пунктов. Когда российский министр-резидент Наумов вздумал продать некоему Фаю с. с. Стахорщину и Блистовую, гетман приказал не платить Наумову денег и предупреждал, что в случае уплаты они пропадут⁴⁾. Вообще же запрещалось, «дабы по силѣ запретительныхъ ордеровъ безъ малѣйшя отмѣни чинили исполненіе подъ опасеніемъ имъ истязанія и жесточайшего штрафа»⁵⁾. Распоряжения, однако, мало помогали делу как до, так при и после Мазепы и Скоропадского. Процесс отхода земель к помещикам непрерывно продолжался. 2 июля 1725 г., напр., в березинских хуторах продала пану Евлашенку дьяконова теща «свой власній дворъ з строеніемъ хоромнимъ»; в 1726 г. жители Миргородского полка Г. и П. Артемовы «в уездѣ любецкомъ в грунтѣ антоновскомъ продали четвертую часть во всякихъ земляных и сенокосных и селових угодіях без всякого примусу и без нужди» черниговскому еп. И. Жураковскому, и, между тем, продавцы сознавались, что крепости на их имущество у них «отобралъ покойній черниговскій полковникъ П. Полуботокъ и донинѣ з дому его Полуботкового оныя крѣпости не отданы»⁶⁾. В 1754 г. возникло целое дело о покупке подполк. Качаловым земель у казаков Старосанжаровской сотни Полтавского полка; полковая канцелярия старалась выйти из неприятного положения, ибо купчая была явлена ей, и, хоть поздно, но объяснила, что купчая «неисконфирмованна»⁷⁾. Старшина ограничивалась только тем, что не протестовала против внесения сделок в актыные книги, в коих подчеркивалось, что сделки совершены с отчетливым пред-

1) К. Ст., 1891, I, 2.

2) Об. Рум. Оп., 36—37.

3) Лазаревский, Оп., Ст. Мал., I, 47.

4) Судиенко, Мат., I, 121.

5) К. Ст., 1884, I, 144—145.

6) Арх. Мал. Кол., № 257, Черн. Отд.

7) Ib., № 729. Полтав. От.

ставлением о том продавцов, которые «свою продажу очевисте сознавали»¹⁾. Скупки оканчивались для крестьян и казаков утратою земель и пролетаризацией масс, не умевших после отчуждений принимать участие в налоговой и финансовой системе республики. «Здырства» и «скупли» стали предлогом для введения Малороссийской Коллегии. Они же вызвали к жизни и ряд комиссий и распоряжений, коими если не аннулировались, то оспаривались скупки. В одном из распоряжений значится: «о посполитихъ людехъ—показаніе двори и грунта отобравъ, отдать (продавцам) посполитимъ для того, понеже какъ по слѣдствію показалось, тѣ купчіе неправилніе, потому что онимъ продавцамъ означеннихъ въ тѣхъ купчихъ денегъ (не выдано), а инніе показали, что они и купчихъ не давали, другіе же толко торгъ имѣли, а купчіе толко для вида дали, а инніе и не продавали, но, повидимому, сам (помещик, в данном случае Лизаневич) на кого хотѣлъ, купчіе велѣлъ писать на ратуши»²⁾. Но, одною рукою производя следствия и констатируя беззакония, гетманское правительство другою писало разъяснения, что крестьяне обязаны были во всем, а в отношении земли в частности зависеть от помещиков. «Обивателей купля владѣльческихъ не силна, но должна отъ нихъ отобрана и владѣльци быть отдана, ибо тѣхъъ грунтовъ подданіе в продажу пускать не должны, точію то оніе мужики учинили затѣмъ», говорится о частном случае отчуждения, «что они были безъ настоящего владѣльца, который могъ би имъ в продажи тѣхъ владѣльческихъ грунтовъ учинит воспрещеніе», почему «купленіе гаи и поле пахотное мужичіе дояжно одибрать и отдать во владѣніе (помещику), яко неправилно купленіе»³⁾. Таким образом, интересы помещиков ставились выше всего, и помещики в осуществлении своих интересов ссылались на норму, действительно содержащуюся в Лит. Статуте. Скупки вызывались к жизни хозяйственными соображениями. Шляхетство стремилось округлить свои владения и иметь их в кулаке. Переяславский полк. Сулима купил прилегающий к его владениям кусок Полюкелской и прилегающий к последнему кусок земли казака Гошкала⁴⁾. В 1681 г. Л. Полуботок имел купленную половину грунта Мишуковщины, и к ней гетм. Многогришный «прилучил и другую таковую часть грунту, такожь Мишуковщиною прозиваемою, якую-то часть завладѣлъ былъ неналежне Унучко, тая часть стыкается сумежь з тою

¹⁾ Дн ар., 30.

²⁾ Мот. Арх., № 82.

³⁾ Ib., № 44.

⁴⁾ Ib., № 24.

его купленную часть, в которой то другой части найдется слободка осаженная и млинъ»¹⁾. Земля приобреталась помещиками «по приличеству удобности кгрунтовъ»²⁾, в виду помежности³⁾ и по иным соображениям, ибо, как писал в 1770 г. П. Разумовский М. Стороженку: «в чьем владѣнии земля, то тому и вся корысть будетъ». Система огораживанья и округления панских имений доходила до карикатурности. Загораживалась дорога, ведшая к гумну, огораживались водопои⁴⁾, забирались на помещика пустощины, «а гдѣ людское близъ лану державского, тое приймалося на державца жъ»⁵⁾, отнимались отдельные дворы⁶⁾ и проч. Стремлениями помещичьего класса к округлению владений продиктованы были представления шляхетства о том, чтобы оно не ограничивалось в свободе движения недвижимостей, о чем хлопотали в своих наказах в Комиссию 1767 г. черниговцы, полтавцы, гадячане и др.⁷⁾. Население, с своей стороны, убеждало ту же Комиссию об «утвержденіи занятыхъ предками казачіими земель, на кои никакихъ крѣпостей не имѣють и об отдачи по-прежнему во владѣніе грунтовъ, находячихся подъ Новою Сербією»⁸⁾. Черниговское казачество в своем наказе настаивало, чтобы «волностями и преимуществами козачими ползуются козакамъ» и захваченные у казачества земли возвратить⁹⁾. В докладной записке 1781 г. Румянцев писал: «втечение прошедшихъ лѣтъ было запрещено козакамъ то частями, то вовся продавать и у нихъ покупать ихъ имѣнія; запрещеніе въ томъ ни въ какую имъ пользу служить не могло, потому что многіе одинокіе козаки имѣвъ достаточніе грунты и не могучи ихъ по одиночеству обрабатывать, принуждены были оставлять бесполезными, а семейные, но в грунтахъ недостаточные, приобрѣвъ оныя, могли ихъ обращать и для службы и для своей пользы»¹⁰⁾. Румянцев просил о поддержке народного землевладения, не замечая, что уже с XVIII в. Украина перешла к денежному хозяйству, что у народа не было средств и что для получения их был единственный источник—продажа

¹⁾ Миллер, Арх., 110.

²⁾ Стороженки, I, 101.

³⁾ *Иб.*, I, 15.

⁴⁾ Лазаревский, Оп. Ст. Мал., II, 457.

⁵⁾ *Иб.*, II, 147.

⁶⁾ Лазаревский, Оч., III, 367.

⁷⁾ Алексеенко, Малор. в 1767 г., 38, 39, 43.

⁸⁾ Наказы, 164—165, 166.

⁹⁾ *Иб.*, 146.

¹⁰⁾ К. Ст., 1884, XII, 695—6.

земель. Компуты казацки подтверждають, на сколько далеко завела мобилизация земли. Гадацкий компут 1723 г. дает пропорцию земельных и безземельных 1:0,9, тот же компут за 1735 г. пропорцию делает обратную—19:26, т. е. число безземельных увеличилось, по крайней мере, в 1,5 раза¹⁾. Факт пролетаризации населения на лицо. Если же обратиться к числу земель в среде казачества по Переясл. полку для выяснения отношений, как велика была цифра наследственных имуществ к прочим, то получатся такие пропорции: 10:17, 13:19, 8:12, 84:149, 42:67, 80:87, 18:21, 3:8, 19:24 и т. д.²⁾ На основании изложенного приходим к выводу, что завещательное право, разделы наследств и продажа передали в руки помещиков большую часть земель³⁾. Сверх описанных легальных способов приобретения недвижимостей от населения, практиковались еще способы нелегальные. Сильнее других привился голый захват крестьянских имуществ, завещанный польским шляхетством. Уже въ 1657 г. слышались непрестанные жалобы на грабежи, творимые ратными людьми. Шереметев хвастал отнятием имуществ у всего украинского населения⁴⁾. Полковник Солонина жаловался царю на то, что «воеводы и головы стрѣльцкіе, идучи дорогою, у бѣдных людей дворы пограбили, разорили, сѣна всѣ потравили, кради и силою отнимали»⁵⁾. Украинское

¹⁾ К. Ст., 1883, II, 313, 314.

²⁾ Лучицкий, Мат., I табл.

³⁾ О мобилизации земли в связи с затронутыми здесь вопросами см. К. Ст., 1892, IX, 411; Филарет, Оп. Черн. еп., III, 238; О б. Рум. Оп., 72; Лазаревский, Оп. Ст. Мал., II, 366;—К. Ст., 1883, VII, 510; 1891, I, 133; 1883, VII, 512; Лазаревский, ор. с., II, 385; III, 296, 218; Стороженки, I, 99.—Акт. кн. Полт. гор. ур., II, № 9, 96, 101; III, № 25, 155;—Рус. Арх., 1875, I, 97, 442; Стороженки, IV, 36; Мот. Арх., 112;—Акт. кн. Полт. ур., II, № 17, 37, 88;—Костомаров, XIII, 205; Филарет, ор. с., II, 32; Модзалевский, Оч., 92—94; Лазаревский, ор. с., III, 113, 118;—Права, XII, арт. 2, § 5; XIV, арт. 3, § 1, 4; IV, арт. 9, § 3; Чт. М. О. И. и др., 1848, I, 113; Л. З. А. К., XVII, 27; Акт. кн. Стар. ур., 48, 61; Квачевский, Пр. жен. 51, 48, 61; Кассо, Позем. пр. 17;—Тр. Черн. Пр. Ком., 53;—Стороженки, VII, 38, Люб. Арх., 229;—Тр. Черн. Арх. Ком., X, 152, 153; Ген. сл. Черн. п., 671;—Тр. Черн. Пр. Ком., 56;—Стороженки, VI, 17, 551, 552, 594; Мест. Борисп., № 65; Мот. Арх., № 24, 36, 16, 17, 23; Модзалевский, Малор. Род., I, 365; Стороженки, III, 8; Акт. кн. Полт. ур., I № 21; Люб. Арх., 227; Ген. сл. Черн. п., 666; Маркевич, Дн. Зап., II, 220; Ханенко, Диар., 43, 22; Стороженки, I, 44, 43; Акт. кн. Полт. ур., II, № 2, 6, 20, 55, 138, 48, 24. Каждый из поднятых, вопросов совершенно не разработан и может стать предметом особого специального исследования.

⁴⁾ А. Ю. и З. Р., VI, 137.

⁵⁾ Соловьев, XIII, 450.

шляхетство поступало не лучше. История украинских общественных низов полна шляхетским грабежом не только движимостей, но и недвижимостей. Бруховецкий в 1662 г. писал: «нынче у насъ гетманъ, полковники и начальные люди всѣ города, мѣста и мельницы пусто-порожня разбирали по себѣ»¹⁾. Потом занялись и не пустопорожними. Прилуцкий полковник Горленко «сыломицю посѣдалъ людскіе грунты» и «такое стѣснение сдѣлал хуторами своими, что куда ни глянешь, все его хутора и все будто купленные, а купчія беретъ, хоть и не рады продавать»²⁾. Для захватов земель шляхетство не разбиралось в средствах. Освободил полковник Свечка казака «от работизнь дворовых», на каковые и права-то не имел—казак Улезко принужден за то отдать ему половину своего гая; освободил другого от Кизикерменского похода, на что тоже его закон не уполномачивал—и освобожденный отдает ему свою землю на Заречьи³⁾. Украдено у помещика сено—крестьяне обязаны отдать помещику свое и вынуждаются еще свезти его на панский хутор⁴⁾. У городов силою отнимались и селения и крестьяне⁵⁾. Как велики и бесцеремонны были захваты, доказательством может служить факт, что в 1739 г. в Со-сницкой сотне Черн. полка при ревизии скрыто было до 400 дворов, в Новгородской—до 1.300. Проверявший данные ревизии и открывший сокрытия войск. канцелярией Федорович (он, между прочим, установил, что поверстано было в подданные более 22.000 казаков и скрыто более 44.000 посполитых дворов) за разоблачения поплатился службой⁶⁾. Азарт к захватам распространился на всякую недвижимость. К моменту назначения гетманом Разумовского из гетманского имущества убыло 17 рыбных озер, так что для гетмана осталось 2 озера⁷⁾. Присваивались и ранговые и свободные земли, стававшие предметом оборота, захватывались старшиною даже казенные пушки⁸⁾. В стремлении обладать все большим числом недвижимостей помещики прибегали к насильственным захватам имений своих же собратьев. Так, в 1725 г. настоящая война предпринята была против А. Полуботка⁹⁾. Чтобы обезопасить себя и собственное имущество от

1) Соловьев, XI, 110.

2) Рус. Арх., 1875, II, 249, 252.

3) Стороженки, VI, 430, 448.

4) Мот. Арх., № 75—76.

5) Ханенко, Диар., 193.

6) Барвинский, Очерки, 16.

7) Сб. Хар. Ист.-Фил. О., III, 329—330.

8) Чт. М. О. И. и Др., 1882, III, 28.

9) Арх. Мал. Кол., № 257, Полт. Отд.

захватов, свободное крестьянство само признавало себя подданными заинтересованного в том помещика, мелкие же шляхтичи хлопотали об учреждении над своею недвижимою даже опеки¹⁾. Можно было принести на виновных, куда следует, жалобу. Но и самые высокие уряды болели обще-шляхетскою болезнью захватов. На Самойловича, например, доносили, что «государево жалование соболиное и обяренное, на другихъ присланное, гетманъ себѣ забралъ»²⁾. В доносе на Мазепу в 1691 г. указывалось, что он «казны позабиралъ и за тое маетности сестрѣ своей покупилъ и покупаетъ»³⁾. При благоприятно слагавшихся для обиженных обстоятельствах, жалобы все-таки подавались. На лубенского полковника Маркевича при Петре I поступило 28 жалоб об отнятии грунтов и иных имуществ, а всего на него принесено было 108 жалоб⁴⁾. Такие же жалобы приносились на генер.судью Чарныша, сотника Лисовского, Вакуленка и др. Как бы то ни было, но при помощи разных средств⁵⁾ в Украине образовались шляхетские латифундии, в коих помещики устанавливали свою юрисдикцию, открывали ярмарки, устанавливали с населения сборы, селения стали представлять собою уже не союз родовых хозяйств, а сумму механически связанных отдельных крестьянских дворов. В такой новой деревне уже было возможно перейти и к Flurzwang, и правильно и однообразно поставленному сельскому хозяйству, основанному на более интенсивной системе, выгонам, уравнительному наделению подданных землею и т. п. явлениям, считаемым остатками общинной организации Украины.

В аналогичном с помещичьим положении находилось и монастырское хозяйство. Уже в Польском государстве громадные монастырские владения обращали на себя внимание общества и государства⁶⁾. Украинские монастыри шли тем же путем стяжания недвижимых имуществ. Со времен гетм. Сагайдачного в пользу монастырей старшина производит дарения, легаты и т. д. Религиозные недоразумения поставили на защиту православия казачество, в среде которого появилась мода помогать монастырям, строить их и церкви. Самойлович прославил себя созданием Мгарского монастыря, на который отписаны были недвижимости⁷⁾. Мазепа строил и ремонтировал

¹⁾ Тр. Чер. Арх. Ком., V, 23.

²⁾ Соловьев, XIV, 1010.

³⁾ Бантыш-Каменский, Источ., II, 3.

⁴⁾ Тр. Полт. Арх. Ком., I, 110—114, 127.

⁵⁾ Алексеенко, оп. с., 21, 80.

⁶⁾ Encykł. powszech., XV, 963.

⁷⁾ Тр. Полт. Арх. Ком., XIII, 38—40.

Киевскую Лавру и тем прославился, и т. п. Хмельницкий универсалом 1654 г. приказывал, «абы жаденъ зъ полковниковъ, сотниковъ и атамановъ маестностей, епископству черниговскому належачихъ и гдѣ колвекъ знайдующихся, заезждити и в посессію отбирати перешкожал»¹⁾. После Богдана пожертвования не переставали поступать в монастыри, при чем размеры жертвуемых недвижимостей были подчас очень значительны. Еп. черниговский Л. Баранович в 1657 г. получил от Хмельницкого I доминиканский Троицкий монастырь со всеми его угодьями и землями²⁾. В 1670 г. гетм. Дорошенко пожертвовал черниговской епископской кафедре 4 села, Мазепа—одно³⁾. Земли, принадлежавшие польско-католическим храмам, по общему правилу, «приворочались» православным монастырям, и выданные им надданыя подтверждались универсалами⁴⁾. Пожертвованиями полон и XVIII в.⁵⁾. Но духовенство все не удовлетворялось и просило о новых то прямо, то прибегая к эзоповому языку — плач на тяжелые материальные условия, недостаток «пропитания» и т. п.⁶⁾. В стремлении к созданию крупных хозяйственных предприятий духовенство готово было отказаться даже от некоторых своих старинных прав. Так, в интересах невмешательства светской власти в монастырские экономические дела, черн. еписк. Жураковский—в 1723 г. отказывался от представительства духовенства «в суды справъ мирских»⁷⁾. В то же время Жураковский энергично занимался приобретением недвижимостей⁸⁾. Не довольствуясь жертвованиями старшины и народа, украинское духовенство просило жертвований и у московских властей, охотно выдававших грамоты «на села и озера и на всякія угодія, пустоши, поля и слободки»⁹⁾. Владения монастырей были громадны¹⁰⁾. Опись недвижимостей только Киево-Михайловского монастыря состоит из 72 листов¹¹⁾. В 60-ые гг. XVIII ст. церкви принадлежало 14.000 дво-

¹⁾ Филарет, Оп. Черн. еп., I, 35, 38.

²⁾ *Ib.*, I, 37.

³⁾ *Ib.*, I, 51, 53.

⁴⁾ *Ib.*, III, 13, 60, 121—122, 123—125; IV, 117, 162; V, 417.

⁵⁾ Зап. Н. Т.—ва ім. Шевченка, XXX, 40.

⁶⁾ Филарет, *op. c.*, III, 66.

⁷⁾ *Ib.*, I, 83.

⁸⁾ Арх. Мал. Кол., № 220, Черн. Отд.

⁹⁾ А. Ю. и З. Р., XII, 616, 618.

¹⁰⁾ Ж. М. Н. Пр., 1852, LXXV, 12.

¹¹⁾ Петров, Оп. рук. собр., III, 139, 165. Превосходный анализ статей, касающихся имущественных прав укр. духовенства, у Карпова, Прав. Об. 1874. I, 132, 134, 138—142.

ров, в действительности гораздо больше. Росту земельных монастырских и церковных имений содействовало и завещательное право. Во многих тестах находятся указания на легаты на «помин души». Таково, напр., завещание нежинского жителя Алая, отписавшего все свое имущество монастырям и церквам¹⁾. Иногда вырученные от продажи суммы шли в пользу церкви, как то видно из дела И. Коробочки в 1664 г.²⁾. Отказанные в пользу монастырей недвижимости можно было, впрочем, выкупать родственникам завещателя. Однако за церковью и в таком случае признавалось право преимущественного приобретения после кривных «і до того ґрунту ближшихъ»³⁾. Духовенство, как и старшина, знало значение легатов и стремилось к тому, чтобы они были надлежащим образом оформлены⁴⁾. Скоропадскому принадлежит два закона, регулировавшие легаты в пользу церквей. По первому всякий переход недвижимости к церкви должен был иметь санкцию гетмана и согласие ближайших родственников⁵⁾. По второму раз дарованное монастырю имение могло быть уменьшено впоследствии, что проделал сам «гетман-плахта» с нежинским Петропавловским монастырем, отнявши у него половину подаренных рыбных ловель⁶⁾. Был и еще один источник монастырских богатств. Это—поступления от монашества по их смерти в пользу монастырей. Украинские монастыри, повидимому, мало считались с монастырскими уставами, своими руководствами⁷⁾. Этому способствовали распоряжения имперского правительства 1737 г., 1741 г. и пр.⁸⁾, а также сложившаяся в Украине практика, в силу которой монахи могли наследовать⁹⁾; в пользу же монастырей поступали и выморочные имущества¹⁰⁾. Монастырские имущества представляли собою хорошо налаженные хозяйства, стоявшие по культуре даже выше помещичьих, чему способствовало освобождение монастырей от обложения. Крестьянам в монастырских владениях в силу освобождения от налогов жилось лучше, чем в панских, у них повинности были меньше, оста-

¹⁾ Оп. Арх. Син., I, 545.

²⁾ Ак. Полт. гор. ур., II, № 3.

³⁾ *Ib.*, II, № 20.

⁴⁾ Ср. Мот. Арх., № 47.

⁵⁾ Лазаревский, Оп. Ст. Мал., I, 172.

⁶⁾ *Ib.*, II, 472.

⁷⁾ Ср. Zachariae, *Gesch. des griech.-röm. Rechts*, 141.

⁸⁾ П. С. З., XI, № 8334, 365; X, № 7414, 526; ср. Андриевский, *Ист.-мат.*, IX, 18.

⁹⁾ Модзалевский, *Малор. Род.*, II, 18; I, 4; *Стороженки*, VI, 300.

¹⁰⁾ *Стороженки*, VI, 36, 386; VII, 56.

валось больше времени для занятия собственным хозяйством, голод и эпидемии в виду богатства монастырей и каритативной деятельности переносились легче. Поэтому крестьянский класс предпочитал жить при монастырях. Но насколько увеличивалось число рабочих рук в монастырских имениях, настолько же оно уменьшалось в помещичьих. Конкуренция из-за рабочих рук повела к борьбе шляхетства с монастырями. Борьба наметилась при Бруховецком¹⁾. Затем коломацкие статьи воспрещали наделять духовенство недвижимостями, хотя фактически сам же Мазепа отступал от названных статей²⁾. Подобные же ограничения попали и в конституцию 1710 г. Наибольшие удары монастыри испытали в XVIII стол. В 1728 г. появились так называемые «решительныя статьи» Д. Апостола, закончившие историю монастырского землевладения³⁾. В отместку киевск. архиепископ Рафаил Заборовский воспретил священникам и ктиторах отчуждения земель⁴⁾. На том духовенство не остановилось. В Кодификационной Комиссии 1735 г. духовные члены ее настаивали на внесении в законы артикула, коим разрешались отчуждения в пользу церквей, и обратились за содействием к киевск. архиепископу и пр.⁵⁾. Выход был найден в том, что признано было необходимым составить особый сборник прав и привилегий духовенства (тот сборник до нас не дошел). В то же время имперские власти стали на сторону светских членов Комиссии, и в 1736 г. 19—II появился указ, которым повелевалось отклонять население от пожертвований недвижимостей монастырям, ибо те отчуждения вредят семьям жертвователей. Этот указ был введен и в составлявшийся кодекс прав⁶⁾. В 1749 и 1751 гг. духовенство думало воспользоваться жалованными грамотами, коими «возстановлялись» старинные права Украины, однако его распространительное толкование не увенчалось успехом. Вступивший после Разумовского в управление Украиною гр. Румянцев решительно высказывался за секуляризацию монастырских имуществ. Сделана была соответствующая попытка со стороны духовенства в 1767 г. в замаскированном виде отстаивать свои права—духовенство добивалось уравнения со шляхетством, то-есть, и прав на приобретение недвижимостей⁷⁾, и составило нарочитые пункты «о владѣніи грунтовъ и пр. имъ

¹⁾ Покровский, Ист. Рос., III, 68.

²⁾ Тр. Черн. Арх. Ком., I, 14.

³⁾ Чт. Нест. Лет., XIV, 56—IV.

⁴⁾ К. Ст., 1899, III, 409.

⁵⁾ *ib.*, 1896, VII, 17—18.

⁶⁾ Баранов, II, 402.

⁷⁾ Сб. Р. И. О., XLIII, 65, 70, 97, 98, 108.

выгодностях»¹⁾. Однако и тут ничего не вышло. Все же борьба за недвижности закончилась ни в чью—в 1781 г. в докладе тот же Румянцев признал, что «монастырскія владѣнія остаются въ непосредственномъ своихъ властей управленіи»²⁾. Не имея возможности сломить упорство монастырских землевладельцев, помещики настаивали на разделах их земель между населявшими их крестьянами и казаками за небольшое вознаграждение³⁾. Духовенство, с своей стороны, настаивало на отмежевании монастырских земель от всяких иных и на выводе панского и казацкого населения из принадлежащих духовенству имений⁴⁾. Не обходилось и без наездов на монастырские имения. Так, в 70-ые гг. XVIII ст. на елецкие монастырские владения произвел набег сын зн. тов. Шубы «въ многолюдствѣ с разными разбойническими орудіями» и причинил монастырю немало неприятностей⁵⁾. Разумеется, такие меры не приводили ни к чему, равно как и случавшиеся между отдельными монастырями ссоры и тяжбы⁶⁾. Духовенство умело забыть о своих недоразумениях, когда ему грозила общая беда, и спешило помириться и прекратить недоразумения. Солидарность его и хорошо поставленное хозяйство помогли ему в течение долгого времени успешно выдерживать борьбу. Те же способы и формы правовые, какие дали возможность образоваться шляхетским латифундиям, находились в распоряжении и духовенства, которое имеет все особенности крупного землевладельца.

¹⁾ Петров, *op. cit.*, II, 34.

²⁾ К. Ст., 1884, XII, 695.

³⁾ Чт. М. О. И. и Др., 1884, II, 17.

⁴⁾ К. Ст., 1890, XII, 478—479.

⁵⁾ Арх. Мал. Кол., № 1523, Черн. Отд.

⁶⁾ Андриевский, *Ист. мат.*, I, 42.

ГЛАВА VII.

С 30-х гг. XVIII стол. в Европе мелкопоместное хозяйство в связи с широким экспортом в Америку и отливом туда рабочих постепенно падает. Оно не в состоянии дать пропитания своим обладателям по истощенности земли, страшной чересполосицы, отсталости орудий сельского труда и пр. В противовес ему хозяйство крупное сильно развивается. Под влиянием роста населения и мобилизаций земли мелкие хозяйства ликвидируются. Земли переходят к крупным землевладельцам, которые заняты уже агрикультурой, заботятся о правильном севообороте, вводят значительное скотоводство для получения удобрений, заводят травосеяние и пр. Намечается энергичный поход к округлению земель. Вслед за Англией переходит на большое хозяйство Германия. Россия идет следом за Германиею, вместе с нею на путь создания крупного хозяйства выходит Украина. Введение в Украине крупного хозяйства объясняется переходом России к денежному хозяйству и широкому развитию обрабатывающей промышленности, рынком для сбыта предметов которой становится Украина. Последняя же, отрезанная от непосредственных сношений с Западом Европы и представляемая российским правительством на юге, имела перед собою только один рынок, вечно нуждающийся в хлебе—Россию, куда вливался запас украинских урожаев¹⁾. Вместе с тем, однако, избыток хлеба в зерне подвергался в Украине переработке в виде вина, дававшего большие прибыли и тем большие, чем больше была запашка и больший урожай. Перед помещичьим классом стоял вопрос о возможно большем количестве земель и лучшей их культурной и обязательной обработке. Отсюда—в XVIII в. а) развиваются «скупки» и захваты мелких имений, поддерживается мобилизация земли при помощи разделов на низу, захватываются поместья, представление о коих смешивается с представлением о вотчине, б) вводится переложная система земледелия и удобрения и в) рабочие руки постепенно прикрепляются. Данный процесс в Укра-

¹⁾ Струве, Креп. хоз., 92.

ине связан был с общим мировым процессом, как то наблюдалось в Украине и раньше ¹⁾. Недвижимость, эта, по выражению О. Гирке, социальная позиция лица, становится доступной только небольшому, сравнительно, кругу лиц, обладавших исключительно публичными правами. «Позиция» была тем сильнее, чем богаче был ее обладатель. Богатство же скоплялось в руках группы аграриев при помощи юридических сделок (приобретение «добр» у отдельных хозяев) и даровой ренты из получавшихся ими от правительства селений. Среди таких селений на первом месте стояли ранговые, шедшие за службу вместо жалованья, хотя в договорных статьях рядом называлось и денежное жалованье. «Наданье» земель находилось в тесной связи с правовоззрением средневекового права, различавшего приобретенные земли—с *dominium*'ом, пожалованные за заслуги и под условием службы и повинностей—т. н. манства и наемные из числа первых и вторых. По местным условиям развитие получили первые два вида земель, и уже Хмельницкий-Богдан получил на ранг гетманства Чигирин и Млиев, на что ему была выдана и соответствующая грамота ²⁾. Хмельницкий II на ранг имел Чигиринское староство и Гадяцкий ключ ³⁾. Гадяцкие статьи признали гетманским ранговым поместьем Чигиринский повет ⁴⁾, к коему Дорошенко требовал придачи еще Трахтемирова ⁵⁾. Позже гетманам на ранг шли Батурич, Баклань и др. В своих ранговых поместьях, по словам Теплова, гетманы являлись «обыкновенными владельцами своих имений» ⁶⁾. Ниже стояли старшинские ранговые поместья. По объяснению Костомарова, Хмельницкий-Богдан стал старшине раздавать отнятые у польских панов недвижимости ⁷⁾. Ранговые поместья были приписаны к урядам. Но приписка явилась не сразу. Барвинский справедливо говорит, что первоначально на ранг шли не имения, а только мельницы и что впоследствии некоторые уряды остались без имений. Барвинский полагает, что а) некоторые старшины сами выбирали себе имения и владели ими, пока было возможно; от них, по обычаю, их преемники принимали уже освоенные имения; б) на то шли сами гетманы, которые, однако, планомерно стали раздавать имения и отдельные двory толь-

¹⁾ Грушевский, Студ., 7—8.

²⁾ Ж. М. Н. Пр., 1871, XII, 258, 261.

³⁾ Соловьев, XI, 77.

⁴⁾ Бантыш-Каменский, Ист. М. Р., 233.

⁵⁾ А. Ю. и З. Р., IX, 204.

⁶⁾ Мот. Арх. № 43.

⁷⁾ Костомаров, Рус. Ист., II, 195.

ко со Скоропадского ¹⁾. Точка зрения Барвинского повторяет и дополняет давно высказанный Костомаровым взгляд. Но мнение последнего верно разве в отношении ранговых маетностей генеральной старшины. Что же касается полковой, то ответ получится иной, если не забывать, что полки явились на смену старостам, следоват., полковыми ранговыми маетностями могли быть шедшие раньше на содержание польских старост. Ранговые земли давались и физическим лицам, и нефизическим, напр., на ранг войсковой арматы ²⁾. Старшина весьма рано стала превращать ранговые имения в свои вотчины, несмотря на сопротивления некоторых гетманов ³⁾. Одни маетности были с рангами постоянно связаны ⁴⁾, другие временно. Но как те, так и другие подвергались освоению старшиною, что получило наименование «расхищения ранговых земель» и составило предмет деятельности Комиссии Экономии. По § 4 инструкции этой Комиссии, «которые въ полку имѣются маетности, определенные на ранги, то оные, освидѣтельствовав, переписать дворы и жителей и всякие к дому принадлежности и буде за кѣмъ сверхъ надлежащаго указнаго числа явится что излишнее, оное переписать и о том ...репортовать» ⁵⁾. Ранговые земли имели также городские самоуправления ⁶⁾ и российские чиновники ⁷⁾. Были попытки уравнивать по полкам число ранговых имений, но дальше проектов дело не пошло ⁸⁾. Число их таяло. Ранговые поместья довелось покрывать из числа свободных ⁹⁾, а потом заменять отдельными дворами, разбросанными по целому полку. Апостол стремился, однако, ввести уравнение в числе дворов ¹⁰⁾, хотя безрезультатно. Запасным фондом для раздачи земель на ранг служили т. н. свободные земли, состоявшие в юрисдикции местных самоуправлений ¹¹⁾. Расхищение ранговых имений побудило имперские власти озаботиться охраною свободных земель ¹²⁾ от покупок и вся-

¹⁾ Барвинский, Крест., 95—103.

²⁾ Соловьев, XI, 143.

³⁾ К. Ст., 1898, IV, 144; Ген. сл. Черн. п., 565.

⁴⁾ Стороженки, I, 17.

⁵⁾ Барвинский, Ком. Экон., 7—8.

⁶⁾ Тр. Черн. Пр. Ком., 70—71.

⁷⁾ Баранов, II, 80.

⁸⁾ Мот. Арх., № 50.

⁹⁾ Ген. сл. Миргор. п., 34—35.

¹⁰⁾ Маркевич, Дн. Зап., II, 167.

¹¹⁾ Барвинский, ор. с., 105.

¹²⁾ Баранов, II, 75, 89; Рус. Арх., 1875, I, 318; Барвинский, Ком.

кого рода захватов ¹⁾. Однако ни опека, ни суровые бумажные законы, ни в редких случаях преследования виновных не могли увенчаться успехом и по той причине, что в Украине широко развита была практика пожалований. Корни ее находятся еще в сеймовом постановлении 1590 г. ²⁾ и в деятельности польского правительства ³⁾. Заинтересованы в том были и иностранные государства. В инструкции шведскому посольству 1656 г. в § 9 говорилось: «Королевское величество выражает волю, чтобы его послы настаивали на возвращении польским дворянам, которые стояли на стороне короля в настоящей войне и особенно ген.-м. Немиричу, принадлежащих им в казацких пределах поместий и наследственных имений; в крайнем случае послы должны убедить Хмельницкого помочь означенным лицам получить возмещение в друг. местах» ⁴⁾. Старшина, однако, боялась открыто высказывать свои вожеления. Тетеря объяснял в Москве, что пред украинским народом невозможно разглашать о пожалованиях старшине земель ⁵⁾. За пожалованиями старшина обращалась к московским властям, не потому, как думал Карпов, что гетманское пожалование не было авторитетно ⁶⁾, а потому, что выборное правительство в Украине не могло в идее заниматься раздачами земель. Когда революционный период окончился, гетманы прибегали к пожалованиям не меньше, чем то делали в Москве ⁷⁾. Да и раньше от такого права гетманы не отказывались ⁸⁾, ибо у них была обязанность «всякіе заслуженіе до того еще подупаліе доми в должномъ содержати защищеніи» ⁹⁾. Посему прав был Лазаревский, говоря, что раздача земель считалась прерогативою гетманов ¹⁰⁾. Московскому царю принадлежало, по статьям 1687 г., лишь право утверждения гетманских пожалований ¹¹⁾. Жаловались земли по всяким поводам: «за роненіе Войску услуги»

¹⁾ Баранов, *op. cit.*, 109, 122.

²⁾ Кулиш, *Ист. воссоед.*, I, 20.

³⁾ Sokalski, *St. Czarn.*, 16—17; Костомаров, *Богд. Хмел.*, I, 58.

⁴⁾ *Арх. Ю.-З. Р.*, ч. 3, VI, 158.

⁵⁾ Соловьев, XI, 5; ср. А. Ю. и З. Р., XIV, 60.

⁶⁾ Карпов, *Крит. обз. ист. до Малор.*, 87.

⁷⁾ А. З. Р., V, № 27, 28, 25, 29, 31; А. Ю. и З. Р., X, 743, 761; Модзалевский, *Мал. Род.*, II, 1; А. И., IV, 221, 267, 286, 288; V, 290, 291, 293; Сб. Р. И. О., CVIII, 272, 299.

⁸⁾ А. З. Р., V, 89; Бантыш-Каменский, *Ист.*, I, 165, 167; Эйхгорн, *Оч.*, 297.

⁹⁾ *Мот. Арх.*, № 27.

¹⁰⁾ К. Ст., 1892, IX, 111.

¹¹⁾ Величко, *Лет.*, III, 34.

«здатность до козацкой службы», «знатніе предковъ услуги»¹⁾, составление какой-нибудь «конклюдіи» по прославлению царского имени, за выслуги детей, «для вскормленія дѣтей»²⁾ и пр. Однако, как бы и кому бы ни жаловались земли, они все же не были крепки, их можно было и отобрать³⁾. Жалуемые земли отдавались «в зуполную владзу, позволяючи посполитых людей мѣти въ належитомъ послушенствѣ и всякіе отъ нихъ отбирати пожитки»⁴⁾. Требовалось только, чтобы самое пожалование исходило от надлежащих органов власти. Разумовский, например, не признавал пожалований, сделанных Войсковою Канцеляріею⁵⁾. Широкие пожалования исходили и от царей⁶⁾, которые в XVIII в. вели учет жалуемых земель⁷⁾, устанавливали доходность их⁸⁾ и впоследствии облагали особым сбором⁹⁾. Жаловались не только земли, но и люди, еще со времени Хмельницкого, — свидетельствует кошевой Гусак¹⁰⁾. Пожалования соединялись с утверждениями. Утверждение состояло в выдаче «оборонного универсала» для уже состоявших во владении имений, как то видно из практики гетм. Хмельницкого-Богдана¹¹⁾. Здесь подтверждалось «польское право», как писал Юрась в 1660 г.¹²⁾. Далее, утверждались имения «стоующіе до универсалов антецессаров гетманских»¹³⁾. Затем утверждение стало понемногу отходить к московскому царю, что признано коломацкими статьями¹⁴⁾, так что гетманам оставалось только подтверждать жалуемые недвижимости «за волею и ласкою великого государя и интецессаров»¹⁵⁾. Получение грамоты раз еще не заканчивало пожалованье. Выдавались подтвердительные каждый раз при избрании нового гетмана, так что новое подтверждение вело за собою реновацию прав на маетности¹⁶⁾. Если пожалование шло на

¹⁾ Ген. сл. Черн. п., 24.

²⁾ Модзалевский, Малор. Род., I, 206, 405; II, 141, 240.

³⁾ Мот. Арх., № 93.

⁴⁾ Ген. сл. Миргор. п., 45, 51, 54.

⁵⁾ Мот. Арх., № 85.

⁶⁾ Тр. Полт. Арх. Ком., VII, 125; Соловьев, XI, 4.

⁷⁾ Маркевич, Дн. Зап., II, 397; Баранов, II, 534.

⁸⁾ Сб. Р. И. О., CIV, 276.

⁹⁾ Сен. Арх., XV, 517; П. С. З., XVII, № 12442, 196.

¹⁰⁾ Соловьев, XIV, 1115.

¹¹⁾ Тр. Черн. Арх. Ком., X, 144—145.

¹²⁾ Об. Рум. Оп., 30.

¹³⁾ Ген. сл. Черн. п., 248, 257, 266.

¹⁴⁾ Величко, Лет., III, 45; ср. Л. З. А. К., XVII, 14, 16, 17, 18.

¹⁵⁾ Ген. сл. Черн. п., 348, 364.

¹⁶⁾ Стороженки, I, 11.

полковников, то в XVII в. в сем случае принимал участие Разряд, где хранились крепостные акты, привилеи, универсалы и пр. ¹⁾ Позже стали обходиться без вмешательств российских учреждений.

На цифровом материале легко констатировать быстрое таяние ранговых и свободных имений. Первых состояло

В полку	1740 г.	1764 г.	1773 г.
Стародубовском	760 дв.	376	—
Лубенском	831	207	285
Киевском	386	286	—
Миргородском	?	282	287
Черниговском	?	511	—
Переяславском	?	61	—
Полтавском	393	113	133 (?)
Гадяцком	373	116	61
Нежинском	?	728	— ²⁾

За 23 года с 1740 по 1764 г. исключительно число имений уменьшилось в среднем почти в 2 раза. Для свободных имений цифры обильнее.

В полку	1730 г.	1743 г.	1746 г.	1751 г.	1753 г.	1758 г.
Нежинском	2.738	1.954	1.664	971	213	147
Киевском	676	393	361	237	2	2
Миргородск.	4.981	1.606	1.136	6.068	522	321
Полтавском	6.174	2.190	400	981	647	659
Переяславск.	2.055	990	688	763	345	233
Черниговск.	938	701	645	672	589	413
Прилуцком	3.445	1.723	895	736	126	9
Лубенском	4.416	—	873	1.139	271	278
Стародубск.	2.106	1.127	1.916	389	144	144 ³⁾

В приведенных таблицах наблюдается, повидимому, некоторая невязка. Так, в 4-ой графе цифры выше предыдущей графы. Дело, однако, в том, что третья графа падает на период ревизии и предшествовавшей деятельности Комиссии Экономии. Сверх того, для Миргородского полка несомненна описка—проставлено 6068 вместо—668. Но, даже признав правильность всех цифр со включением и 3-ьей графы, не получим отклонения от общей тенденции таяния свободных и ранговых маетностей.

Взаимоотношение разного рода маетностей по полкам выражалось в следующих цифрах:

¹⁾ О. Д. М. А. Ю., X, 120, 295, 296.

²⁾ Барвинский, Крест., 116.

³⁾ *ib.*, 115.

В полку	Помещ.	Спорных	Монаст.	Ратуш.	Рангов.	Свободн.	Прочих
Черниговск.	244	8	70	6	20	20	
Нежинском.	88	—	60	10	45	17	23
Киевском	34	12	118	—	21	10	—
Гадяцком	31	3	5	—	5	—	29
Прилуцком.	51	—	12	—	8	31	6
Переяславск.	58	20	30	13	11	48	—

Другими словами, в полках состояло помещичьих вместе со спорными селений—549, монастырских—195, ратушных—29, ранговых—70, свободных—126, прочих—55. Таким образом, в половине XVIII в. свободных сел состояло несколько более 10%, ратушных—2%, все же остальные составляли предмет обладания крупных помещиков. Процент свободных селений, несомненно, понизился бы, если взять в расчет остальные, не представленные в цифрах полки: количественный состав перешедших в помещичьи руки ранговых, свободных и пожалованных имений разнился в зависимости от лица обладателя. В Воронцовской, напр., сотне у крупных помещиков сосредоточено было 1990 дес. земли, у крестьян же всего 540 дес.¹⁾ У Гамалеи насчитывалось более 400 душ²⁾, у Апостола П.—761 крест. двор.³⁾ Полуботки обладали 3200 двор., Кочубей—1193, Рагузинские—522, Корсаки—513, Лысенки—415, Скоропадские—405, Борковские—382, Галаганы—377, Лизогубы—368 дв.⁴⁾ В конце XVIII ст. у М. Апостола считалось 8051 душа⁵⁾, у Завадовского—37.304 д. и т. д. Сообразно этому разнообразились и помещичьи доходы. С Почепа и Ямполья в 20-х гг. XVIII ст. собиралось 6151 р. 05 к. только деньгами, не считая натуры⁶⁾, дворцовые имения доставляли Апостолу деньгами в год 3.120 р. 26 коп.⁷⁾; Полуботок П. имел со своих имений в год деньгами до 5.000 руб.⁸⁾, Разумовский—свыше 600.000 р. годового дохода⁹⁾ и т. д. Поэтому надлежит отбросить, как необоснованное, такое описание помещичьей обстановки XVIII ст.: «кожна семья або двір повинні були що день приносити (старшине) чого попоісти—оттим тільки вона й годувалася»¹⁰⁾. Идиллическая картина не вя-

¹⁾ Тр. Полт. Арх. Ком., XII, 101.

²⁾ Модзалевский, Родосл., I, 243.

³⁾ К. Ст., 1895, VII, 105.

⁴⁾ Рус. Арх., 1880, I, 146; Покровский, III, 71.

⁵⁾ Рус. Арх., 1875, I, 95.

⁶⁾ Сб. Р. И. О., LXIII, 415—416.

⁷⁾ Судиенко, Мат., I, 6), 78.

⁸⁾ Чт. М. О. И. и Др., 1862, III, 30.

⁹⁾ Карювич, Зам. бог., 153.

¹⁰⁾ К. Ст., 1885, I, 199.

жется с раздачею маетностей, ибо пожалование имений предоставляло жалующим громадные права. Население жаловавшихся маетностей получало точные распоряжения властей. «Напоминаемъ», писал Богдан в 1648 г. крестьянам с. Подгорцев: «абысте вы вси по старому послушество отдавали»¹⁾. «Послушество» обеспечивало помещику большую часть прибавочного труда, а достигалось оно чрез предоставление помещику всей власти над населением²⁾. Шляхетство, как класс, очевидно, хорошо помнило формулу Сигизмунда I: *nie jest naszym zamiarem wtrącać się między poddanych naszych i ich kmieci*³⁾. Таких же правил держались и гетманат и московские власти. У помещиков была юрисдикция над вотчинами, осуществляемая то лично помещиком, как видно из дневников Ханенка и Маркевича, то при помощи господаря, а в гетманской резиденции—особого судьи⁴⁾. Юрисдикция устанавливалась универсалом или жалованной грамотой, каковые давали помещику иммунитет, освобождая землю и ее население от воздействия общего права, вводили патримониальную власть помещика. Такие привилегии за помещиками в Украине признавали и «Права, по которым судится малорос. народ»⁵⁾. Совокупность помещичьих прав над населением составляла вотчинное право. Его получал помещик, судя по жалованной грамоте 1659 г. полк. В. Золотаренку⁶⁾, не только лично, но и для своих наследников. В жалованных грамотах давалось право: «владѣти всѣми людми и дворы и селы... и доходы, которые наперед сего иманы, и впредь имать по тому же»⁷⁾. Общая тенденция в отношении крестьянства наметилась уже в 1654 г. Войсковой судья Богданов просил московского царя признать, что старшины «были волны въ своихъ подданныхъ, какъ хотя ими урезати и обладати»⁸⁾. Московскому праву не чужды были такие пожелания, и оно в подобных случаях только хлопотало, чтобы вотчинное право не распространялось на казаков, как говорится о сем, напр., в жалованной грамоте 1665 г. прилуц. полк. Л. Горленку⁹⁾. Признание за украинскими помещиками вотчинного права рельефно выражено было при гетмане Самойловиче: «полковникамъ и начал-

¹⁾ А. З. Р., V, 85, 87; Л. З. А. К., XVII, 45.

²⁾ Ср. Плеханов, Ист. рус. общ. мысли, 37.

³⁾ Т. Х. L(ubomirski), Jurysdyk. patrymon., 48.

⁴⁾ Ханенко, Диар., 495.

⁵⁾ Права, гл. X, арт. 28; гл. 27, арт. 1, § 1 и др.

⁶⁾ А. Ю. и З. Р., V, 16.

⁷⁾ А. И., V, 4—5; Доп. к А. И., VII, 60, 100.

⁸⁾ А. Ю. и З. Р., X, 487.

⁹⁾ А. И., IV, 348.

нымъ людямъ, которымъ вотчины даны и грамотами утверждены, и имъ тѣхъ своихъ вотчинъ крестьянъ судити и приносить вольные у нихъ принимати и сѣна и дрова на себя готовить имъ велѣть»¹⁾). На практике же—пожалование Ю. Немиричу может служить тому доказательством—получалось более широкое содержание, ибо на помещика шли «всякіе запасы и подати»²⁾). Ранговые и свободные имения понемногу переходили в вотчинные, при чем старшина на это получала благословение и имперских властей³⁾). Рано получившее признание вотчинное право должно было немедленно выделить помещицы селения из состава прочих земель, повести к созданию особых правоотношений, каких «земля» не знала. Так было и в странах Западной Европы⁴⁾). Следовательно, если стать на точку зрения «общинников», то существование общины ограничено временем столь незначительным, что создать не только общинные порядки, но и какие-нибудь иные в том же роде не представлялось возможным. Вотчинное право развивалось в Украине беспрестанно и на своем пути захлестнуло поместье. Как отмечал уже Кавелин, одно дополнялось другим, и оба смешались в один неразрывный узел, так что трудно было отличить их и по началу, и по внешнему виду, с Петровской же эпохи вотчина уже преобладала над поместьем⁵⁾). Попытки некоторых гетманов воспрепятствовать тому потерпели фиаско. Когда, напр., Скоропадский требовал от жены полк. Божича возвращения в состав полковых нежинских земель его поместий, этому воспрепятствовал гр. Головкин под предлогом, что «они живы или куды не отѣхали, то надлежит ей пропитаніе имѣть со оныхъ»⁶⁾). Прежние исследователи искали причины явления во внешних условиях старинной жизни. «В Малороссии», говорит один из них: «внутренняя смута и интриги людей, искавших власти и чина, благоприятствовали развитию вотчинного права над людьми и... придали этому праву московскую форму. (Но) с другой стороны, вельможи и чиновники московские, приобретая земли в Малороссии, приносили сюда правила, которые соединены были с землевладением в Великой России»⁷⁾). Дело, конечно, не во временщиках и честолюбии. Из Московии заимство-

¹⁾ Ригельман, Летоп. нов., III, 6.

²⁾ А. Ю. и З. Р., XV, 32.

³⁾ Арх. Гос. Сов., I в., 2, 385.

⁴⁾ Маузер, Введ., 257.

⁵⁾ Кавелин, Собр. соч., IV, 543—544.

⁶⁾ М. В. У. А. Гл. Шт., I, 809.

⁷⁾ Победоносцев, Ист. иссл., 216—217.

вана была только актовая терминология ¹⁾. Все заключалось в одинаковости условий экономического быта Украины и России, «закон уступал практике, расширял право распоряжения поместьем» ²⁾ до слияния его с вотчиною. Практика признала за помещиками-старшинами власть и над той группой казачества, которая именовалась куренчиками ³⁾, и особые привилегии в церковном обиходе ⁴⁾ и т. д. «Власть помещика образовалась сама собою, помимо юридических определений... Она сделалась фактом столь же несомненным, как и факт владения землею», говорит профессор Победоносцев ⁵⁾. Развитие вотчинного права в Украине обусловлено было недостатком рабочих рук. Как в древний период чуть ли не единственным работающим на помещиков-князей и бояр классом были рабы ⁶⁾, так с падением крепостных отношений в революцию 1648—1654 гг. только рабами могло держаться крупное хозяйство. По крайней мере, такова была юридическая точка зрения. Лишь раб мог быть приневолен к работе. В первое время так и было. Богдан, разгромив в 1653 г. татар, взял в плен 1.500 человек, треть из них оставил для нужд своего хозяйства, остальных роздал старшинам ⁷⁾. Невольников захватывали так же, как хватали скот. ⁸⁾ Хмельницкий прибегал и к перекупке захваченного татарами ясыря ⁹⁾. Для того же, как и в Московском государстве ¹⁰⁾, украинцы выкупали пленных ¹¹⁾,—операции по купле-продаже невольников доставляли большие выгоды. За выкуп христианина Богдан платил по 300 зол., а татар продавал по 800 зол. ¹²⁾. Из-за невольников между украинцами и русскими возникали крупные недоразумения. Напр., в 1660 г. из-за полоненных татар устроено было настоящее побоище ¹³⁾. Русские, впрочем, иногда охотились на самих украинцев, как то имело место после Чудновской битвы ¹⁴⁾. Плененные татары состояли в Украине на положении рабов, и Многогриш-

¹⁾ Ген. сл. Неж. п., 312, 336, 389.

²⁾ Ключевский. Курс рус. ист., 112--113.

³⁾ Л. З. А. К., XVII, 73.

⁴⁾ Модзалевский. Оч., 59.

⁵⁾ Победоносцев, ор. с., 4.

⁶⁾ Струве. Креп. хоз., 13; Ключевский, в «Рус. Мысли» за 1861 г.

⁷⁾ Величко, I, 166, 214.

⁸⁾ Ib., I, 160.

⁹⁾ Ib., I, 113.

¹⁰⁾ Сб. Симбир., Род. бояр Кик., 69.

¹¹⁾ Покровский, Оч. ист. рус. культ., I, 190.

¹²⁾ Величко, I, 170, 216.

¹³⁾ А. М. Г., III, 101—102.

¹⁴⁾ Барсуков, Род. Шерем., VI, 49, 51, 355; Костомаров, XII, 217.

ный дарил их в Москву вельможам ¹⁾. То же наблюдалось и в отношении иных пленников. В 1703 г. сотник Вакуленко так трактовал взятую в плен чухонку, ради которой закабалил селянина Андреенка, пожелавшего на чухонке жениться ²⁾. Известно, что невольные служили и у Полуботка ³⁾. В 1739 г. пленные турки тоже составляли невольных работников в имениях украинской старшины ⁴⁾. Подневольный труд пользовался в Украине XVII и отчасти XVIII стол. значительной популярностью, так что о невольниках нашли нужным говорить и украинские кодификаторы половины XVIII в., посвятившие этому вопросу в «Правах» ряд артикулов, выяснявших взаимные отношения между помещиками и невольниками ⁵⁾. Но контингент невольников в Украине не мог быть велик в силу непрерывных внутренних междоусобий, вовлекавших тех же рабов в состав войска. Аппropriировавшие землю казачество и крестьянство сидели на своих землях и потому в услуги к помещикам итти не могли. Мобилизация земли освободила некоторую часть населения от земель. Разрушенные города не привлекали к себе безземельных, и они, естественно, предлагали свои руки помещикам, являлись «свободными» наемными рабочими, каковых закон разрешал на время уступать другим, запрещал им до уговоренного срока оставлять работу и т. п. ⁶⁾. «Вольный слуга» мог заработать у помещика и денежные средства и некоторое имущество ⁷⁾. В. Солод служил 22 года у писаря ген. войск. суда Пиковца и выслужил 55 овец, 2 коровы, пару волов ⁸⁾. С переходом же Украины на денежную систему заработная плата для «вольных слуг» ⁹⁾ стала выражаться в денежных знаках, хотя недостаток их и невозможность найти рабочих побуждали помещиков под всякими предлогами задерживать нанятых работников ¹⁰⁾. Зарботная плата, следовательно, должна была быть значительной, что, действительно, и наблюдается в XVIII стол. В 1699 г. она в день была меньше 1 коп. ¹¹⁾. За день косьбы в 30-х гг. XVIII стол. уплачива-

¹⁾ А. Ю. и З. Р., IX, 230—231.

²⁾ Сторюженки, VII, 16—17.

³⁾ Чт. М. О. И. и Др., 1862, III, 54; Судиенко, Мат., I, 2.

⁴⁾ Сб. Р. И. О., CXXVI, 137.

⁵⁾ П р а в а, гл. XII, арт. 2, § 6; арт. 3; гл. XXVI, арт. 14, § 2; арт. 15, § 1—4; арт. 22.

⁶⁾ *Иб.*, гл. XXVII, арт. 1, § 1—2; арт. 2, § 7; арт. 12, § 1 и 5; арт. 13, § 1.

⁷⁾ *Иб.*, гл. IV, арт. 12, § 1—2.

⁸⁾ Андриевский, Ист. мат., X, 92—93.

⁹⁾ Судиенко, I, 26, 27, 28, 39, 52, 54.

¹⁰⁾ Д и а р., 67.

¹¹⁾ К. Ст., 1883, VII, 524.

лось косарю—6 коп., гребцу—2 $\frac{1}{2}$ коп., простому рабочему 2 к., за чистку сажавки 4—5 к. в день¹⁾). В 40-х гг. панский приказчик получал в год 16 руб.²⁾, косарь—7 коп. в день, работавший со своим скотом—6 коп., без него—3 коп.³⁾. В 60-х гг. годовая плата мужчины 3 руб., женщины—до 2 р., ребенку—до 1 р. 50 к.⁴⁾. В 1767 г. заработок сильно колеблется: в одном случае от 1 р. до 5 р. в год, в другом от 50 коп. до 5 руб., однажды упоминается оплата даже в 14 руб. в год⁵⁾. В 1779 г. конный рабочий получал 20 коп., пеший 10 коп. в день летом и 15 и 8 к. зимою, при чем до 1779 г. плата была вдвое меньше⁶⁾. В состав платы не входили хозяйские харчи, как в России или Польше, где заработная плата держалась на таком же уровне⁷⁾. Как видно из приведенных цифр, помещики прибегали к поденной оплате труда только в летнее время во время уборки хлеба. Для прочих же видов работы плата считалась годовою. Нужда в рабочих руках была настолько велика, что даже для домашних работ нанималась прислуга. Домашняя прислуга была нескольких родов. У богатых помещиков были нанятые рабочие для службы в пути, или янычары⁸⁾. Был разряд так называемых послушных или дворских казаков, род дворовых⁹⁾, были куренчики, несшие боярскую службу¹⁰⁾ и иногда именовавшиеся боярами¹¹⁾. Куренчики давались или определенному лицу¹²⁾, или несли службу при урядах, при чем в некоторых случаях весьма тесно связывались с вотчинным управлением¹³⁾. Наконец, существовал еще разряд придворных или надворных панских слуг то из числа невольных, то наемных рабочих¹⁴⁾. Поскольку речь идет о наемных рабочих для домашних услуг, то их заработная плата в конце XVIII в. равнялась обычно 5 руб. в год¹⁵⁾. Отпуская своего повара, прослужившего 10 лет,

¹⁾ Маркевич, Дн. Зап., II, 296, 190, 192, 313; К. Ст., 1891, II, 308.

²⁾ Ханенко, Погар, 50.

³⁾ Лазаревский, Оп. Ст. Мал., III, 246.

⁴⁾ Зап. Н. Т-ва ім. Ш—ка, XCVIII, 192.

⁵⁾ Лучицкий, Мат., в. I, табл. 5, 8.

⁶⁾ Семенов, Ист. свед., II, 91.

⁷⁾ Kogzon, II, 97, 98.

⁸⁾ Тр. Полт. Арх. Ком., VIII, 65.

⁹⁾ Прил. к Чт. Нест. Лет., XXI.

¹⁰⁾ Стороженки, VI, 576.

¹¹⁾ Мот. Арх., № 28, 44.

¹²⁾ Ген. сл. Черн. п., 21, 23, 30.

¹³⁾ Рус. Арх., 1875, II, 260, 261; 1880, I, 141.

¹⁴⁾ Стороженки, IV, 4.

¹⁵⁾ Мое собр. докум. XVIII стол.

Безбородко в 1776 г. приказал выдать ему жалованья 80 руб.¹⁾. Это уже усиленная плата и притом богатого вельможи, так что 8 р. в год надлежит считать высокою денежной платой. Помещики не склонны были бросать деньгами: Маркевич и Ханенко в своих дневниках записывают скрупулезные денежные выдачи. Из их записей видно, что рабочие при помещичьем доме получали стол, одежду на год и часть продуктов натурою²⁾. Если бы слуга не успел износить одежды, он возвращал ее хозяину³⁾. Данное обстоятельство увеличивало тяжелое положение рабочего, и он не мог в течение долгого времени оставаться у одного хозяина. Непрерывность работы и и необеспеченность побуждали рабочих искать выхода в осаживании на землю, которой, тем не менее, невозможно было обработать по отсутствию инвентаря. Такой рабочий, по озлобленному замечанию памфлетиста конца XVIII в., не становал «порадочным землевладельцем»⁴⁾. Другой выход представлялся в постоянных переходах от одного хозяина к другому в поисках доли.

На переходы обратил внимание украинский ученый др. І. Джиджора, видевший тут влияние польского права. «Свобідний перехід», говорит Джиджора: «з місця на місце, завдяки польському законодавству, був зведений до мінімуму по прогнанню польської шляхти, силою фактів був відреставрований в повній своїй силі, а силою звичаю став ся правом, так що його довго ніхто з формального боку не заперечував»⁵⁾. Дело не в реставрации, а в объективных экономических условиях, подмеченных уже в эпоху составления договорных статей с Москвою. Если бы реставрировано было польское право, то обычай, о коем говорит др. Джиджора, становился излишним, о формальном же признании или непризнании его не приходится говорить, ибо каждый закон должен удовлетворять одновременно и формальному моменту и моменту материальному⁶⁾. Таким условиям удовлетворяли постановления Генеральной Канцелярии, но они могут расцениваться разве как прецеденты, получившие санкцию Москвы и Петербурга в «статьях» и «пунктах». Решения Генеральной Канцелярии и статьи оформливали и определяли не только право переходов, но и весь план заселения и закрепощения масс. При этом вместе со шляхетством такую честь

¹⁾ Сб. Р. И. О., XVI, 248.

²⁾ Ханенко, Диар., 30, 31.

³⁾ Маркевич, Дн. Зап., II, 219.

⁴⁾ Зам., до М. Р. относ., 31.

⁵⁾ Зап. Наук. Т-ва ім. Шевч., LXX, 168.

⁶⁾ Meyer, Dr. admin., I, 89, 91.

делило и духовенство. В XVII стол. берега левобережных рек были усеяны пустыньками и пустынноиками, выпрашивавшими себе у Москвы и гетманов угодыя и пр. и рассаживавшими там пришельцев¹⁾. Блестящий церковный крест служил ориентировочным пунктом для переходивших с места на место селян. Под гостеприимную сень охотно стремились бросавшие помещиков крестьяне, пока принявший под свою опеку шляхетские интересы гр. Румянцев не прикрыл шпиталей к вящему успокоению помещичьего класса²⁾. Население по причине переходов то сгущалось в некоторых пунктах, то разжижалось. Власть боролась с переходами при помощи полицейских мер³⁾. Но полицейские меры не приводили к желаемым результатам. Население не переставало уходить от помещиков к другим, иногда оставляя чуть не целые деревни пустыми. В с. Щербиничах Стародубовского полка в 30-х гг. XVIII ст. при полк. Пашкове считалось 21 хозяин, во второй же половине 30-х гг. их осталось только 3, остальные ушли⁴⁾. Помещичий класс смотрел на крестьянина, как на *persona vagabunda*, и пользовался всяким случаем остановить его. Пример подобной попытки встречается в войну 1738—9 гг. В то время российское правительство, заинтересованное в выполнении разных разверсток и обеспечении военных тайн, распорядилось под страхом смертной казни ослушников закрыть границы. Генеральная Канцелярия под тем же предлогом попробовала воспретить всякие переходы, что до известной степени удалось, но продержалось лишь до 1742 г. За означенным распоряжением последовали и другие. В 1749 г. требовалось, чтобы крестьянин при отходе оставлял свое имущество и инвентарь помещику, обработал и засеял поля и получил увольнительный билет в неимении препятствий к отходу⁵⁾. Означенное распоряжение имело большой хозяйственный смысл, иначе помещики остались бы с необработанными полями, отошедшие к ним земли не приносили бы ренты, и добывающая промышленность должна была бы переживать непрерывный кризис. Гр. Румянцев, сам крупный украинский помещик, в 1781 г. писал: «Другое обстоятельство не меньше есть важно, в разсужденіи своевольнаго здѣшнихъ крестьянъ и въ конецъ ихъ разоряющаго съ мѣста на мѣсто перехода, къ чему они по одному малому отъ владельца настоянію или мнимымъ для себя

¹⁾ К. Ст., 1887, IX, 95.

²⁾ Филарет, *op. c.*, I, 102.

³⁾ К. Ст., 1884, III, 428.

⁴⁾ Лазаревский, *Op. Ст. Мал.*, I, 55.

⁵⁾ К. Ст., 1885, VII, 482.

невыгодам обращаются и дѣлаются независящими бродягами»¹⁾. «Независящих бродяг» в 60-ые гг. XVIII в. считалось очень много. Безземельных и переходящих в Кролевецком пов. в 1767 г. считалось 40,7% всех крестьян, в Городницком—46,2%, Суражском—37,1%, Полтавском—более 50% и т. д.²⁾. Закабаленье долго не удавалось в силу некоторого сопротивления городов и купечества, заинтересованных в свободе крестьян. Представители городов и купечества в Комиссии 1767 г. либерально отстаивали право перехода крестьян, осаживанья их в городах, занятия мануфактурами и вообще привлечения к несению городских повинностей в качестве горожан, в руках их должна была сосредоточиваться и обрабатывающая промышленность, к коей тянулись помещики³⁾. Но главною заботою помещиков являлась все-таки земля. Овладение крестьянскою землею облегчалось тем обстоятельством, что крестьянин или казак часто не мог доказать документами своих прав на землю в то время, как помещику-шляхтичу земля эта давалась универсалами или жалованною грамотою. Документ доставлял помещику недвижимость и позволял немедленно извлекать ренту путем сдачи ее в пользование или даже владение переходящим крестьянам. Украинский закон XVIII стол. знал такие случаи. О них говорил кодекс 1743 г. в таких негативных выражениях: «если бы отвѣтчикъ оправдиль себе тѣм, что завладѣл (недвижимостью челобитчика) по какимъ правиламъ крѣпостямъ и хотѣлъ би оними крѣпостями или другими какими доводами того правильного своего владѣнія доказивать, а его к доводу тому не допущалъ, позволить челобитчику доказивать спокойного своего онимъ имѣніемъ или людьми владѣть и насилно онихъ отнять»⁴⁾. Чтобы избежать безвременной эвикции, крестьяне о своем намерении сойти должны были предупреждать помещика за год, что являлось, может быть, отражением старинного правила, по которому год пребывания на земле давал право сидящему спокойно владеть недвижимостью⁵⁾. Из данного правила родилось требование Генеральной Канцелярии 1727 г., чтобы в случае своего отхода к другому помещику крестьянин оставлял первому свои земли, независимо от того, будут ли они куплены, или нет⁶⁾. Генеральная Канцелярия не

1) К. Ст., 1884, VII, 696.

2) Семевский, Крестьяне, I, 46, пр., I.

3) Наказы, 96, 100.

4) Права, гл. IX, арт. 1, § 2.

5) Brunner, Deut. Rechtsgesch, I, 193.

6) Диар., 9.

придумывала сама такого требования. Она оглядывалась на универсал Мазепы, данный с. Уланову: «поневаж всюды такое обыкновеніе есть, же по одеишлих на иншіе мѣйса для житія подданихъ кгрунта их на державцев спадають, а они тратять свою сукцессію»¹⁾. Такой обычай, действительно, был принят и в Восточной и в Западной Европе и стоял в тесной связи с переходом европейского экономического строя к крупному хозяйству. Так как переходы местного населения не давали возможности удержать крестьян украинских, то для поддержания хозяйства помещики открыли приют беглым крестьянам Польши и особенно России²⁾. Утечка населения, столь же нужного и в Московии, как и в Украине, достигала больших размеров, так что русские власти, едва вступившие в сношения с Украиною, требуют непринятия беглых русских крестьян и возвращения их на родину³⁾. Таково было содержание ст. 16 договора 1659 г., по каковой виновным грозила смертная казнь⁴⁾. Таково было содержание ст. 2 договора 1664 г.⁵⁾. На украинское население возлагалась обязанность переписывать беглых, ловить их и возвращать помещикам⁶⁾. Таково же было и содержание § 13 договора 1669 г., § 7 конотопских статей 1672 г., § 8 переяславских статей 1674 г.⁷⁾, распоряжение 1683 г.⁸⁾ и т. д. Украинские крупные землевладельцы, принимавшие беглых тысячами⁹⁾, боровшиеся с переходами и бегством своих крестьян¹⁰⁾ и убеждавшие их, «перестав по чюжимъ угламъ скитаться, прямо по своимъ селениямъ возвращаться, не размышляя ничего»¹¹⁾, неохотно исполняли распоряжения московских властей¹²⁾. В лучшем случае власти Украины ограничивались распубликованием запрещений нанимать беглых¹³⁾. В XVIII в. вновь появляется ряд распоряжений, касавшихся беглых. Сюда относится, напр., запретительная («подъ же-

1) Лазаревский, Поспол. крест., 28.

2) Оп. Д. М. А. М. Ю., X, 243; А. Ю. и З. Р., V, 109, 120, 212.

3) А. Ю. и З. Р., III, 513, 516, 548, 583.

4) П. С. З., I, № 262, 499.

5) Иб., I, № 368, 605.

6) Ригельман, II, 37, 69.

7) П. С. З., I, № 519, 547; А. Ю. и З. Р., IX, 858.

8) Оп. А. Ю., XIV, 189.

9) Эйхгорн, Оч., 762.

10) А. Ю. и З. Р., IX, 283.

11) Иб., XII, 280.

12) Беляев, О круг. пор., 78, 81.

13) Ди ар., 36.

стокимъ опасеніемъ») грамота 1713 г.¹⁾, 1714 г.²⁾, 1718, 1723, 1727 гг.³⁾, подтверждение в 1728 г. предыдущих грамот⁴⁾, указ 1738 г.⁵⁾. Распоряжение 1738 г. предлагало задержанных беглых возвращать своими средствами, но за помещичий счет⁶⁾. Помещики, впрочем, предпочитали лично приезжать на Украину за своими крестьянами, при чем иногда арестовывали кстати и украинских помещиков, требуя за них выкупов⁷⁾. Украинские власти жаловались на самоуправства и просили разъяснений⁸⁾. Средством установления законного отхода считался документ или билет, но он-то именно заставлял блуждания усилиться⁹⁾ (проект, кажется, необходимо связывать с именем Теплова в 1763 г.)¹⁰⁾ и повторен был в Комиссии 1767 г. представителем Малороссийской Коллегии Натальиным¹¹⁾. Бегство крестьян как в Украину, так и из Украины тем не менее еще долго не прекращалось, о нем в 1783 г. толковал гр. Румянцев¹²⁾ Все, чего можно было добиться в данном отношении, сводилось к праважу денег «по пропорціи»¹³⁾, к взысканию пожилого. Сбор пожилого был установлен законами 1700, 1715 и 1718 г., по каковым за беглых русских драгун взыскивалось втрое в сравнении с крестьянами; но в 1723 г. сбор пожилых денег был отменен¹⁴⁾. Размер пожилых денег равнялся 5 руб. за семью, что не отменяло возвращения помещику беглого и всего его имущества¹⁵⁾. Позже появилось ограничение—пожилые деньги перестали собираться со старшины не ниже сотников¹⁶⁾. Но в 30-х гг. XVIII стол. размер пожилых денег поднялся до 60 р. за двор, а за укрывавшихся по 20 р.¹⁷⁾. Московское правило перенесло в Украину и понятие об «уреченных

1) Бантыш-Каменский, Источ., II, 274.

2) П. С. З., V, № 2783, 87.

3) Диар., 13.

4) Ригельман, III, 129.

5) Сб. Р. И. О., СХХIV, 180.

6) Сен. Арх., III, 504; ср. Диар., 21; П. С. З., X, № 7587, 51.

7) Зап. Ч. Г. Ст. К., II, в. 5—6, 268.

8) Диар., 34.

9) Лазаревский, Поспол., 119.

10) Сен. Арх., XII, 242, 245, 246.

11) Сб. Р. И. О., СХХII, 41, 382.

12) Андриевский, Ист. мат., II, 99.

13) Диар., 62.

14) П. С. З., VII, 4282, 99—100.

15) Ib., V, № 2891—119, 2910—158.

16) Баранов, ор. с., II, 369.

17) П. С. З., IX, № 6688, 739.

лѣтех»¹⁾, однако оно здесь значения не имело, да по существу и иметь не могло. Если не удавалось удержать населения украинского от переходов и постоянного бегства²⁾ и нельзя было воспользоваться услугами беглых россиян, то для увеличения рабочих рук Украины приходилось прибегать к иностранным колонистам. По свидетельству французского посла Кампредона, в конце царствования Петра I возникла мысль о колонизации Украины словянами. Привлечение последних, однако, не было значительным, так что киевский губернатор Вейсбах стал хлопотать о заселении Украины в ее южной части ушедшими в пределы крымского ханства запорожцами³⁾. Только в царствование Екатерины II удалось привлечь в Украину в качестве колонистов южных словян, хотя в числе их видно не мало и украинского люда⁴⁾. То были знаменитые сербские поселения⁵⁾, выведенные Шевичем и Хорватом и первоначально предполагавшиеся к поселению на Волге⁶⁾. Ради них пришлось в некоторых случаях сгонять и разорять имевшееся на местах украинское население⁷⁾. Кое-где селились и не словяне, как, напр., в 1766 г. в Беловежской степи⁸⁾. Предполагалось призвать для колонизации и французов-янсенистов⁹⁾. Профессор Линниченко отмечал ранние поселения, появившиеся из пределов Литвы, Падалка—кавказских черкесов, Грушевский М.—татар¹⁰⁾. Подобный же этнический состав известен и в более позднее время. Однако колонизационный приток, как очень хлопотливый, не мог быть значительным. В силу сего украинское шляхетство стало прибегать к удержанию сельских рабочих при помощи судебных приговоров: приговоренные к наказаниям украин-

¹⁾ А. Ю. и З. Р., VIII, 8.

²⁾ Кулиш, Зап. о. Ю. Р., I, 82—83; Ж. М. Н. П., 1886, VI, 252—3, 255, 257, 265—27-й; Карпов, Нач. деят. Б. Хмел., 27; Эйхгорн, Оч., 59; А. Ю. и З. Р., XIV, 78; Кулиш, Отпад. Мал., III, 340; А. Ю. и З. Р., III, 107, 120; XIV, 565; XV, 404; XII, 45; XII, 33, 34, 131, 243, 283, 780; XIII, 158; Белозерский, Ю.-Рус. лет., 64; Пам. К. К., II, 125; Лазаревский, Поспол., 76—85; Сб. Синбир., 88; А. З. Р., V, 166—7, 153, 150, 168, 180; Сб. в честь Ключев. 632—639; Л. З. А. К., XVII, 116.

³⁾ Сб. Р. И. О., LII, 145; Ешевский, Соч. II, 545.

⁴⁾ Зап. Ч. Г. Ст. К., II, в. 5—6, 321. П. С. З., IX, № 6345, 51.

⁵⁾ Сен. Арх., X, 3, 5, 45, 49, 58; Зап. О. О. И. и Др., XXVI, 1—40.

⁶⁾ Арх. Воронцова, VII, 304; Сен. Арх., XI, 6, 9, 12, 23, VII, 402, 415, 425, 487, 592, 613—4; Lesur, Hist. d. Kos., II, 177—180, 190—191.

⁷⁾ Арх. Воронцова, XXV, 193.

⁸⁾ П. С. З., XVII, № 12655, 702.

⁹⁾ Сб. Р. И. О., С., 544.

¹⁰⁾ Линниченко Крит. оц. соч. Падалки, 17; Тр. Полт. Арх. Ком., VII, 91, 107; Грушевський, З політ. життя, 54;

цы забирались к панам на работу и могли в таком положении оставаться целую жизнь¹⁾; стали покупать русские крепостные²⁾, привлекались к оседлой жизни и цыганы³⁾, приневоливались раскольники⁴⁾.

Все перечисленные меры не имели успеха. Добыть население, таким образом, оставалось только двумя верными способами — населением при помощи так называемых осад или предоставлением в распоряжение помещиков труда «подданных» в уже населенных местностях. Осадничество могло применяться только при наличии земельных просторов и допущено могло быть лишь при экстенсивной культуре земледелия. Есть мнение, имеющее за собою известное основание за то, что осадничество сначала связано было со скотоводческим хозяйством, что видно из многих названий поселений, в роде Кобыляки, Кобыльники, Конюхи, Оборы и проч.⁵⁾. И только тогда, когда число земель значительно уменьшилось, в осадах стали применять земледельческий труд сразу же при первом появлении в новоосаживаемой местности людей. В революционный период украинской истории осадничество протекало стихийно. Когда же гул орудий умолк и открылась возможность мирного труда, на осады обращено было серьезное внимание украинских правительственных кругов. Осадничество в силу этого требовало соблюдения определенных формальностей не только тогда, когда оно шло, так сказать, явочным порядком, но и когда протекало планомерно. В первом случае правительственная власть стремилась проводить известный режим. Населению, которое само собою осело, хотя и *post factum*, придавался осадчий. «Въ слободѣ нашей Митьковои, которая недавно начала осѣдати, не маеть осадчого» с сокрушался в 1703 г. Мазепа и назначил таковым С. Савельева⁶⁾. При осаживаньи селений по ранее составленному плану помещики предварительно получали разрешение властей. Для того существовал, даже особый уряд, зависимый от Генерального Скарба, хотя частная инициатива все-таки не стеснялась и связана была, можно думать, с

¹⁾ Слабченко, Малорус. п., 312.

²⁾ Ханенко, Диар., 464, 466.

³⁾ Модзалевский, Род., II, 355, 357.

⁴⁾ Хартулари, Пр. суда, 206 прил.

⁵⁾ Dubiecky, Обг. I, 152.

⁶⁾ Верховский, Стародуб, II, 80. С понятием осадчего неизвестный историк Пузыревский (Разв. постоян. регул. армии, 89) соединяет представление не инициативы, а процесса заселения, так что, с его точки зрения, осадчие = оседлые, что неправильно, ибо осевший мог не быть осадчим и осадчий мог не быть оседлым. по крайней мере, от осадчего не требовалось обязательно оседлости.

простою «обвѣсткою» начальства¹⁾, в некоторых случаях даже гетмана. Так, в 1691 г. гетм. Мазепой разрешено было Полуботку «для помочи млыновъ 310 хать людей осадити»²⁾. В 1699 г. тот же гетман издал специальный универсал, «абы жаденъ зъ посполитой шляхты и пановъ не важился городовъ и сель осаживати о 5 миль от Днѣпра»³⁾ (то-есть, в округе Корсуня, Богуслава и Мошнов, составлявших пустой барьер между Украиной, Польшей и татарскими владениям⁴⁾). Мазепа вообще старался упорядочить дело осаживанья и противившихся его распоряжениям подвергал наказаниям. В 1707 г. Жученко и Искра оказались непослушными «праву посполитому», осадивши без донесения гетману слободу и зазывая туда народ,—и гетман приказал полтавскому полковнику идущих к слободе Жученка и Искры людей «переймати, грабити, забирати и безъ пощадения вѣшати», а уже осевших согнать на прежние их места⁵⁾. Крестьяне платились головою; помещик, заводивший осаду,—временной утратой ренты—и все было в порядке. Осаживанье считалось важным правом или привилегиею и признано было только за духовенством или воинского звания лицами. «Всѣмъ—духовнымъ, шляхетству и воинского звания людемъ на земляхъ жалованнихъ, выслуженнихъ, купленнихъ, уступнихъ, наслѣдственныхъ и др., правильнымъ образомъ приобрѣтенныхъ, людей осаживать... имѣть свободно», говорил кодекс 1-ой половины XVIII стол.⁶⁾. И от этого не отступала практика. Осаживанье считалось производившимся «на себе»⁷⁾. Но это не означало, что осада могла быть исключительно владельческой,—она могла стать и Войсковою, как видно на судьбе с. Сваркова⁸⁾. Все же владельческие выгоды при осаживаньи часто превалировали. Помещики понимали, что делали, и потому добивались, чтобы при получении ими недвижимости за ними признано было и право осад либо в пределах их маетностей, либо поблизу⁹⁾. Такою осадюю, разумеется, владели

¹⁾ Тр. Черн. Арх. Ком., X, 33.

²⁾ Миллер, Арх., 111.

³⁾ К. Ст., 1896, V, 52.

⁴⁾ Порядок пустынных барьеров между государствами применялся и в других странах, например, в Сербии в конце XVII в.—см. Кочубинский, Мы и они, 96.

⁵⁾ Рус. Арх., 1875, II, 408.

⁶⁾ Права, гл. IV, арт. 5.

⁷⁾ Ген. сл. Неж. п., 25.

⁸⁾ *Иб.*, 24.

⁹⁾ Лет. З. А. К., XVII, 19.

уж только они и никто больше¹⁾. Осаживание предполагалось совершающимся «людми волными, жилища и притулиски не имеющими»²⁾, а не производилось за счет сидевшего уже населения, от чего мог бы пострадать казенный интерес. Случалось, что осаживание производилось и самими властями, как то имело место при заселении пространств по р. р. Самаре, Орели, Орчику и Берестовой, о чем уведолены были универсалами все украинские полки³⁾. Осадничество представляло некоторые выгоды и перехожему населению. Увидя деревянный крест с просверленными в нем дырами, означавшими количество льготных лет для того, чтобы, получивши от помещика не только землю, но инвентарь и обсеменение, крестьянин чувствовал передышку — «слободу» и (хоть на время) становился хозяином. В качестве осевшего он попадал в положение протекцианта, на него не распространялась ни общая подсудность, ни повинности. Осаживавшиеся «ни драгуновъ не кормили, ни войсковыхъ службъ не отбывали»⁴⁾. Но, когда проходили условные годы, осевший попадал в тесную и суровую зависимость от помещика, обязан был на него повинностями, несением барщины, платежом оброков и проч. Конечно, от помещика можно было бежать или уйти легально. Но для последнего требовалось соблюсти известные правила: желавший уйти с осады должен был отслужить своему помещику «столко, сколько свободно прожилъ, а вслуживъ мог отойти прочъ волно». При отсутствии с его стороны согласия на отработку, крестьянину разрешалось уплатить помещику деньгами из расчета по 12 коп. за неделю⁵⁾. В первом случае наступал вечный отработок, во втором невозможность выхода в виду малого количества и высокой цены денег. На осады помещиков представители власти смотрели как на собственность помещичью, защищаемую судебным порядком. Не то наблюдалось в отношении осад, произведенных не представителями шляхетства. По разрешению гетмана, богатый казак Радко осадил с. Дунаец. Пока жив был Радко, осада состояла за ним. По смерти же Радка с. Дунаец стало войсковым, потом перешло на гетмана, от последнего к кн. Четвертинскому, далее его стал оспаривать М. Разумовский, наконец, оно было отписано на царя⁶⁾. Помещичьи име-

¹⁾ Ген. сл. Неж. п., 57.

²⁾ Лазаревский, Пспол., 89.

³⁾ Эварницкий, Ист., Зап. Каз., III, 31.

⁴⁾ Зап. Ч. Г. Ст. К., II, в. 5—6, 187.

⁵⁾ Права, гл. IV, арт. 11, § 1.

⁶⁾ Ген. сл. Неж. п., 22.

ния были устойчивее, а так как помещикам принадлежала и власть, то шляхетство имело возможность производить и незаконные осады. По крайней мере, известны случаи, когда издавались такие распоряжения: «кто своих грунтовъ козачьихъ оставить не пожелаетъ и на грунта панские перейти не захочетъ, тотъ долженъ въ козачьей службѣ подь сотнею состоять»¹⁾. Таким образом, ради свободы осаживаний казацкая привилегированная служба обращалась в ярмо. Затем, для получения возможно большего количества рабочих рук помещики прибегали к различным уловкам, которые не всегда обнаруживались. Ревизия 1729 г. установила в Прилуцком полку такой случай. В с. Дехтяревке насчитывалось 5 дворов крестьян, и в том же селе находилась слободка полк. Галагана из 48 дворов. Полк Галаган просто осадил слободку и разными средствами принудил осесть в ней жителей Дехтяревки²⁾. Помещики, впрочем, на том не останавливались. Они добивались увеличения рабочих рук в своих владениях и иными средствами, в роде института подсосудков и т. п. К их же услугам было, наконец, посполитое население—свободное крестьянство, каковое получала старшина при пожалованиях или просто захватывала под благовидными предлогами, так что в жизни осуществлялось правило, «żeby pan był bogaty, a chłop był uciemiężony i ze wszystkiego ogolocony»³⁾. Такое положение крестьянства могло бы объяснить корреспонденту *Several Proceeding* в № 153 за 1653 г., почему украинское крестьянское население в период революции не так охотно поддерживало казачество и у него замечалось, повидимому, желание, чтобы все оставалось по-старому. «Вольный казак», говорит Соловьев: «вовсе не хотел работать или хотел работать как можно меньше, хотел жить на чужой счет, на счет чужого труда»⁴⁾. А потому крестьянин обращался понемногу из свободного в подданного, состоявшего в частно-правовой зависимости от помещика⁵⁾. Вопреки высказанному В. Барвинским мнению, понятие подданства именно в этом смысле известно с 1654 г. В том году Зарудный и Тетеря просили московского царя, «чтобы есми были волны въ своихъ подданныхъ». Напрасно Бруховецкий старался помочь крестьянству. По замечанию историка, он вместо помощи «став заводити у себе в гетманстві кріпацтво—панщину»⁶⁾, хотя искренно него-

¹⁾ Лазаревский, Оч., I, 113; К. Ст., 1891, I, 14.

²⁾ К. Ст., 1891, I, 16.

³⁾ Reuille, *O gospod. ziem.*, 62.

⁴⁾ Соловьев, в «Рус. Вестн.», 1859, XVIII, 178.

⁵⁾ Gierke, *о. с.*, I, 635.

⁶⁾ Цегельський, Русь—Укр., 85.

довал на старшину, стремившуюся к заведению принудительного труда ¹⁾. Запорожцы при Мазепе признали возможным обладание человеком и единственно добивались, чтобы обладатели пользовались своим преимуществом законно ²⁾. Словом, Украина уже конца XVII стол. ясно сознавала нужду в введении крепостного права и крупного землевладения. Экспроприация населения шла тем сильнее, чем крупное хозяйство решительнее переходило на интенсивную систему земледелия. Крупные хозяйства расположены были на больших посевных площадях, а наличность фондового капитала открывала перед помещиками возможность введения технических усовершенствований; к числу таких относятся большие мельницы, 6-зубная соха и пр. ³⁾. Образцом большого культурного хозяйства являлось хозяйство Киевско-Выдубицкого монастыря, ведшего дела, как полагается большому хозяйству. В наказе управляющему данным монастырем указывалось, что «по снятии ячменя за одну работою на придучій годъ жито не дурное» должно уродиться или «на роли послѣ жита въ гной добрій ленъ родится» ⁴⁾. В маестностях гр. Разумовского в Глинской сотне введена была культура картофеля ⁵⁾ и т. д. В крупных имениях имелось много скота, что облегчало проведение удобрения полей; поднималась и зябь. В маестностях Апостола пахотная земля изготовлялась «въ зяблях» под яровой хлеб, и уродившаяся после сего пшеница так и именовалась зяблевою ⁶⁾. На зяби в значительных поместьях, кроме пшеницы, возделывались и иные злаки. Напр., в Прилуцком полку «подъ ячень и овесь зяблили съ осени плугомъ, а в мартѣ и апрѣлѣ в другой разъ раломъ и той часъ сѣяли». Вводились улучшения и в обмолочение хлеба ⁷⁾. Удобрение земли производилось по следующему правилу: «навозить гною и оній добре руками, а не вилами разбить, передробить и разостлатъ». Удобрение различалось в зависимости от хлебных культур. Под жито шел конский навоз, под пшеницу—овечий и пр. Удобрялись не только уже паханные поля, но и новина ⁸⁾. Удобрения полей приняты были по всей Украине, но в разных местах проводились в разные сезоны: в Черниговском полку уваживание земли практиковалось осенью или

¹⁾ П. К. А. К., III, 425.

²⁾ Эварницкий, Ист. Зап. Каз., III, 146.

³⁾ Шафонский, Оп. Черн. нам., 531.

⁴⁾ К. Ст., 1883, VIII, 728—729.

⁵⁾ Шафонский, ор. с., 530.

⁶⁾ Судиенко, I б), 143—144, 145, 149.

⁷⁾ Шафонский, ор. с., 5.

⁸⁾ К. Ст., 1883, VIII, 729.

даже зимою, и навоз разбрасывался только в момент пахоты; в иных местах удобрение разбрасывалось непосредственно за снятием хлеба ¹⁾ и пр. Удобренная земля пропахивалась 2—3 раза и кое-где так, что «на вспаханной однажды земле возрастали две разные пашни, напр., когда посеянная весной греча совершенно поспеет, то, не снимая ее, сеют по ней рожь или озимую пшеницу, которую по снятии гречихи скородят бороною, а на следующее лето сжинают» ²⁾. Сверх удобрения земли, производилась и мелиорация в виде, напр., выпаливания камыша на болотах ³⁾, устройства отводных каналов в болотистых же местностях ⁴⁾. Важнее было введение в сельском хозяйстве бобовых культур, кое-где травосеяния, открытие огородов. Вот что по сему поводу говорят акты. «На том мѣстѣ, дѣ хворость недавно витять, проводить надлежитъ двойную запашку и на такой роле гороху подѣ соху не сѣять»; пшеницу и овес разрешалось сѣять после одной запашки, «если бы ярка или пшеница на випаленной новини сѣяна была»; перед посевом земля обязательно пропахивалась. Рекомендовалось «ячмень сѣять как на свѣжомъ гною, на которому жито не росло, такъ и на старомъ гною, на которомъ жито бывало»; горох — «на роля не дуже гнойной» и «сеять полною горстью» ⁵⁾. Тут не только целая система хозяйственных навыков, подкрепленная метеорологическими наблюдениями, но и первые, еще робкие пробы перехода к переложной системе ведения хозяйства, требовавшей множества рук и длительного труда населения, которое посему все больше и больше оттягивалось на панцину и все меньше имело времени для обработки своей земли. Старинное хозяйство, описанное Блез де Вижинером, заменено было новым, основанным на новых принципах, проверенных не только местною, но и чужеземною практикою. Как точно велось новое хозяйство, рисует упоминавшийся выше наказ Выдубицкого монастыря 1760 г. Приказчики этого монастыря обязаны были хорошо знать размеры и границы монастырских имений—правило, позже рекомендованное Вольно-Экономическим Обществом ⁶⁾,—время посевов, земли монастырских крестьян, пустоши и т. д. Гуменный «справедливо» карбовал пашню на карбы. Приказчикам вменялось в

¹⁾ Шафонский, оп. с., 225, 236.

²⁾ Лазаревский, Оп., II, 95.

³⁾ Лазаревский. Оп. Ст. Мал., II, 413.

⁴⁾ Об. Рум. Оп., 244.

⁵⁾ К. Ст., 1883, VIII, 727—8.

⁶⁾ Тр. В.-Э. О., VIII, 162.

обязанность смотреть, чтобы пропашка была достаточно хорошей, чтобы косили хлеб пониже к земле, сено старательно сгребали, не допускали вытаптыванья хлеба скотом; требовалось, чтобы «карби гуменій, о сѣяніи, солодовій и броварній въ порядки были», всем подданным велась запись ради распределения их на работы, назначенные работы заканчивались к положенному сроку¹⁾. Тщательно регламентированное хозяйство давало и значительные урожаи и помогало сравнительно легко справляться с хозяйственными кризисами. Богатые урожаи (на панских землях обычный урожай бывал сам-10 и часто доходил до сам-20, между тем на крестьянских землях он не превышал сам-7—8) влекли за собою и соответствующие изменения в способах хранения урожая. В то время как у крестьян зерно сушилось на печах и мокло под дождем, у помещиков были сто-долы для зерна, закутки для разного рода инвентаря²⁾, гумна, овины для еще не молоченого хлеба, хорошо оборудованные клуни, сараи и пр.³⁾. На все это никак не могли посягать общественные низы под строжайшими запретами и наказаниями⁴⁾. Мелкий свободный землевладелец при богатом и хорошо защищенном соседе не мог себя чувствовать устойчиво. Хотя на его стороне и были некоторые симпатии тех или других кругов⁵⁾, он не мог соперничать с крупным аграрием. Последний рядом легальных и нелегальных актов отбирал его землю на себя и затем привлекал на службу себе население, свободного селянина делал своим крепостным.

Итак, переход к интенсивному хозяйству, именно к введению переложной системы, влек за собою переход земель и целых селений к классу помещиков. Жалованные грамоты отдали в распоряжение помещика свободное население первоначально на временных и прекарных, потом постоянных и легальных условиях. Прекарность владения свободными вела к появлению рабского труда, заменяемого и дополняемого трудом беглых и вольнонаемных рабочих. Но невыгодность последнего привела к необходимости создания института длительной зависимости и вотчинного права, ярко обрисовавшегося при осаживаньи новых местностей. Совершенствуемое хозяйство требовало все новых рабочих, все более длительного периода работ на помещика и вело к введению крепостного права в помещичьем хозяйстве.

¹⁾ Тр. В.-Э. О., 1883, VIII, 725.

²⁾ К. Ст., 1886, I, 130, 137.

³⁾ Ib., 1883, VII, 517.

⁴⁾ Ib., 1884, X, 214.

⁵⁾ Филарет, Оп. Черн. еп., III, 20.

ГЛАВА VIII.

Шелгунов, исследуя вопрос о крестьянском закрепощении в Украине, писал, что казачество «желало спасти свою личную самостоятельность, чувствовало всю тягость тогдашнего гражданского порядка, а между тем не знало, как устроить порядок нестеснительный»¹⁾. То же можно сказать о всем населении Украинской республики. Казачество искало выхода в индивидуальной собственности, хотя, повидимому, не могло себе представить полного освобождения крестьян²⁾, и права последнего в договорах не определялись³⁾. В свою очередь, права казачества не были резко выяснены в статьях. Обрисовка казацких прав шла скорее путем перечисления отрицательных, чем положительных признаков, что давало возможность помещицкому классу бесцеремонно обращаться как с крестьянами, так и с «козацкою верствою»⁴⁾. «Лучшіе, пописавшись в паны»⁵⁾, захватили в свои руки и землю, и «худших», «черневых». «Лучшіе» образовали кадры позднейших помещиков, привлечших на свою службу остальное население, сидевшее на земле и жившее от земледельческого труда. Последний в Украине сыздавна был наиболее распространенным занятием, не требовавшей чрезмерной затраты энергии работой, притом дававшей значительные выгоды, так как, по свидетельству Боплана, «хлеб родился в таком изобилии, что нередко не знали, куда его девать»⁶⁾. Экономист XVII ст. Ржончинский писал, что от посева в Украине 50 корцев хлеба собиралось 1.500 коп жита⁷⁾. И в последующие времена, уже при некотором истощении почвы, урожаи были также очень значительны. Ежегодный урожай на Полтавщине в конце XVIII стол., беря средние цифры за 10 лет, по сбору ржи выражался

¹⁾ Шелгунов, Соч., II, 194.

²⁾ Рус. Арх., 1875, III, 230.

³⁾ Покровский, Ист. Рос., III, 27.

⁴⁾ Рус. Арх., 1875, I, 322.

⁵⁾ Иб., 1859, № 18, 191.

⁶⁾ Мемуары, II, 302.

⁷⁾ Кулиш, Ист. воссоед., I, 22.

в крупной цифре 2.042.241, пшеницы—556.940, ячменя—491.365, овса—1.080.782, гречихи—452.599, проса—262.925 пуд.¹⁾ Посему правы были исследователи, говоря, что украинцы «dokoło siebie mieli ziemię żyzną, urodzajną i wiele»²⁾. В Украине держались взглядов, что «jest jedyna prawdziwa gruntowna potęga, która za swój fundament zakłada rolnictwo», ибо последнее «zmacnia i natęża sily Państwa, pomnażając jego dostatki, gdzie kwitnie rolnictwo»³⁾. Земледелие являлось излюбленным занятием, так что у некоторых ученых составилось даже представление о том, что физиокративные идеи в Украине (как и в Польше) известны были уже с XV стол. Таково утверждение Грабского; оно, разумеется, преувеличено, ибо занятие земледелием еще не означает научной политико-экономической системы. К тому же идеи физиократов тянули в сторону интенсивных культур, между тем, по свидетельству польского экономиста конца XVIII в., сельское хозяйство у нас построено было «na niektórych prostych praktykach i fałszywych przewencyach, tradycya, która od ojców przechodzi»⁴⁾. Следовательно, о научной постановке земледельческого хозяйства не приходилось говорить. Исключение представляли крупные хозяйства, постоянно стремившиеся к тому, чтобы быть au courant земледельческой науки и экономики: в украинских панских библиотеках упоминаются политико-экономические трактаты. Так, в 1690 г. в Украине популярна была политико-экономическая книга о земледелии, в коей заключались практические указания о борьбе с вредителями⁵⁾. Среди книг И. Забеллы, хорунжего ген. артиллерии, находились две книги «польскія экономіи»⁶⁾; нередко и до сих пор встречаются работы Рейля, Труды В.-Экон. О-ва и пр., в которых выражались, так сказать, модные идеи, связанные с земледельческим трудом. Идеи эти для XVIII в. сводились к тому, что земледельческий труд доставлял наибольшее количество дохода; что земля доставляет богатство постоянно и неизменно, но, чтобы земные богатства получались в полной мере, сельское хозяйство должно было вестись правильно, при регламентации земли, точном учете сил и возможностей, значительным и мощным инвентарем, утилизации отбросов, удобрении полей, регламентированном крестьянском труде; опыт иных стран, например, Англии, привлекался к изучению и практической проверке, вводилась интен-

¹⁾ Тр. Полт. Арх. Ком., XIII, 98.

²⁾ Gawrońsky, O Bohd. Chmiel., 2, 3.

³⁾ Reuile, O gospod. ziem., 8.

⁴⁾ Ib., 20, 22.

⁵⁾ Величко, Лет., III, 87, 91.

⁶⁾ Тр. Черн. Пр. Ком., 13.

сивная обработка земли и т. п.¹⁾). В связи с такими тенденциями в Украине появилась новая злаковая культура—греча²⁾, плодопеременная и переложная система³⁾, или вводилось огородное и садовое хозяйство⁴⁾, как то делали пом. Маркевич или киевский магистрат.

Осуществление таких идей возможно было только в больших помещичьих хозяйствах, получивших в стране преобладание. В конце XVIII стол. в Украине насчитывалось:

В полку	Городов	Местечек	Сел	Хуторов
Киевском	3	15	277	187
Переяслав.	2	13	204	279
Лубенском	5	13	295	1293
Гадяцком	2	9	74	1081
Прилуцком	1	8	173	387
Миргород.	5	8	108	1169
Нежинск.	8	7	372	671
Стародубск.	6	3	608	378
Черниговск.	4	7	374	332
Итого.	36	83	2449	5747 ⁵⁾

Таким образом, в руках помещиков сосредоточено было до 6000 поселений с округленными панскими владениями, огороженными «землею, лугом и лесом»⁶⁾, сведенными в одно место при помощи мены, покупки, дара, захватов и обнесенными загородью «до самих хат»⁷⁾, как описано было Руссо в работе «О причинах неравенства» и известно ему было из практики Франции, Англии, Польши и пр. Памфлеты Руссо на существовавшие порядки могли бы быть дополнены и данными украинской практики, шедшей в ногу с экономическим строем Зап. Европы. Если в данном отношении ставились украинским помещикам барьеры, то они не выходили за пределы права участия общего⁸⁾. Права же шляхетства в области имущественно-хозяйственных отношений гарантировались Москвою еще в 1655 г.⁹⁾. Само шляхетство весьма рано обнаружило свои тенденции и стало себя именовать панями, ибо, как уверял И. Нечай, ему было велено

¹⁾ Reuile, op. c., 10, 42, 43, 46, 191, 204, 224, 32.

²⁾ Линниченко, Крит. оц., 14.

³⁾ Маркевич, Дн. Зап., II, 211.

⁴⁾ К. Ст., 1898, V, 69.

⁵⁾ Маркевич, Ист. Мал., V, 117—121.

⁶⁾ Пам. К. Арх. К., III, 425.

⁷⁾ Стороженки, IV, 362—7; Тр. Черн. П. К., 36—37.

⁸⁾ Права, гл. XIX, арт. 19, § 1; арт. 20, § 1.

⁹⁾ А. Ю. и З. Р., XIV, 365.

«пановать»¹⁾. Панованье выявлялось в двух направлениях: в ведении лично на помещика шедшего так называемого дворцового хозяйства и зависимого от помещика крестьянского хозяйства. Дворцовое хозяйство состояло из помещичьего дворца «съ грунтами и сѣножатми и займами, до него принадлежачими»²⁾. Самый дворец представлял собою помещение для житья и двор — население при хозяине, семьи слуг и челядь «с животами»³⁾, а также управление дворцом в лице панских старосты и шафаря или казначея⁴⁾.

Староста ведал прислугу и хозяйство в натуре. У помещиков были значительные запасы всякого добра. В дворе П. Полуботка, например, в 3 ямах хранилось 1190 осмачек ржи, в коморах—овес, крупа и пшено⁵⁾; в погребах мед, запасы табаку и зерна⁶⁾. Казначей ведал денежными делами, поступлениями денег от крестьян и от продажи запасов. Тому же Полуботку в 1724 г. поступило с ряда руден 143 р. 20 к., с с. Оболони—694 р. 96 к., Орловки—1677 р. 05 к., Савинок—719 р. 79 к., Борович—351 р. 75 к., Должика—897 р. 06 к. и т. д.; в 1725 г. с тех же селений казначей получил 36 р. 68 коп., 47 р. 90 к., 133 р. 03 к.; 17 р. 10 к., 133 р. 50 к. и т. д.⁷⁾. Деньги поступали с населения от разных статей—с проданного вина, меда, винокуренных казанов, грунтов⁸⁾, живого инвентаря и урожая⁹⁾ и т. д. В помещичьем хозяйстве каждою хозяйственною статьею ведал особый надсмотрщик. Были надсмотрщики над панскими огородами, гумнами, мельницами, птицею¹⁰⁾, рыбными ловлями¹¹⁾ и т. д. Они заботились о содержании своего помещика и его иногда многочисленной дворни (у Разумовского, например, считалось 261 чел. дворовых)¹²⁾. Отдельные приказчики или панские отаманы «отбирали (на пана) хлѣбъ», «дворы строили», «звѣрину присылали на праздникъ», как устанавливал еще в 1658 г. Немирич в пожалованных ему городах¹³⁾.

¹⁾ Сб. Синбир. 7.

²⁾ Ген. сл. Неж. п., 104.

³⁾ А. Ю. и З. Р., XII, 810.

⁴⁾ Чт. М. О. И. и Др., 1862, III, 28—9.

⁵⁾ *Ib.*, 1862, III, 45—47, 29.

⁶⁾ *Ib.*, 1862, III, 56.

⁷⁾ *Ib.*, 1862, III, 29—30.

⁸⁾ Судиенко, Мат., I б), 21, 25.

⁹⁾ Лазаревский, Оп. Ст. Мал., II, 176.

¹⁰⁾ Чт. М. О. И. и Др., 1862, III, 50—52.

¹¹⁾ Тр. XII Арх. С., II, 202.

¹²⁾ Карпович, Зам. бог., 289.

¹³⁾ А. Ю. и З. Р., XV, 40.

Запасов нужно было иметь много, так как у крупных помещиков было свое придворное войско, церковь, штат учителей, канцеляристов и т. д. Громадный штат прислуги представлялся необходимым в виду значительных помещений для обитания и собранных богатств. Из книги пожитков П. Полуботка узнаем, что в его дворце поднимались дорогие печи со стеклянными окончинами, в комнатах стояли стулья с кожаными сиденьями и такими же спинками, лавки были покрыты килимами, по стенам висели на китайском шелку картины и зеркала, теплились серебряные лампы, горели фонари, десятками считались золотые в камнях перстни, возвышались резной работы и с горельефами кружки, кучами собраны были драгоценной парчи кафтаны, хранился шелк, кружева, собольи меха, швабского и голландского полотна белье, турецкие пояса, запасы холста, ковры украинской работы и пр. ¹⁾ Иметь штат прислуги и над нею приказчиков и шафарей являлось для большого хозяйства необходимым и выгодным, ибо в случаях растрат, утерь и пр. приказчики и шафари отвечали своим имуществом пред помещиком. Примеры того имеются в прошлом Украины ²⁾, когда господари и др. управители панских имений отвечали за «приходи панские» ³⁾. «Приходы» эти были велики, потому что, по свидетельству иностранных мемуаристов, население работало только на старшину ⁴⁾, особенно в конце XVIII стол., когда ревизии прикрепили селян к данным селениями и помещикам ⁵⁾ и фактически привели за собою панщину. Максимович догадывался, что наложение на крестьян панщины вызвано было тем, что «война, требовавшая знатного числа войска, побудила Хмельницкого объявить народу: кто пойдет на войну, останется навсегда казаком, а кто не пойдет—мужигом» ⁶⁾. Подобного акта Хмельницкий, насколько известно, не издавал, но факт остается фактом, крестьянское население весьма рано привлечено было к несению повинностей в пользу старшины. Таковыми первоначально были возка дров, косьба сена и гаченье гребель ⁷⁾, а, сверх того, вообще «всякое послушенство» ⁸⁾.

§ 10 конституции 1710 г. обязанности уборки хлеба и сена и га-

¹⁾ Чт. М. О. И. и Др., 1862, III, 7, 8, 15, 16, 20, 25, 36, 44 и др.

²⁾ Сен. Арх., IV, 429.

³⁾ Грабянко, 110.

⁴⁾ Юль, Зап., 341—2.

⁵⁾ Энгельман, Давн., 60.

⁶⁾ Пам. Зак., I, 102.

⁷⁾ Лазаревский, Поспол., 31.

⁸⁾ Самовидец, 47.

ченья отменял для казачества и свободных посполитых¹⁾. И означенное требование, повидимому, действительно проводилось в жизни. Известны случаи, например, в 1715 г. с переяславским подасаулом И. Илляшенком, когда для привлечения населения к работам по уборке полей он должен был на то просить разрешения властей²⁾. Но в отношении «подданных», то-есть, крестьян, принадлежавших помещикам на частном праве, ограничений не вводилось. Была ли панская маетность осажена или пожалована или «инако набита», население ее состояло в полной зависимости от помещика. Закон требовал помещикам «послушание и повинности отдавать», «за ослушание и преступство владѣльцу наказивать по рассмотренію волно» было³⁾. «Подданные» могли иметь свою землю, но распоряжаться ею без соизволения помещика они не могли, как не имели они права без панского разрешения куда-либо наниматься⁴⁾. По Правам, в арт. 8, § 2, гл. IV, все имущество «подданного» состояло собственно в его пользовании. Крестьянин даже по уголовным преступлениям, по крайней мере, в предварительной стадии судопроизводства; подлежал юрисдикции помещика⁵⁾; в помещичьих владениях «никакой судъ не имель самъ арестовать и удержать» подданного «за долги и вини в дѣлахъ исковихъ, но у владѣльца или прикащика надлежало искать суда»⁶⁾. Такой закон созданся в силу предшествовавшей практики. 28 августа и 3 октября 1650 г. Хмельницкий своими универсалами признавал власть помещиков и то, что надлежало «подданным до подданства належати»⁷⁾. Полуботок просил Вельяминова оказать помещикам поддержку в борьбе с «легкомысленными подданными», которые не хотели нести свои обязанности в пользу помещиков⁸⁾. В пользу последних подданные несли натуральные и денежные повинности. Среди повинностей и даней некоторые получили широкое распространение. Сюда относятся, между прочим, осенщина⁹⁾, собиравшаяся старшиною (служилою и неслужилою), монастырями¹⁰⁾ и пр. Лазаревский сближал осенщину со старинным дяклом, ибо и та и другое представляли нату-

1) Маркевич, Ист. Мал., II, 533.

2) Модзалевский, Малор. Род., II, 205.

3) Права, гл. IV, арт. 8, § 1.

4) *Иб.*, гл. IV, арт. 9, § 1.

5) *Иб.*, гл. XXIV, арт. 11, § 1—2.

6) *Иб.*, гл. XXII, арт. 4, § 3.

7) Арх. Ю.-З. Р., ч. 3, т. IV, 512, 518.

8) Карпов, Крит. об., 119.

9) Дидар, 75.

10) Чт. М. О. И. и Др., 1884, II, 30.

ральный сбор¹⁾). Осенщина вносилась помещикам с урожая по числу рогатого скота, но она могла вноситься и птицею, и домашними животными, и деньгами. Полуботок предпочитал осенщину переводить на деньги и в год от нее имел 4430 зол.²⁾ С пахотных полей шла так называемая десятина³⁾, которую уплачивали и арендаторы⁴⁾, а до 1648 г. казаки, при чем, судя по § 2 инструкции запорожским послам, данной Хмельницким, шла только с пчел⁵⁾. Чаще всего десятинный сбор практиковался в монастырских владениях⁶⁾. Возможно, что здесь сказалось влияние старинных церковных порядков. Такого же происхождения были и колядованья, выросшие из объездов духовенством населения⁷⁾; принятое духовенством⁸⁾ колядованье усвоено было старшиною и шляхетством. (Специальным видом дани в пользу духовенства являлась роковщина⁹⁾). Далее, был ральцевый сбор, сначала выражавшийся в натуре, потом переведенный на деньги¹⁰⁾ и, наконец, воспрещенный¹¹⁾. Повидимому, не везде была принята повинность сторожещины, выросшая, как и в Зап. Европе, из охраны панских полей и скота; до конца XVII в. она принята была в монастырских имениях¹²⁾, в панских имениях она сводилась к охране панского покоя ночью. Был еще длинный ряд повинностей то натуральных, то денежных, то смешанных¹³⁾. Все они тяжело отражались на тощем бюджете подданных, мешали вкладывать хоть незначительный капитал в землю для ее обработки, а вместе с тем приводили и землю и силы подданного к истощению. В Польше рано учли это обстоятельство, и в интересах благосостояния края Ян-Казимир в 1656 г. предлагал найти средства, «aby lud uwolniony był od wszystkich ucisków i nadużyć»¹⁴⁾. В Гетманщине на то смотрели иначе, ибо там процесс накопления шел несколько иным путем—прибавочная ценность в виде ренты

1) Лазаревский, Оп. Ст. Мал., I, 4.

2) Лазаревский, Пospол., 47, 48.

3) Л. З. А. К., XVII, 66.

4) Филарет, Оп. Черн. еп., VI, 118.

5) Пам. К. К., I, 119.

6) Андриевский, Ист. мат., X, 53.

7) Maciejowski, Hist. włośc., 128.

8) Ак. Старод. ур., 14; К. Ст., 1885, I, 82.

9) Ж. М. Н. П., 1852, т. LXXV, 27.

10) Лазаревский, Пospол., 55—56.

11) К. Ст., 1885, X, 363.

12) Л. З. А. К., XVII, 48.

13) Лазаревский, Пospол., 36, 37, 41.

14) Maciejowski, op. c., 198.

развивалась очень медленно, и только с XVIII в. мобилизация земли повела к быстрому ее росту. В Украине рента выплачивалась помещикам трудом, ибо до Петровских реформ и перехода к денежному хозяйству Украина представляла собою громадное количество самостоятельно ведущихся независимых натуральных хозяйств. Переход к денежной системе хозяйства, отчуждение индивидуальной недвижимости, пожалования и осадничество ввели в Украину порядок съемки земли у помещиков, и тут уже ренту приходилось уплачивать деньгами. Впрочем, недостаток денежных знаков и возможность сбыта и переработки сырья позволяли долго обходиться рентой трудовой. Данные, обрисовывающие имущества Полуботка и Апостола, свидетельствуют о существовании ренты денежной, дневники Ханенка и Маркевича—и трудовой, и денежной. Стало быть, единого типа ренты в Украине XVIII в. не существовало. Можно думать, не рискуя впасть в ошибку, что коммутации ренты из одной в другую не было. О том или ином виде можно говорить только отвлеченно, в идее, как о научной абстракции, притом связанной с современной ей политико-экономической наукой. Переносить посему понятия современного нам мира в прежние отношения не представляется возможным. Впрочем, Каутский позволяет себе иногда такие сближения¹⁾, то же делает и Рожков²⁾. Натуральные повинности должны были долгое время держаться и в виду низкопробности обращавшейся монеты и невозможностью широкого денежного обращения между Украиной и Зап. Европой. Таким образом, в разрешении вопроса о ренте играет видную роль не только экономический момент, но и финансовый. Были и случайные причины. Все означенные обстоятельства тормозили переход к исключительно денежной ренте и способствовали закреплению населения, так что Нибур был прав, утверждая, что натуральное хозяйство соединяется с крепостным правом³⁾. В несении натуральных повинностей принимали участие не только мужчины, но женщины, работавшие то у себя на дому, то в панском дворце⁴⁾. Мужские натуральные повинности в XVIII ст. отмечались большою тяжестью. Население с. Грицовки в Среблянской сотне, например, жаловалось на пом. Себастиановича, что он держал мужчин на своих сенокосах по 7 недель, каждая семья обязана была сжать помещику 10—20 коп ржи, по целым неделям приходилось на помещика па-

¹⁾ Каутский, Аграр. вопр., 18.

²⁾ Рожков, Обз., в. II, 19, 24.

³⁾ Нибур, Раб., как сист., 338.

⁴⁾ Судиенко, Мат., I. 6), 77.

хоть, зимою кормить 1 — 2 головы панского скота на свой счет ¹⁾, выткать, предварительно нарядши, не менее 12 арш. сукна и холста ²⁾, доставить от $\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{2}$ ф. шерсти с каждой овцы, внести с 4 гусей по 1 ф. пера «каждую три раза въ лѣто подскубуючи», доставлять дрова зимою, плести веревки и сети, починять инвентарь; делать бороны по указанному образцу ³⁾ и пр. Сверх того, приходилось кое-что давать и деньгами, вносимыми по четвертям года ⁴⁾. Известны случаи, когда помещику отдавалась половина заработанного ⁵⁾. Что касается чисто денежных повинностей, то они, главным образом, сосредоточены были в городах, где условия не столь благоприятствовали существованию натуральных повинностей, как в селах ⁶⁾. Однако и тут некоторые повинности оставались натуральными. Сразу после революционного взрыва ввести систематически несение натуральных повинностей не представлялось возможным. Существовали и были приемлемы правовоззрением временные работы, именовавшиеся работизнами. Последние точно не регламентировались, власть требовала, чтобы работизны «шли в меру, ничего вновь и выше меры не налагая» ⁷⁾. Но какова была «мера», уряды не определяли, они заботились только, чтобы не обременялось работизнами казачество ⁸⁾, в противном случае виновные обязывались «всѣ обиды (казака) вовсе заплатить» ⁹⁾. Работизны, постоянно и систематически повторяемые, переходили в панщину, вызваны же были к жизни расстройством хозяйственной жизни Гетманщины, требовавшим громадных усилий к введению хоть какого-либо хозяйственного порядка. Необходимый труд, требовавшийся переживаемым моментом, был увеличен прибавочным. Удлинение периода работизн создавало ренту помещикам, а взятие подданных под надзор, сверх прочих условий, приводило к панщине. По свидетельству Боплана, 3 дня такого труда, усложненного выдачами натуры, доводили народ до обнищания ¹⁰⁾. *Lament chłopski*—сатира половины XVII ст. перечисляет разные сельские повинности и жалуется на панщину. Постоянные кризисы в

¹⁾ К. Ст., 1891, I, 9—10.

²⁾ Тр. В.-Эк. О., 1770; XVI, 53.

³⁾ К. Ст., 1883, VIII, 726.

⁴⁾ *Иб.*, 1899, V, 79—II.

⁵⁾ Зап. Ч. Г. Ст. К., II, в. 5—6, 168.

⁶⁾ Андриевский, *Ист. мат.*, III, 104.

⁷⁾ Лазаревский, *Оч.*, V, 41—42.

⁸⁾ *Диар.*, 17.

⁹⁾ К. Ст., 1896, VII, 2.

¹⁰⁾ Мемуары, II, 304.

виду постоянного отлива рабочих рук побуждали помещиков Украины, как и Московского государства, удерживать крестьян на месте ¹⁾. Выход из создавшегося положения найден был в том, что «меру работизн» наконец точно установили. Универсалом 1701 г. Мазепа вводил 2-дневную панщину «и по осмачкѣ овса отъ рабочей скотини» в год ²⁾. Последующее законодательство не отменило сего распоряжения. Размер панщины, установленный Мазепою, даже в конце XVIII в. признавался экономистами рациональным ³⁾. Двумя днями помещики фактически не удовлетворялись. Войт с. Случок доносил в 1722 г. Скоропадскому: «село старинное Случок обнял в подданство п. Романовичъ и тимъ бѣднимъ людемъ не даетъ одпочинку—по цѣлой недѣлѣ загнаніе въ Погарь за 3 милѣ матери его отправують великіе работизны безъ перемѣны, а другіе тут на мѣстцу не выходятъ з пригону» ⁴⁾. Понятно, что подневольную работу население не могло выполнять с охотою, что заметил, между прочим, в 1740 г. гр. Вейсбах ⁵⁾. В поместьях Полуботка крестьян приходилось силою ставить на панщину. В дер. Гуты Полуботка в 1724 г. обитало 11 дворов подданных, о них писалось в описи имения: «пашню пашуть пригономъ в с. Михайловцѣ» ⁶⁾. «Пригон» и длительность работ увеличивались в связи с тем, что поля нужно было убрать во что бы то ни стало. XVIII в. освободил украинскую старшину от войсковой службы, а введение российских гарнизонов—от обязанности жить в городе: воин обратился в помещика, свалившего мелкое индивидуальное хозяйство и увеличившего запашку за счет крестьянской земли и рук. Прикрепить последние окончательно помогла власть, боровшаяся с бродяжничеством и искавшая правильного поступления обложений ⁷⁾. Но пока панщины не было и рабочие были свободны, земли помещиков могли «гулять». Для избежания сего они сдавались охочим. В составе тенентов панской земли видим особый разряд населения—куничников. Под именем куничников разумели обычно лиц, плативших куницу или куничне за вывод невесты в другое село ⁸⁾, что предусмотрено было и до-революционным законодательством ⁹⁾. Однако

1) Рождественский, Служ. землевл., 87.

2) Лазаревский, Поспол., 35, 39; Семевский, Крест., I, 96.

3) Тр. В.-Э. О., XVI, 27.

4) Лазаревский, Оп. Ст. Мал., I, 164.

5) Зап. Ч. Г. Ст. К., II в. 5—6., 170.

6) Чт. М. О. И. и Д., 1862, III, 55.

7) Победоносцев, Ист. исс., 47—48.

8) Тр. В.-Э. О., XVI, 34.

9) Vol. I eg., III, 440.

рядом с таким понятием встречается и иное. Так, если, с одной стороны, куничне шло от молодиков по 4 алт. или со вдовцов по $\frac{1}{2}$ коп. в виде выкупа за невесту ¹⁾, то известны куничники в собственном смысле, как разряд населения, платившие куницу за землю. То были ратаи, пахавшие с чинша дворные немерные поля, но имевшие и свои роли ²⁾. В по-революционную эпоху куничники встречались в составе населения Флоровского монастыря ³⁾. Войнич в 1751 г. завещал Ф. и Р. Москаленкам «пляць волній въ Нижнемъ Кіевѣ, на коемъ живутъ куничниковъ 5, другій пляць волній... на коемъ живетъ куничникъ одинъ» ⁴⁾. Таким образом, куничники — съемщики земли, арендаторы ее на время и за известную плату. Уплачивавшие выводную куницу могли быть, могли и не быть куничниками. Равным образом они могли и платить и не платить куницу выводную. Это зависело от условий конкретной обстановки. Словом, поскольку речь идет о кунице, имеем дело с помещичьею юрисдикцією и панскими подданными, поскольку же о куничном — с договором по съемке земли к данному разряду населения примыкали и огородники. До Хмельничины они «posiadali same morgi, najwięcej mieli ich po 3, w liczbie tych rolników bywali Niemcy» ⁵⁾. После Хмельничины огородники составляли разряд свободного населения, в будущем не избежавшего панской неволи ⁶⁾. Как и куничники, в Украине не имели пахотной земли и жили с заработков на чужом поле огородники. Но в то время, как куничник арендовал чужое поле, огородник обрабатывал его; имея свой скот, огородник фигурировал в качестве половинщика; не имея — работал лично от копы и т. п. ⁷⁾. Половинщик брал от землевладельца в обработку землю с половины и вспахивал ее, а собственник его половину засеивал своими семенами ⁸⁾. Скопщина получила свое наименование от копы (хлеба), получаемой по договору от землевладельца за уборку хлеба ⁹⁾. Работали или с 3-ей копы или с половины, так что половинчество в данном случае приобретало иной смысл ¹⁰⁾. Чем ближе к концу XVIII ст., тем тяжеле станови-

¹⁾ Лазаревский, Поспол., 48.

²⁾ *Żr. dz.*, XX, 25.

³⁾ А. З. Р., V, 126.

⁴⁾ Андриевский, Ист. мат., VIII, 10.

⁵⁾ Maciejowski, op. c., 170.

⁶⁾ Ген. сл. Неж. п., 72.

⁷⁾ Лазаревский, op. c., 20.

⁸⁾ Пащенко, Оп. Черн. Нам., 62.

⁹⁾ Шафонский, Оп. Черн. Нам., 225.

¹⁰⁾ К. Ст., 1891, VI, 387.

лось положение «скопыча». Он вспахивал и засеивал всю землю уже своим зерном, снимая хлеб, свозил его хозяину и получал 4 или 5-ую копу ржи, 7 или 8-ую ярового хлеба, и только сено собиралось обычно с половины ¹⁾. Тем не менее обычная скопщина выражалась в 3-м или 4-м снопе собираемого хлеба ²⁾, «а молотить соразмѣрно сему, а иногда и изъполу» ³⁾. Из сказанного следует, что в данном случае мы имеем дело с издельною арендою. Съемщиками из части продукта являлись подсосудки. Подсосудки—первоначально исконные обладатели земли, с своими участками попадавшие в зависимость от завоевателя ⁴⁾ или, как в Украине, от сильного державцы, помещика или протектора, что представлялось им более выгодным, чем уход с насиженной местности. Подсосудок—род колона, с одной стороны (поскольку у него своя земля), и долговременный съемщик—с другой. В качестве последних подсосудки «жили въ однихъ дворахъ да токмо въ особыхъ хатахъ съ козаками и посполитыми» ⁵⁾. Встречаются подсосудки с 80-х гг. XVII стол. у всех сословий: казачества ⁶⁾, городов ⁷⁾, крестьян, духовенства, помещиков. Подсосудничество доставляло некоторые выгоды, так как оно освобождало от повинностей, за исключением только договорных с лицом, к которому желательно было вступить в подсосудки. Стремления таких подсосудков сводились к оставлению за ними фактического обладания землями. Таким путем действовали, напр., монастырские селяне. Они продавали свои хаты, переходили жить к казакам и освобождались от повинностей, сохраняя при себе земли. Подсосудничество уменьшало число подданных единиц. Уменьшение доходов заставило правительство искать причины падения доходов. И причина была найдена. Мазепа в 1701 г. по указанному поводу опубликовал универсал, в котором приказывалось следующее: «подсосѣды, которые, свои хаты попродавши, въ козацкихъ живутъ, а свои грунта мають і оними пожиткують, абы, не заслоняючися козацкою обороною, компанейцовъ кормили і во вшелякихъ подданскихъ повинностяхъ з громадою конечно тянули, а такіе тилко, которые, в козацкихъ хатахъ живучи, жаднихъ своихъ кгрунтовъ не мають, а тилко на услузѣ господаровъ своихъ будучихъ,

¹⁾ Шафонский, *op. c.*, 226.

²⁾ Тр. В.-Э. О., VIII, 52.

³⁾ Болтин, *Прим. на ист. Лекл.*, II, 185. То же наблюдалось и в отношении ловли рыбы—см. Судиенко, *Мат.*, I 6), 38.

⁴⁾ Пригородовский, *Разв. кол. отн.*, 43.

⁵⁾ Экстракт из ук. и учр., 154.

⁶⁾ Ген. сл. Неж. п., 150.

⁷⁾ З. Ч. Г. С. К., II, в 1-2, 4.

самимъ у людей заработкомъ живутся отъ тихъ подданскихъ тяжаровъ нехай будутъ волны». Сверхъ того, гетманъ обязывалъ и казаковъ принять участие в несении общихъ повинностей¹⁾. Вследъ за Мазепою с аналогичными универсалами выступилъ и Скоропадский, шедший дальше своего «антецессора». Онъ запрещалъ подсосудничество для общественныхъ низовъ и приказывалъ прежнимъ владельцамъ, отъ коихъ население шло в подсосудки к казакамъ или крестьянамъ, у ослушниковъ «пожитки отбирати и що хотя з ними чинити»²⁾. Темъ не менее универсалъ не достигалъ цели, ибо не только свободные посполитые, но и оброчные панские крестьяне, какъ то видно в именияхъ Разумовскаго, имели своихъ подсосудковъ, составившихъ, по мнѣнию известнаго знатока крестьянскаго вопроса в XVIII ст., первые кадры крепостныхъ³⁾. Украинское правительство пыталось еще в XVII ст. выделить подсосудковъ в особую группу и придать ей определенную организацию. По проекту Мазепы, подсосудками долженъ былъ управлять особый старшой, на коего они работали и которому платили⁴⁾. Дальше проекта дело, кажется, не пошло, ибо изъ актовaго материала видно, что подсосудки зависели в экономическомъ смысле отъ своихъ хозяевъ⁵⁾. Законъ ограничивалъ подсосудковъ (или соседей, какъ они еще иначе именовались⁶⁾), в области завещательнаго права; они могли завещать на сторону не больше трети движимаго, недвижимостями же безъ панской воли совсемъ не могли распоряжаться⁷⁾. Подсосудкамъ, однако, не запрещались работы на стороне, в виде, напр., скопщины⁸⁾ или занятие торговлею, промыслами, и т. д. Торговые опериции иногда давали подсосудкамъ столь значительные средства, что в 1784 г. состоявшихъ за купцами и мещанами подсосудковъ приказано было отобрать, при чемъ «капиталистскихъ написать в купечество, а прочихъ в мѣщане или другихъ званій, куда кто пожелаетъ»⁹⁾. Диктовались подобные распоряженія, главнымъ образомъ, финансовыми соображеніями. Какъ бы то ни было, в лице подсосудковъ имеемъ дело с своеобразно юридически выраженною группою, в которой характерною, отличною отъ колоната, чертою является договор и сравнительно значительная личная свобода; ограниченія были в об-

¹⁾ Об. Рум. Оп., IV, 43—44; Филарет, Ор. с., III, 21, IV, 108.

²⁾ Об. Рум. Оп., IV, 46—7; Лазаревский, Оп. Ст. Мал., III, 176.

³⁾ Лазаревский, Поспол., 99.

⁴⁾ Эварницкий, Источн., II, 1756.

⁵⁾ Андриевский, Ист. мат., III, 44, 56, 58, 62 и др.

⁶⁾ Права, гл. XII, арт. 14, § 1—2.

⁷⁾ Ханенко, Погар, 50.

⁸⁾ П. С. З., XII, № 15907, 10.

ласти отношений имущественных, и тут сближались и куничник, и огородник, и исполовник, и подсосудок.

Перечисленные группы населения объединялись договором аренды в том или другом виде. К нему приходилось прибегать в виду того, что своей земли у населения не было, а бросить рабочие руки в города на обрабатывающую промышленность представлялось невозможным по отсутствию значительных городов. Лишенное подспорья крестьянство вынуждалось, таким образом, держаться земледельческого труда. Переход на арендное хозяйство облегчался тем, что помещичьи земли не все обрабатывались, часть их оставалась свободной. Виною в том было отсутствие рабочих, а в северной Украине переход к лесному хозяйству ¹⁾). Свободную от непосредственной эксплуатации землю помещики сдавали в аренду, перенося на арендаторов, однако, и все повинности. Понятие аренды в Украине XVII в. было двойное. Во-первых, аренду именовались откупа преимущественно вина и прочих напитков и других статей, отголоски чего встречаются еще в XVIII в. ²⁾; во-вторых, аренда—род найма. Проф. Иловайский, однако, переносил на Старую Украину понятие аренды русского публичного права, как рода земельного пожалования ³⁾, но она встречалась в Украине XVIII в. очень редко. В 1726 г. Шептаковская волость, доходы с коей раньше шли на гетманов, была отдана в такую аренду М. Строгановой к заводу парусной мануфактуры. Однако и тут черты частно-правовые сохранились, ибо Строганова обязалась платить в казну 3.000 р. в год ⁴⁾. На аренду, как вид найма, встречаем не мало указаний. В аренде состояли в г. Лебедине принадлежавшие П. Полуботку коморы с уплатою «за шинковую на годъ 1 р., а за рѣзницкую—50 коп.» ⁵⁾; монастырские дворы в 1737 г. платили Киевской Лавре аренду со двора—по 4 руб. 500 дворов и по 1 р.—390 дворов ⁶⁾; арендовавший у Киево-Троицкого монастыря в 1710 г. мельницу свящ. Сыч платил по 4 руб. в год и передал эту аренду своим сыновьям ⁷⁾; в 1727 году солдат Смородин арендовал мельницу и хутор у Кирилловского монастыря сроком на 10 лет по 9 р. в год ⁸⁾; известна аренда поля размерами в 8 дней по 1 руб. с дня земли (в

¹⁾ Ж. М. Н. Пр., 1886, V, 95.

²⁾ Сб. Р. И. О., CXIV, 27; Андриевский, Ист. мат., VII, 16.

³⁾ Иловайский, Рус. Ист., V, 194.

⁴⁾ Сб. Р. И. О., LXIII, 505.

⁵⁾ Чт. М. О. И. и Д., 1862, III, 57.

⁶⁾ Андриевский, оп. с., 15.

⁷⁾ Ib., VI, 58.

⁸⁾ Ib., VI, 59.

Лубенском полку) ¹⁾ и т. д. Аренда тянулась «до уреченого срока», при чем, в случае отчуждения недвижимости, арендатор продолжал пользоваться своим правом. Плата определялась обычаем или договором, последний же в большинстве случаев был неформальным и домашним. Плата должна была вноситься аккуратно под угрозой ответственности арендатора своим имуществом; никаких изменений в арендуемом имуществе закон не разрешал, разве если бы аренда была долгосрочной ²⁾. Аренда в Украине носила общее название чинша, под именем коего действовавшее в Украине *Speculum Saxonum* понимало наемную плату за пользование имуществом. В то же время чиншем являлся и налагаемый на землю и денежный оброк, платимый временными арендаторами, крепостными и т. п. ³⁾. Формулировка чиншевых отношений основывалась на кодексах немецкого права. Там находилось не мало положений, выясняющих смысл и природу чинша. «Nullus censitorum sive consensu domini sui foveas excidere seu ligna caedere vel ejus radices poterit extirpare, nisi haereditario jure fundus sit suus censualis. Censitus sine licentia domini foveas facere, arbores excudere, minime poterit, nisi sit sua haereditas illa censualis». Дальше. «Census propria auctoritate non est auferendus... Censitus si moritur succedit in fundum» ⁴⁾. Наконец, «census non solvens ad tres annos locata bona vacabunt domino» ⁵⁾. Эти положения были общими как для Лео-, так и для Правобережной Украины. Они же легли в основание и последующего российского и польского законодательства об арендуемых недвижимостях. Аренда, согласно средневековой догме, определялась договором сторон, и договор считался для сторон законом. Чинш обеспечивался имуществом чиншевика, владение из аренды не подвергалось отчуждению, плата при неопределенной долгосрочной аренде была наследственной и неизменной, если не следовало пересмотра вопроса сторонами. Чиншевое право в Украине распространялось не только на землю. Известно очиншевание и рыбных ловель ⁶⁾. На чиншевой вопрос в украинской исторической науке впервые обратил внимание Лазаревский. Он осторожно высказывался за существование чиншевиков только в Прилуцком полку. Модзалевскому удалось установить существование чиншевиков и на Полтав-

¹⁾ Зап. Н. Т—ва ім. Ш—ка, ХС, 30.

²⁾ Права, гл. XV, арт. 1, § 4, 1, 3; арт. 4. § 1.

³⁾ Тр. Од. Юр. О—ва, I, 346, 348.

⁴⁾ Спасович, Ист. чинш. пр., 4, 8, 11, 12.

⁵⁾ Ib., 13, ср. 25.

⁶⁾ Диар., 87.

щине. Названный ученый отмечал также, что, повидимому, во всей Украине подданные несли двойные повинности—панщину и чинш, размер последнего определялся обычной нормою или усмотрением помещиков¹⁾, что видно из разной высоты денежных «внесков»²⁾. Вопрос о чинше стоит гораздо шире, чем представлялось. Дорошенко в Острожских статьях добивался освобождения казацких имений от чиншей³⁾. Далее, с чиншем встречаемся не только в Прилуцком и Полтавском полках⁴⁾, но и в Черниговском⁵⁾, Стародубовском полку⁶⁾, Киевском полку⁷⁾ и т. д. Поэтому чиншевую систему можно признать распространенной в большей части Украины. Чинш по полкам был не одинаков. Известен чиншевой даток в Черниговщине в размере 3 руб., позже поднявшийся до 5 р. и 7 руб. 20 коп.⁸⁾. Крестьяне с. Ущербья Новомеской сотни платили 250 рублей чинша в год⁹⁾, в с. Боршне и Смоше Прилуцкого полка крестьяне вносили своему помещику ген. асаулу Лысенку 100 р. в год чиншевых денег¹⁰⁾. Далее, денежный годовой чинш был принят не везде. В с. Белешапках Прилуцк. полка чинш заменял собою «мѣсячный даток», каковой вносили беднейшие крестьяне, т. е. чинш вносился помесечно и натурою¹¹⁾. Но натуральное «внесенье чинша», можно думать, представлялось исключением, обычный чинш—денежный и притом соединяемый с освобождением «от всяких посполитых дачек»¹²⁾, стало быть, определявшийся усмотрением помещика и зависевший от степени зажиточности крестьянина. В Гетманщине чинш связан был преимущественно с землею, как и в Польше¹³⁾. Однако в королевстве чинш представлялся явлением городским или связанным с городской юрисдикциею¹⁴⁾, в Украине же он был явлением сельским и, судя по «Слову о бездождіи», распространялся на разные стороны сельского хозяйства. «Роспрягаючи чловѣковѣ убогому и едино ярмо воликов маючому,

1) Модзалевский, Оч., 25.

2) Семевский, оп. с., I, 96, пр. 4.

3) Величко, II, 229.

4) Лазаревский, Оп. Ст. Мал., III, 162; К. Ст., 1883, XI, 458.

5) Лазаревский, Поспол., 63.

6) Лазаревский, Оп. Ст. Мал., I, 362.

7) Стороженки, I, 20.

8) Лазаревский, Поспол., 64.

9) Лазаревский, Оп. Ст. Мал., I, 363.

10) *Иб.*, III, 163.

11) *Иб.*, III, 186.

12) К. Ст., 1883, XI, 456.

13) Когзон, I, 357.

14) *Їг. дз.*, XX, 26, V, 98, 99.

чимъ живиль себе, которые волики преже оплачивалъ чиншомъ роговымъ, судовымъ и иными податками», читаем в названном «Слове», где притом чинш упоминается в смысле всякого денежного обложения¹⁾. Может быть, однако, в данном случае отразились воспоминания прошлого Украины или «Слово» занесено из Правобережья²⁾, где чинш также широко был известен³⁾: в Украине осталось немало остатков от прошлого и в области хозяйственно-экономических отношений⁴⁾. Характерно, что чиншевики имелись у крупных помещиков. Их встречаем, напр., у гетмана Апостола, взимавшего со своих чиншевиков различный даток: 6 р. 50 к., 7 р. 25 к. и 10 р. в год, с пароконных или пароволовных по 5 алт. и с пеших—7 коп. Самый сбор вносился в скарбницу помещика его казначею в середине и в конце года. Чиншевики платили не только на помещика, но и на его приказчика и несли некоторые работы, хотя в домашних приходе-расходных книгах о чиншевиках говорилось, что по внесении чинша они «свободны, поневажъ оные пахотныхъ грунтов не имеют»⁵⁾.

Итак, в украинской практике чиншевик считался безземельным арендатором помещичьей земли, имевший наследственную аренду; он входил в договорные отношения с помещиком, в пользу коего вносил денежный даток—арендную плату, зависел от юрисдикции помещика, но был независим в хозяйственном отношении.

От таких чиншевиков отличались чиншевики-арендаторы местечковых городских земель, примером чего могут служить, напр., чиншевики г. Коропа, вносившие ежегодно 1.000 р. чинша в пользу генеральной артиллерии⁶⁾. От чиншевиков отличались так называемые тяглые, «которые всякую работу до дворца отбывали от лошади и от вола рабочего по описи, при окончании года платили по 20 коп. пешие, которые в дворце всякую пешую работу отбывали, в год бралось от двора по 10 коп.»⁷⁾. Тяглые работали исключительно на панский двор и его обитателей⁸⁾, чиншевики — только на себя. Исследуя чиншевые отно-

1) Белозерский, Ю.-Рус. Лет., 153.

2) Тр. XII Арх. Съезда, II, 283.

3) Кулиш., Зап. о Ю. Р., I, 143.

4) К. Ст., 1885, X, 340, 341—чинш, соединенный с внесением натуры.

5) Судиенко, Мат., I б), 19, 21, 29, 30—31.

6) Филарет, Оп. Черн. еп., V, 352.

7) Судиенко, оп. с., I б), 233.

8) Семеновский, Крест., I, 70.

шения, Шимановский полагал, что чиншевое право родилось сразу из формального, основанного на письменных и засвидетельствованных властью документах, словесный же договор явился лишь впоследствии ¹⁾. Украина XVII—XVIII стол. такого положения вещей не знала. Можно больше сказать, чиншевик в Украине не имел судебной защиты именно потому, что договор на документах не основывался. Вместе с тем аренда земли в Гетманщине не мыслилась кратковременной,—она была неопределенной во времени и, значит, в оформлении не нуждалась. Неопределенность связывала чиншевика и помещика в том смысле, что чиншевое право было потомственным. Помещик добивался ренты,—ему было безразлично, кто являлся бы арендатором его земель. Поэтому протестовать против потомственности не приходилось, как не стоило ему возражать и против отчуждаемости арендатором своих прав. Наиболее существенная черта украинского чиншевого права—оброчное состояние и совершение договора вне крепостных актов ²⁾, право распоряжения арендуемой землею и помещичье усмотрение, что в одном деле 1747 г. выражено в формуле: «по правамъ малороссийскимъ чыншовыка своего и безъ воли судейской вольно фантовати» ³⁾. Чиншевик, как правильно подметил Рудченко, связан был не только оброком, но и известными повинностями и вещественными взносами в пользу вотчинника, но в то же время он мыслился человеком свободным: невольный не мог быть чиншевиком. Такое положение не мешало тому, чтобы операции с арендуемой землею совершались с ведома помещика ⁴⁾. Спорят о сущности чиншевого права. Есть голоса, утверждающие, что чинш представляет собою обязательство, плату за право и вовсе не характеризует самого права, так что вопрос о платности отнюдь не может считаться существенным; что чиншевик—не арендатор даже, но житель данной местности и чиншевое право—компромисс встречных интересов помещика и чиншевика ⁵⁾. По другой точке зрения, чинш—не аренда, ибо она не ограничена срочностью, но особое вещное и бессрочное право на недвижимое имущество ⁶⁾. Третьи ищут разрешения вопроса о сущности чиншевого права в истории создания городов и местечек, когда отношения между осаживающимся населе-

¹⁾ Тр. О. Ю. О., I, 324.

²⁾ Кассо, Позем. пр., 223.

³⁾ Андриевский. Ист. мат., VI, 59.

⁴⁾ Рудченко. Зап. о землевл., 8—9.

⁵⁾ Боровиковский. Отч. судьи, I, 23, 13.

⁶⁾ Незабитовский. Зам., 4, 8.

нием и основателем местечка регулировались особым учредительным актом или являлись актами, основанными на милости, так что, в сущности, нет никакого чиншевого права, а владение *sui generis*¹⁾, однако такого рода, что могло принимать все формы собственности только «с ведома и особого каждый раз разрешения вотчинной власти»²⁾.

Разрешение вопроса в его правовой оболочке лежит, по-видимому, посредине. Чиншевое право—право вещное, но с оттенками обязательственного. Стремления выяснить элементарную природу его будут всегда терпеть неудачи, так как современные юристы исходят из понятий капиталистически-буржуазной теории права, в то время, как с течением времени старое явление обрастает новыми привнесками, и в конечном результате должна была получиться известная правовая амальгама. Наиболее же рациональный подход к решению вопроса заключается в области экономическо-хозяйственных отношений. Для чинша не отводилось места при преобладании мелкого хозяйства,—он связан с крупным хозяйством, в котором не хватает рабочих, почему невозможна обработка всей земли—стоит вспомнить указание Вейсбаха, что на помещичьих полях борозды располагались редко—и выход лишь в сдаче земель в аренду—в чинш. Государственная власть от сего ничего не теряла, ибо арендаторы несли публичные повинности; помещик, с своей стороны, выигрывал, имея и обработанную землю и доход с нее, так что в старой аренде некоторые экономисты отмечают «как бы соединение двух договоров—аренды участка земли (*locatio-conductio rei*) и найма личных услуг (*locatio-conductio operarum*)», к которым «могли присоединиться и др. побочные условия: о льготе, подмоге, поручительстве»³⁾. Очевидные выгоды приводили к тому, что аренда не исключалась и для крепостного населения⁴⁾. Нечто подобное чиншевикам известно было и древности в форме колоната. Но при колонате договор аренды или эмпфитевтический чиншевой договор имел публичный характер, и заключался он помещиком не с каждым колоном в отдельности, а с данною целою общиною⁵⁾. Подобные отношения в Украине создавались лишь в местечковых поселениях, где, сверх чинша, возможна

1) Тр. О. Ю. О-ва, I, 287, 294.

2) Незабитовский, Зам., 41, 43.

3) Струве, Креп. хоз., 10.

4) *Ib.*, 108—109.

5) Rostowtzeff, Colonat, 67.

была аренда—род откупа, когда к арендатору переходили права *możnowładcy*¹⁾. Гетманщина знала едва несколько фактов такого рода, напр., сдача Минихом двух сотен в аренду еврейским откупщикам; в Правобережной Украине аренды были приняты и до и после Хмельнищины. В Гетманщине чиншевым правом пользовались только свободные тененты,—для панских подданных устанавливался оброк. Чиншевые отношения закругляли собою цепь, которая начиналась сервитутами; связь между ними несомненна. Но чинш практиковался только на панских землях, чиншевики у казаков и посполитых неизвестны. Прикрепление крестьян, шедшее неуклонно и твердо, сузило размеры распространения чиншевых отношений. Они перестали быть выгодны и вышли из хозяйственного обихода. Терминология все же осталась, и чиншем стали именоваться денежные поступления, шедшие и с крепостных в тесном смысле, оброчных, тяглых и пр. Деньги нужны были для торгово-промышленных операций помещиков, оплаты труда вольно-наемной прислуги, ремонта и увеличения инвентаря и пр.

Чиншевая система в монастырских маетностях представлена была лучше, чем в панских имениях. Монастырский экономический совет каждый раз входил в сношения с искавшими чиншевого договора лицами, в том числе чужими подданными, и выработывал права приема их, устанавливал обязанности и т. д. В 1741 г. веремеевский подданный Я. Богатыренко с согласия киевской кафедры построил на р. Бобрлице на свои средства млин и винокурный завод, за что ежегодно и вносил в управление кафедры определенную сумму денег, «уволень будучи отъ всякой панщины и пр. подданическихъ работъ уплачиваль и за млынокъ чыншовыхъ по 5 р., а за котли по 4 р.». Через десять лет Богатыренко обратился в управление кафедры с предложением освободить его от всяких заорок, зажинок и пр. и просил «уплачивать единими только деньгами за млынокъ и за чиншъ». Кафедра изучила поднятй Богатыренком вопрос и приняла предложенные им условия²⁾. Крестьяне, каковых в свое время Олизаровский предлагал освободить от подданства³⁾, тоже вносили чинш—денежную плату, род оброка, но то был оброк в действительном значении этого слова в редких случаях. Такой случай имел место в 1703 г., когда жители с. Смичика обязались вы-

¹⁾ Рудченко, *op. c.*, 10.

²⁾ К. Ст., 1883, VIII, 722—724.

³⁾ Maciejowski, *op. c.*, 228.

плачивать своему пану Булавке чинш в 40 и 20 зол. и 10 тал. в два срока, с отменой подвод и работизн на помещика. Из акта видно, что жители упомянутого села все же отбывали неделю косовицы и неделю осенней пахоты своим скотом ¹⁾. К чиншево-оброчной системе помещики прибегали не часто и предпочитали собирать с подданных натуру ²⁾.

Однако натуральные повинности не отменяли вполне и денежных. В XVIII столетии в пользу помещиков шел чинш, производились работы шарварком в течение нескольких дней ³⁾, вносились возове (несколько возов дров), каменное, осып (корец ржи и по $\frac{1}{2}$ корца овса и ячменя), сверх того, отбывались общие всем селом работы в пору пахоты и сбора хлеба и сена ⁴⁾; где было принято пчеловодство—известное количество меда шло в пользу помещика ⁵⁾ и т. д. Такие и иные повинности несли, впрочем, и посполитые, титул коих в XVIII в. смешивался с подданническим. Посполитые в Янполе вносили, напр., державце от рабочего коня по 2 зол., с пешего человека—1 гр., показанщины—2 тал., затульщины от винников—1 зол., с мужичьих солодовен—3 копы ⁶⁾. Посполитые с. Шаповаловки Борзенской сотни в 1736 году давали по 1 кв. масла, 1 кв. «олѣи», 20 пасм прядива, 1 чк. овса, 150 локтей полотна, 60 пар чобот, 5 кожухов, по 1 мере червеца, $4\frac{1}{2}$ камня лою ⁷⁾ и т. д. Помещичье вино должно было поочередно продаваться в крестьянских дворах ⁸⁾. К тому же помещики свои продукты выпускали на продажу через своих крестьян, назначая более высокие, чем на рынке, цены. В одном из таких случаев дано было 10 ф. шелку по 1 р. 80 к., сафьян по 5 р., 2 тюма китая по 10 руб., два камня рису по 1 р., сукно по 16 руб., между тем полученные предметы были проданы по более низким ценам: шелк по 1 р. 40 к., сафьян—3 р. 50 к., китай—7 р., рис—60 коп., сукно—10 руб. ⁹⁾ Несоблюдение требований помещика вело к суровым наказаниям крестьян, хотя наказания не соответствовали понятиям личной свободы ¹⁰⁾. Если «из пяти поль-

¹⁾ Лазаревский, Поспол., 37.

²⁾ Чт. М. О. И. и Др., 1862, III, 55.

³⁾ Юж. Рус. Мел. Бюл., 1910 г., № 2.

⁴⁾ Кулиш, Зап. о Ю. Р., I, 143.

⁵⁾ Лазаревский, Оп. Ст. Мал., I, 363.

⁶⁾ Лазаревский, Поспол., 36.

⁷⁾ *Иб.*, 41—42, 44—45.

⁸⁾ Багалея, Нов. ист., 141.

⁹⁾ Лазаревский, Поспол., 64.

¹⁰⁾ Семевский, Крест., I, 237.

ских грехов самым обыкновенным, по словам современника (в XVI в.), было угнетение подданных», то то же следует сказать и об украинских помещиках ¹⁾. Как ни смотрели имперские власти сквозь пальцы на факт притеснений, но и они должны были обратить на это внимание, для чего составлялись особые комиссии, в коих, буде обвинялся представитель российских аграриев, присутствовали уполномоченные украинского уряда ²⁾. «Утиски и здирства» определялись правовым укладом Гетманщины. После 1648 г. особенностью украинского правопорядка считалась индивидуальная свобода, «пользование своим правом» по собственному усмотрению. Так было в XVIII в. и во всей Европе, где в силу сего широко развилась шиканя. Но индивидуальная свобода покоилась на частно-правовом основании в виду особых экономических условий и бессилия местной власти. Голод, эпидемии, разорения, набеги и т. д. дезорганизовали хозяйство, предоставляли каждого самому себе. За убийство можно было откупиться предоставлением пропитания сиротам ³⁾; за личное оскорбление—вручением дорогого стоивших денег ⁴⁾; ради возможности существования можно было отказаться от прав,—казаку достаточно было сесть на мужичью землю, чтоб стать мужиком ⁵⁾; земельные отношения при смешанных браках толковались в пользу сильнейших ⁶⁾; привилегии, данные низам, не исполнялись ⁷⁾, почему все сводилось к фактическим отношениям—«если кто болшь 15 лѣтъ поверненъ въ посполитые, нехай мужикуеть», читается в одном универсале гетмана ⁸⁾, который как раз обязан был наблюдать за состоянием законности в республике, и пр. И ничего невозможно было поделаться, ибо последним судьей в данном случае являлась поражающая и своих и иностранных путешественников бедность населения ⁹⁾. Имущественное состояние низов, таким образом, не было обеспечено, точно так же, как и на Западе, где с таким злом боролся Г. Гроций и др. Отсутствие обеспеченности со стороны закона не раз было констатировано при судебных процессах, в которых истцы просили разбирательства «ведле святой

¹⁾ Баранов, II, 138.

²⁾ Оп. Д. М. М. Ю., X, 504; Сб. Р. И. О., LXI, 315.

³⁾ Акт. кн. Стар. ур., 38.

⁴⁾ Москвитянин, 1883, I, 94.

⁵⁾ Мот. Арх., № 44.

⁶⁾ Права, гл. IV, арт. 9, § 3.

⁷⁾ П. С. З., II, № 1254, 876.

⁸⁾ Лазаревский, Оп. Ст. Мал., II, 404—405; Модзалевский, Оч., 24.

⁹⁾ Voyage des 2 français, P., 1796, IV, 102.

справедливости». Отсутствием последней объясняется обращение за содействием к русским властям и поддержка украинским населением российских самовластцев, в которых низы думали найти защиту себе при борьбе с крупными землевладельцами ¹⁾. Общее состояние крестьянства в XVIII в. напоминало собою состояние их перед 1648 г., когда Иван из Вишни писал: «ваши милости обнажаете изъ обороны кони, волю, овцы у бѣдныхъ подданныхъ, волочите даже пѣняжныхъ, дани пота и труда отъ нихъ вытягаете и онихъ живо лупите, обнажаете, мучите, томите, до комягъ и шкутъ безвременно зимою и лѣтомъ въ непогодное время гоните, бѣдніе подданные день и ночь на васъ трудять и мучать, которыхъ кровь, силъ и працы выссавши и нагихъ въ оборѣ и коморѣ учинивши вырванцовъ вашихъ накормите, тые бѣдницѣ шеляга, за что соли купити, не мають» ²⁾. Массы понимали свое положение, классовые противоречия обнаружались уже во время революции ³⁾ (некоторые исследователи, напр., Стадник, готовы с ним не считаться) ⁴⁾.

Разоряемые представителями крупного земельного капитала, крестьяне (без различия оттенков) искали выхода в активной борьбе с аграриями. С XVII столетия до последнего вздоха автономной Гетманщины проходит целый ряд крестьянских восстаний и бунтов. Начало им положено было движением, направленным против Выговского и после — против гетмана Тетери ⁵⁾. Затем то же движение обнаружилось во времена наказного гетманства Сомка, когда крестьянство и казачество «не совѣмъ добромъ на старшину городовую жичили» ⁶⁾. В 1673 г. зарегистрированы волнения подданных в маестностях Черниговского Преображенского монастыря ⁷⁾. В 1687 г. народ «не только арендаровъ, але и иншихъ можнихъ людей и крамаровъ невинныхъ брали безумне и имѣне ихъ между себе розшарповали». Мазепа справился с движением только при помощи московских войск и (отчасти) своих охочекомонных полков ⁸⁾. По сообщению де-ля-Невиля, вступление Мазепы в Батурин совершено московскими

¹⁾ Плеханов, Ист. рус. об. мыс., I, 63.

²⁾ Грушевський, Іст. Укр.—Р., VII, 3611.

³⁾ Эйхгорн, Оч., 106.

⁴⁾ Зап. Киѣв. Н. Т-ва, VII, 77.

⁵⁾ Киев. Ун. Изв., 1874, VII, 595—603; XI, 726—9.

⁶⁾ Самовидец, Лет., 38.

⁷⁾ Филарет, Оп. Черн. еп., III, 70.

⁸⁾ Величко, Лет., III, 53—54.

ратными людьми¹⁾. В 1688 г. вспыхнуло движение в с. Ксензовке²⁾. Петрик стремился поднять движение против крепостников Украины³⁾, но, кажется, был орудием в руках Мазепы, в его борьбе против Москвы: тон направленных против Петрика универсалов двусмысленный, в воззваниях Петрика встречаются слова Мазепы, звучат осторожные ноты⁴⁾. Во время «шведчины» в 1708 г., по сообщениям Куракина, «во всех местах малороссийских и селах были бунты и бургомистров и др. старших побивали» крестьяне⁵⁾; в 1712 г. вспыхнуло восстание мазепинских казаков⁶⁾, а Ч. Витворт доносил в Лондон, что при приближении турок к Украине восстание населения неминуемо⁷⁾. Наконец, можно отметить еще восстание в 1723 г. в с. Дехтярах, в 1730 г.—в Янпольской сотне⁸⁾, в 1743 г. сильное брожение крестьян в с. Курове и Чубарове⁹⁾, в 1768 г.—в с. Кмицинец¹⁰⁾ и т. д. Нет надобности в данном месте давать подробную картину крестьянских движений. Достаточно отметить только их существование и производимый ими эффект. Они пугали старшину и помещиков, иногда доводя панов до отчаяния. «Благоразумнейшие из старшин казацких молят Бога», писали однажды растерявшиеся помещики, «чтобы кто-нибудь взял их в крепкие руки и не допускал грубую чернь до своеволия»¹¹⁾. Интервенция московского протектора глушила бунты и спасала помещиков. «Капиталистические фермеры» успешно боролись с мелким собственником и обращали его в своего крепостного.

Итак, апроприация земли после 1648 г. привела к падению крупного хозяйства Польского государства и передала земли в руки индивидуальных мелких собственников. Но в порядке мобилизации земли крестьянство осталось только при индивидуальной свободе, которая в 1782 году также была утрачена. Мобилизация земли обратила свободное крестьянство в тенентов помещичьей земли. Свободные тененты были количественно мало распространены в Украине,

¹⁾ Рус. Ст., 1891, IX, 499.

²⁾ Филарет, ор. с., 96.

³⁾ Эварницкий, Ист. зап. каз., III, 112.

⁴⁾ В еличко, ор. с., III, 103, 105, 108, 110, 111, 112, 113, 116.

⁵⁾ К. Ст., 1884, 625.

⁶⁾ Филарет, ор. с., III, 98.

⁷⁾ Сб. Р. И. О., LXI, 151.

⁸⁾ Филарет, ор. с., III, 139—143.

⁹⁾ Ханенко, Диар., 213, 215—217, 218, 221.

¹⁰⁾ Чт. О-ва Нест. Лет., XI, 14.

¹¹⁾ Покровский, Ист. Рос., III, 63.

несвободные же получили широкое распространение в виде подданных, подсосудков, куничников, огородников, крепостных—«придворных» и оброчных. Оброчная система являлась причиной того, что в своих внутренних распорядках население жило по-своему, руководствовалось так называемым обычным правом. Там же, где денежные выплаты помещикам были мало развиты или и совсем не существовали, господствовала помещичья юрисдикция. Этому не мешает то обстоятельство, что в ранговых имуществях существовала панская юрисдикция. Ранговые маенности представляли собою имущества на поместном праве, передававшиеся государственною властью служилою старшине. Вместе с тем государство передавало старшине и свою юрисдикцию над населением; таким образом, помещики обращались, так сказать, в арендаторов в старом, польском, значении сего термина. Однако они не были посессорами того же рода, что и польские можновладцы, ибо в Украине было иное соотношение сил, определяемых географическим положением страны, лежавшей «при битій дорозі» между сильнейшими в экономическом, а, значит, и в военном и правовом смыслах державами. Это обстоятельство стирало заостренности классовых противоречий и заставляло украинский народ сознавать себя в целом народом негосударственным и, стало быть, приносить свой экономический организм к потребам одного из своих сильнейших соседей. Отсюда понятно, что географический фактор, влияние коего Плеханов считал косвенным¹⁾, приобретает перво-степенное значение. Но особенность географического положения не препятствует принятию мономорфности хозяйства и права всего человечества. В устах некоторых мономорфность (иначе— универсальность) приобретает метафизический характер²⁾. В таких случаях говорят о «некоторой социально-технической силе», «некотором состоянии общественного сознания и общественной воли», «некоторомъ стремлении в мире должного», «силе, ищущей чего-то вне ее лежащего»³⁾ и т. д. Во всех приведенных и аналогичных тирадах или отсутствует просто основание в виде единства человеческого хозяйства и единства человеческого ума. Первым объясняется тип и система хозяйства, единственные для всей совокупности хозяйств, как взаимно дополняющих друг друга организмов; вторым—единство правовых проявлений и форм, близких друг другу не только по внешнему

¹⁾ Плеханов, Ист. рус. общ. м., I, 26.

²⁾ Покровский, Осн. пробл. гражд. пр., 31.

³⁾ *Ib.*, 32, 33.

выражению, но и по существу. При подобной точке зрения «универсальность» является не основной исторической линией, а единственной, другой рядом не бывает, и национальное—не исторической категорию, но одним из моментов данной общей линии. Так стираются резкие грани, положенные старою наукою между экономическими и правовыми дисциплинами. Закрепощение населения в Украине дало возможность панам получать ренту и прибавочную ценность полностью. И одну и другую они «пустили в дело»—в торговлю и промышленность. Население, за исключением казачества, было все закреплено. Поля стали обрабатываться полностью. Продукты сельского труда отчасти подверглись переработке для потребления на местах, отчасти же явились предметом для вывоза за пределы Гетманщины. Крупный земельный капитал искал новых путей и нового приложения. Первоначальное накопление стало выливаться в иные формы, соответствовавшие новому положению вещей в европейском хозяйстве, частью которого являлось хозяйство Украины.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

НДБГУ

№ 1. Протест на действия Андрея Полуботка. 1730-XI-9.

В полковую Черниговскую канцелярію.

Сего 1730 году з первых чиселъ генвара намѣрившися в полку Чернѣговскомъ в сотнѣ волянской слободку, прозиваемую Самотуги з мельницами о 4 колахъ и в полку Нѣжинскомъ в сотнѣ Бахтицкой хуторъ Телницкій с телницею, с полемъ паханым и сѣнокоснимъ, с гаями и з дворами продать волнимъ торгом и волною ценою приторжила-м была одной великороссійской особе за 2000 руб., и о такой состоявшей ценѣ пасинкам моим п. п. Андр. и Як. Полуботкам писменно объявивши, требоваламъ по нихъ подлугъ іх росписки и постановленя 1726 г., ноября 11 со мной учиненного, дабы оны за вышемененные добра гроши мне положили. И по тому моему объявленію п. Андр. Полуботокъ первѣе 17 янв., а в другое 17 жъ 1730 г. письменно поступилъ, вишозначенную денег квоту въ прошедшомъ семеновомъ дни сего жъ 1730 г., сам привезши мне, и записанному помянутому великороссіянину онихъ двор(ов)ъ не продавали, ибо он п. Андрей тѣми писмами своими запрещалъ мне под зарукою 5000 руб. мимо их нѣкому в продажу не заводит. Токмо та его зарука самимъ же п. Андреемъ уничтоженна зостала потому, что о Семеновомъ дни пререченной суми за тые добра тии вѣчистіе они не положили мнѣ, и по сей часъ не кладуть. А я, чинячи задосит в мененном постановленію выраженной кондиціи, по которой оны п. п. Полуботки асекуровали, ежели б я кому помянутіе добра имѣла продать по близости своей к тимъ добрамъ, наслѣдственной мнѣ гроши положить, а за неустойку тамъ-же росписались оны ж мнѣ платитъ 10.000 р. не толко, як вишей намѣниламъ писменно имъ, п. Полуботкамъ, насл(едн)икамъ, объявляла, але и сама з немалимъ трудомъ и коштомъ на проездъ, ложенный до п. А. Полуботка в дальную его маетность Михайловку ездила, являя имъ мое знисходительство в томъ, что тѣхъ добръ они по силѣ помянутой асекураціи своей не были лишены и мнѣ бъ за необявленіе не причтена была неустойка. Да сверхъ того онъ же п. Андрей, слишно мнѣ, в к—рію полк. Чернѣ-

говскую и соснишкой сотянной старшинѣ позасилал протеста з зарукою, чтоб з оной полк. к—ріи и от соснишкой старшины купчого запису по моему требованію мимо ихъ нѣкому на пререченіе Самотуги и тиницкій хутор не выдавано. З того я, признавая не иное ихъ намѣреніе, токмо чтобъ мнѣ в продажи своихъ добръ учиниласъ помѣшка и уронъ и охочіе б люде купить от куплѣ отступилис, а они б опис добра без положенія по силѣ ассекураціи денегъ якихъ нибут подлогомъ вступили, симъ доносимимъ моимъ протестомъ въ полковой Чернѣговской К—ріи в вишкоказанной мененнихъ п. п. Полуботковъ неустойце, чиню извѣстно и покорне прошу, да благоволятъ Полковая Чернѣговская К—рія сей мой протестъ принятъ в книги, по обикновенію Малороссійскому, при печати и за подписомъ рукъ належныхъ видать едтрактомъ и даби имъ п. п. Полуботкамъ в семъ протестѣ и в намѣреніи тоемъ завестъ в вѣчную продажу вишъявленніе добра мимо ихъ за неустойку ихъ вишизображенную кому хотя поволною ценою было подлиннѣй извѣстно от полковой Чернѣговской Канцелляріи, ижъ обявить писменно в семъ протестѣ, доносить. Словствующая полковникова Чернѣговская Павлова Полуботковна Анна Романовна. В подлинномъ подписано такъ: к сему доносимому протесту по повеленію А. Р. Павловой Полуботковой синъ ея Матвѣй Жураковскій подписался.

№ 2. Протест А. Миклашевского на Трембецкого о незаконной продаже Белоусовского майна. 1731-XI-16.

Увѣдомился я, что значковый полку Чернѣговского тов. Федор Трембецкій, братъ мой двоюродный, млынъ свой постанов близъ лесу Колановскому—дѣдизны на р. Бѣлоусовѣ стоячи, бунч. тов. п. Андрею Борковскому продажею заводитъ и в задатокъ тоей своей продажи онъ Ѡ. Трембецкій у п. А. Бурковского взялъ уже 200 р. денегъ. А понеже я по природному праву до добръ по дѣду моемъ Станѣславу Кохановскомъ оставшия, а помянутымъ братомъ моимъ двоюроднымъ Ѡ. Трембецкимъ владѣми ближайши и ниже хто други, того ради яко о неправильной того майна Бѣлоусовского продажѣ в Полковую Чернѣговскую к—рію протестую, такъ дабы сей мой протестъ в протоколъ былъ принятъ и записанъ, а вышозначенному моему двоюродному брату Ѡ. Трембецкому на тотъ млинъ бѣлоусовскій от п. А. Борковского принимать болшъ денегъ не велено бѣ и безъ соизволенія моего того млина бѣлоусовского жадными крѣпостми никому не укрѣплѣвано бѣ, но изсрочено сіе дѣло до пово-

роту з Мос(к)ви п. А. Борковского, которому с прибитьемъ его у домъ, що належатимет за Ѳ. Трембецкого, изъ мене возвращено будетъ, прошу. З Стародуба. Андрей Миклашевский.

№ 3. Выпись из купчей на двор в г. Березном, данная Евлашенку. 1725-VII-2.

На урадѣ Е. В. Государыни Императрицы полковомъ Чернѣговскомъ ставши очевисто дѣяконъ г. Березного, церкви вознесенія Гдѣня Иванъ Юрченко, явне, ясне и добро, вольне до книгъ Чернѣговской полковой к-ріи іменемъ тещы своей мѣщанки Березинской анни Еремихи призналъ, ижъ оная теща его, имѣючи дворъ на предмѣстѣ, в хуторахъ березинскихъ, свой власній, купленный, никому ни в чомъ непенный и незаведеный, до которого з одной стороны помѣжень Григорій Тесля, з другой Иван Чумакъ Тимошъ до двора Ѳедора винокура прилеглій, з строеніем хоронимъ, якъ ся в себѣ мѣеть из берегомъ, до того жъ двора противъ воротъ лежачимъ, тамошнему ж березинскому мещанину Ивану Евлашенку за 37 р. манети доброй копѣйчайной продала и по одобраню денегъ во всемъ уконтентована зоставши, тут-же на урадѣ квитовала и вѣчне изрекалась, даючи за полную моцъ и власть ему, Ів. Евлашенку, жонѣ и потомкам его тимъ дворомъ проданымъ яко свой в налѣпшии пожитокъ обернути а помянутая А. Еремиха яко добровольне здежания, того своего проданого двора чрез сознате вышеписанного дѣякона самую себе и потомство свое со всѣми сродственниками, близкими и далекими, всѣхъ правнимъ поступкомъ выдѣдичила и цале отдалила не имѣючи жадного одозву до того проданого двора чинити такъ и от всякаго турбатора своимъ коштомъ и убытками у каждаго суду и права Его Ів. Евлашенка боронити и заступыти обещаетъ. Якое еи добровольное сознате на прежніе времена до книгъ Чернѣговской полковой к-ріи записано Выпись сеей купчой данъ Ів. Евлашенку за руками судіи полкового Василия Томари, атамана Ів. Силича, писара полкового Никиты василиева, канцеляриста Василя Ленѣцкого и самой продавцы, вмѣсто которой за еи дѣяконъ Березинской вознесенской церкви Іоанъ Юрченко руку приложилъ.

№ 4. Купчая б. тов. Загоровского на продажу земли. 1726-V-8.

На урядѣ Е. И. В. С. В. полковомъ Чернѣговскимъ, передъ нами, нижей іменованными, ставши очевисто бунчуковый п. Иванъ Загоров-

скій з братомъ своимъ иеромонахомъ Германомъ Епїпіи Чернѣговской, катедралнимъ шафаромъ, явне ясне, и добровольно до книгъ Чернѣговской полковой к-ріи признали, ижъ оны, мѣючи во владѣнїи греблю опустѣлюю, по духовной отца своего Евфима Посенка, жителя Березинского, в року 1685 мѣца Септеврїя 23 дня сочиненной под мѣстомъ Березнимъ найдуючюся свою власную отческую, никому ни в чомъ непенную и не заведенную, имъ сукцессїве належачую во вѣчное владѣнїе до ратуши березинской, войтови тогорочне будущому Карпу Максимову зо всѣми того ли города Березны мещанами за 30 рубловъ продали и по одобранию тѣхъ денегъ, во всемъ уконтентованы зоставшись, тут же на урадѣ полковомъ квѣтовали и вѣчне зреклися, даючи зуполную моцъ и власть тою проданною греблю ему, вышеписанному войтови, и по немъ будучимъ з тамошними мещанами березинскими, яко своею власностю владѣти и от себе дати, продати, даровати и яко хочачи ку найлѣпшому своему пожиткови гражданскому обернути. А помененїе продавцѣ п. Іванъ Загоровскій з братомъ своимъ иеромонахомъ Германомъ, яко добровольне спосесїи той отческой греблѣ самихъ себе и всѣхъ кривних, и близкихъ и далекихъ, правнимъ поступкомъ выдѣдичили и цале одвалили, не мѣючи жадного одозву до тоей продажи чинити подъ заложениемъ вина такой же сумы, як оная гребля продана и сверхъ того показанного войта березинского и по немъ будучихъ з мещанами тамошними от всякого турбатора в спокойномъ владѣнїи оной греблѣ своимъ коштомъ и накладками у каждого суду и права боронити и заступати облѣкгуются субмѣтуются и записуются. Якое ихъ добровольное сознате напотомно в книги Чернѣговской полковой к-ріи принято и записано. У оной купчей подписано по сему іеромонахъ Германъ, шафар катедре Епїпіи Чернѣговской. Ів. Загоровскій, тов. бунч. Василій Томара—судїя полк. Чернѣговскій. Ів. Силичъ, атаманъ городовїи Чернѣговскій. Корикговаль с книгами Чернѣговской полковой к-ріи канцеляристь Василій Леднѣцкїй.

№ 5. Протест А. Борковского на Карпеку и Римшу за рубку пуши.
1730-VI-28.

Настоящего 1730 г. прошлого мѣца мая пп. Іаковъ Карпѣка бунч. тов. да Ів. Римша, сотникъ седневскїй не вѣдаю, по какому указу наехавши на пущу мою, прозиваемую Кланщина, в сотнѣ Городницкой близъ деревнѣ лежачую, еще здавна покойнымъ отцемъ моимъ василїемъ Борковскимъ, обознымъ енералнымъ по высококомаршимъ

грамотамъ и по многимъ гетманскимъ унѣверсаламъ, а по отцу и мною суксесиве владѣемую, и взявши з собою атамана Тупичевского Евфима Парихлѣйшого да козаковъ Антона Сенюка, Яцка Харченка і Грицка Ляха, будто по обводу оног атамана с товарищи, не зная по чему, тоей пуши моею з разробленными полями и сѣножатми немалое число ограничили, якобы на Е. М. К. и Якова Лизогуба, обозного енералного и тое отграничение утвердили знаками, то есть копци покопали и на деревьях понарубовали оног. Поневажъ мнѣ великая дѣется обыда, того ради прошу полковои Чернѣговской К-риі сей мой протестъ принять и записать в книгу, а я на такихъ обыдающихъ буду бить чолом и искать суда и права, где надлежитъ. Помянутіе атамана Тупичевского с товарищи прошу сискат, допроситъ, почему и на кого оны тую мою пушу отводили, и тѣ допросы содержать при семъ моемъ протестѣ. Въ подлинномъ подписано тако: К сему протесту служитель п. А. Борковского Станѣславъ Михаловский подписался.

№ 6. Дело о завладении Е. Бакуринским имуществом С. Фасовской. 1734-I-15.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государиня Императрица Анна Іоанновна, Самодержица Всероссійская!

В прошлых годах, по умертвіи о(т)ца моего, покойного Павла Николаевича Бакуринского, когда мать мою Анну Пироцковну із двома Еи синами, а моими родними братами, Ив. и Лукою Бакуринскими, також і зо мною, нижайшою, под часъ Руины у неволю турецкую (было взято); то в ту пору братъ его старшій, а мой дядя родній, покойній Евсейі Бакуринскій, имѣющій под(лугъ) позиціи отца своего жительство свое у Чигиринѣ, освѣдомъясъ о томъ і продавши все, тамъ будущее отческое свое, посессиве по женѣ его надлежащее ему недвижимое имѣніе, а иное такъ оставя пришелъ полку Чернѣговского, сотнѣ ройской в с. Рѣпки і осѣвъ на всѣхъ добрахъ оног брата своего, а моего отца родного покойного П. Бакуринскаго. Которой отецъ мой, имѣвъ себѣ тѣ добра, даніе в посагъ от Н. Пироцкогго за дочерю его, а моею родною матушкою Анною Пироцковною, чинячися тимъ добрамъ, наслѣдникомъ по змерломъ брату и взятых в неволю потомкахъ его, як вышше показано, и якіе имѣлися на тѣ добра Н. Пѣроцкому і отцевѣ моему П. Бакуринскому служачіе крѣпостми всѣ (листы) позабыралъ до себе, которіе усѣ

крѣпости и привилеи и синъ его, а мой братъ двоюродный покойній Климъ Бакуринскій, не знатъ чи за своєю неосторожною, чи теж з якого наушеня і хитрости, погноивъ в землѣ закопанніе, о чомъ і самъ братъ его родній, сотникъ Ройскій п. Якъ Бакуринскій совѣстно обявитъ можетъ, а послѣ того, когда едина токмо я, по своемъ родичу оставшаяся, із неволѣ турецкой ізбавилась і козакомъ полку Миргородского жителемъ Сорочинскимъ Кирикомъ Хидкомъ у-в Украину вивезена і обявлена била нинѣшнему ясневелможному п. Гетману і Кавалеру Д. П. Апостолу на той часъ будучому полковнику Миргородскому і его Ясне—ст по доношенію писара тамошнего, а какъ ему імя за давностю не могу упомнить, по соізволенію любезнѣйшой матушки своей, покойной п. полковниковой Миргородской, милосердствовавшей о сиротствѣ моемъ, увѣдавши мене быти отъ рода Бакуринского і что на уласнихъ моихъ прародителскихъ добрахъ отчистихъ і материнскихъ в селѣ Рѣпкахъ живеть дядя мой родній, покойній Юрій Бакуринскій, називаючи себе наслѣдникомъ і сукцесоромъ усѣхъ тихъ добръ Пироцковскихъ неналежне того жъ часу і з тихъ же вышше упомянутимъ козакомъ Хидкомъ Кирикомъ, жителемъ сорочинскимъ при своемъ паспортѣ отписалъ и къ нему, покойному дядѣ моему на власнихъ моихъ прародителнихъ добрахъ жиючому Пѣроцковскихъ, яко прамую наслѣдницу і сукцесорку достойную наслѣдника своего, в которого дядѣ моего по той причини была я, нижайшая, лѣтъ 4 і тимъ временемъ хочай были многіе люди достатнѣе і писменніе, с которыхъ всякъ хотѣлъ взять мене себѣ у супружество, однакъ онъ, родній дядя мій покойній Юр. Бакуринскій, видя мене всѣхъ добръ моихъ отчистихъ і материстихъ прамую наслѣдницу і сукцѣсорку, і, боячися, дабы я, будучи которому з тихъ людей достойнѣхъ и писменныхъ отдаю у супружество, не ослѣла вишшеупомянутыхъ добръ своихъ отчистихъ и материстихъ, хитроснѣ умыслилъ тимъ всѣхъ тихъ отдать мене у замуже гвалтомъ з превеликимъ насиліемъ в дому своемъ у свѣтлицѣ, кромѣ церкви, нечаянно повѣнчавши за челоуѣка неписменна і убога, чрезъ что бъ удобно могъ самъ із своимъ потомствомъ тими моими власними отчистими і материстими владѣть добрами, что вѣдя бувшій полковникъ Чернѣговскій Якъ. Лизогубъ, хотя тѣ добра ж, отъ его Ю. Бакуринского синовѣ Клина и Якова Б. заподленно узнавши неправовладѣнія і унѣверсаломъ імъ даннимъ отъ б. Малороссійского Гетмана, ізмѣнника Мазепи, однакъ изнову оніе сини его, Ю. Бакуринского, Климъ и Яковъ Б. повторе чрезъ неправіе свои доношенія, сказивая яко есть обще ихъ із мною нижайшою. Овогда же, чинячи мужа моего не ик чому весма неудобна і недостойна і сами

того суще причиною, а кромѣ всѣхъ Бакуринскихъ, а моихъ двоюроднихъ братовъ ближайшого и к тимъ прародителнимъ добрамъ моимъ, якобы никого наслѣдника не имѣется, оніе всѣ добра мои одержали, которыми и нынѣ владѣють же. Мой братъ двоюродній п. Якъ Бакуринскій сотникъ Ройскій изъ синами родного своего брата Клима Бакуринского Іосифомъ Бакуринскимъ с товарищи сдѣлавши еще части же добръ старшого брата своего сѣну Василию Б., ни к чому мене, нижайшой, не допускаючи такъ у подданныхъ, яко другихъ добрахъ моихъ властныхъ, отчистихъ и материстихъ, в чомъ мнѣ, нижайшой, немалая чинится обѣда, ибо имъ, бакуринскимъ, всема в тихъ моихъ наслѣдственныхъ добрахъ прародителей моихъ, куплею и правомъ прирождениемъ набити ни по чемъ ниякой и наименшой части не имѣется. І оны Бакуринскіе жаднихъ на то стариннихъ крѣпостей не покажутъ, кромѣ первого унѣверсалу гетмана ізмѣнника Мазепи подлугомъ, а не по существу выправленного, яко выше показано, ибо тотъ же гетманъ и тотъ же унѣверсальъ первой, в 1698 году іюня 27 Бакуринскимъ данны, другимъ своимъ унѣверсаломъ, знатъ уже іскупленнымъ, в 1703 г. январія 18 написаннимъ, убиваетъ и разнѣ владѣніа фалшиве посвѣдчаеть. Которое несогласіе и неправѣ во владѣніа латво можетъ познатисъ ис подленихъ двокротнихъ унѣверсаловъ Мазепіанскихъ, Б—имъ виданнихъ: одного в 1698 г., а другого в 1703 г. писаннихъ, которіе прамо і подрадочно избличатъ фалш і неправѣ Б—скихъ во владѣніа власнихъ моихъ добръ прародителнихъ. — Все милостивѣйшая Государыня Імператрица, прошу Вшего І. В. да повелитъ. Державство ваше сію мою явочную челобитную принятъ в полкъ Черниг. канцелярію і записатъ в першой между протчими, по уписанию же указомъ В. І. В. і суда полкового Чернѣговского по порядку приказатъ вишепомянутому якову Бакуринскому, сотнику Ройскому, з его племенникамы, Іосифомъ и Василиемъ Бак—ими, противъ вышеписанного сего протеста моего, на имя В. І. В. в полкъ Черн. к—рію поданого, обо всемъ подробно со всякимъ обстоятельствомъ отвѣтствовать допросами, а по онихъ отвѣтнимъ допросамъ милостивое учинитъ рѣшеніе, какъ указы В. І. В. і права малороссійскіе повелѣвають. А за онымъ дѣломъ ходитъ і своего доискуватся повелѣваю сину же своему Івану Фасовскому, яко власнихъ своихъ добръ прародителскихъ, от мене ему врученнихъ, и что онъ по тому дѣлу учинитъ, тому я споритъ и прекословитъ не буду.

В. І. В. нижайшая раба Софія Бакуринковна Семеновва Фасовская.

Писалъ сію челобитную полковой Чернѣговскій канцеляріи Павелъ Долбинскій.

А к показаню оная надлежит в полк. Черн. к-рію.

Генвара в 17 день 1734 г.

К сей челобитной вмѣсто бабки своей Бакуринсковни по ея велѣнію внукъ ей жъ Андрей Василиев подписанно.

Судія полк. Черн. Ів. Мокрѣевичъ.

1734 г. Генвара 15 дня подана по сеи в книгу записат, а до пана сотника ройского Якова Бакуринского послать копію при ордерѣ, даби на сіе в канцелярію полковую прислал писменное отвѣтствіе.

(Книга протестов с 1730 по 1740 г. Черн. Отд. Св. 570).

№ 7. Купчая Еп. Черниг. Иродиона Жураковского. 1726-ХІ-17.

Мы, нижеподписавшіися Миргородского полку, Сорочинской сотнѣ, с. Барановки жителѣ Гаврило да Павелъ Артемови, жлоби вербицкіе, в каждого суда и права и кому бы о томъ вѣдати надлежало, извѣстно чинимъ, ижъ мѣючи мы, пряміе наследники в полку Чернѣговскомъ, в уездѣ любецкомъ, в грунтѣ антоновскомъ четвертую часть во всяких землянихъ и сенокосных и селовихъ угодіяхъ королевскими и протчїями крепостями стверженомъ, нѣкому нѣ в чомъ пепенную и не заведенную, явне, ясне, доброволне, безъ всякого примусу и без нужди, завелисмо продажею у катедру Чернѣговскую Преосв. Еп. Гїдну о. Ір. Жураковскому и сукцессоромъ его преосв. Да при томъ грунтѣ в с. Шибириновцѣ отчистихъ нашихъ подданныхъ 17 человекъ, на той землѣ живучихъ, именно Кондрата Колесника, Маѣма Сидоренка, Михайла Белецкого, Маѣма Бойка, Прок. Пинчучька, Ів. Борисенка, Тимоха Квещенка, Ів. Гончаря, Мих. Подсосонного, Аледѣя Подсосонного, Пилипа витю, Дем. Деркача, Евхима Гончаренка, вас. Лазенного, Ів. Ткача, Микити Гончаренка, Опан. Кондратина за суму 600 руб. денегъ, якую сумму отъ его Преосв-ва отобравши, самихъ себе от оныхъ грунтовъ вѣчне отдаливши, даемо мощъ и силу Ему Преосв. Еп. Чернѣг. Ір. Жураковскому и его сукцессорамъ, яко своимъ власнимъ своволне владѣть да продать и на тихъ хотя пожитокъ употреблять, якъ отецъ, дѣдъ и пра-дѣдъ наши владѣли. А на означенные наши грунта, крѣпости королевскія и пр. отобралъ покойній Чернѣговскій полковникъ Павелъ Полуботокъ и донынѣ з дому его Полуботкового оные крѣпости намъ не отданы, которіе мы отобрат старатися одолжаемъся и вручити Преосв. архіерею Чернѣг-скому Гїдну Ір. Жураковскому. А что оные антоновскіе грунта наши собственные от-

чистни и дѣдитніе не толко крѣпости извѣстни, но и живимъ людемъ, тому свѣдоми, а именно Ів. Ів. Жлоба-Стрелченко, Трох. Андр. жлоба, Александр Ів. Молявка, Ів. Дума, а нѣтъ в мнишескомъ чину Іоаники, Логинъ Тупица и пр. околичніе люде и сябрѣ. На якомъ семъ нашомъ зачисто продажою уступномъ писанію упросилисмо до подпису особъ зде вираженные руку и дня вышеписанныхъ по прошенію Гаврила и Павла—Вербицкій Андрей, протопопъ Чернѣговскій р. п., бурмистръ Карп Марковъ р. п., кievскій с. Петровецъ поповичъ Петро, Мартиновъ сынъ, р. п.; р. п. Матѳеѳ Андрѣевскій.

№ 8. Дело подполковника Качалова о покупке им земли у казаков, 1754-IX-20.

В войск. генер. канцелярію репортъ.

Вшедшого марта 12 сего году полученнимъ зъ оной Генер. К-ріи в полковой Полтавской К-ріи ордером, состоящимся по доношенію Лантмилицкого Ливинского Полку подполковника Качалова о не исконфермованіи в полковой канц-ріи представленной от его купчой на грунтъ, проданній ему полку здешнего сотнѣ Старосанжаровской козакомъ Тарасомъ Юращенком, состоящей в дачах старосанжаровскихъ, зъ пахатнимъ полемъ, сѣнними покоси і всякими угоди і другими принадлежащими ему, Юращенку, по роздѣлу зъ братом его Василиемъ, велено, чего ради та купча, которая, как оній подполковникъ показуеть к конфѣрмаціи была представлена, не исконфѣрмована, прислать в Генералную войсковую канцелярію репортъ. На которій ордеръ судъ полковій полтавскій в Генералную войсковую канцелярію репортуеть: по справки зъ деломъ явилоса, что хотя вищеписанная купчая от подполковника Качалова к конфѣрмаціи была в Полковую Канцелярію представлена, по понеже на учиненное между протчимъ о непокупки того грунта отъ полковой канцеляріи зъ Генералную Канцелярію представленіе полученимъ зъ оной Генералной Канцеляріи прошлого 1747 году июля 1 дня указомъ между протчимъ же веленно, ежели та Юращенкового грунта продажа слѣдовала посля імянного блаженнія і вѣчно достойнія памяти Государыни Імператрици Анни Іоановни прошлого 1739 году, куплю козачихъ грунтовъ запрещаючого, состоявшогосъ указа, то с той куплѣ поступить в силѣ оногo височайшого Е. И. В. імянного указа. Предпоказанная жъ купчая подполковника Качалова от козака Юращенка вищеименованныхъ грунтовъ послѣдовала, какъ по дѣлу значится, послѣ обявления запретительного

въ 739-мъ году состоявшогось імянного височайшого указа, уже въ 1746 году октября 20 дня. Для того та от подполковника Качалова представленная на грунтъ козака Тараса Юращенка купча в отмѣнного оногo імянного височайшого указа і вираженного в указѣ Генеральной Канцеляріи повелѣнія въ полковомъ здешномъ Судѣ неисконфѣрмованна.

Полковникъ Андрей Горленко
 Полковий судія Григорій Сахновскій
 Полк. пысар Григорій Бачинскій
 (Полт. Отд. № 729).

**№ 9. Жалоба архимандрита Елецкого монастыря на Павла Шубу.
 1779-VII-23.**

В полковую черниговскую канцелярію доношение.

Владѣнія монастыря Елецкого Черниговского дворца муравенского приказчикъ репортомъ въ монастырь представилъ, что сего Іюля съ 18 противъ 19 числѣ в самую полночь вселѣ горбовѣ владѣнія Елецкого мнѣтра на подданической дворѣ, въ коемъ жителствуютъ монастырскіе подданніе Никита Бѣлогура да артѣмъ Олѣйникъ учинено въ многолюдствѣ нападеніе съ разными разбойническими орудіями. В числѣ которыхъ озорниковъ совершенно примѣченъ по рѣчамъ і по лицу и по платью, коихъ тогда от мѣсяца видно было, умершаго Петра Шубы сынъ Павелъ. И тыми озорниками насилственнымъ образомъ взять и увезенъ съ объявленныхъ монастырскихъ подданныхъ Артемъ Олѣйникъ съ женою и сыномъ Михайлою, а Бѣлогуръ держанъ в немаломъ пристрастіи и утѣсненіи. Посля того доволное время пока скоропостижно всѣ онихъ озорниковъ сотоварищи разбѣжались, показаніе же Олѣйникъ, жена его и сынъ гдѣ подѣты, неизвѣстно. А какъ таковы нападенія другъ на друга прошлѣхъ 765 и 777 годовъ Малороссійской Коллеги указами, на основаніи высочайшихъ указовъ состоявшимись, строжайше запрещены, а его сіятелства высокоповелительного гдѣна генераль-фелдмаршала и государева намѣстника гр. Петра Александровича Румянцова Задунайского высокими повелѣніями предписано: «нападчики хотя бы на что и право имѣли, должны лишатся оногo за одно свое самоволство», затѣмъ полк. черниг. канцеляріи монастырь Елецкій просить, помянутого умершаго Петра Шубы сына Павла сискавъ, въ полковой канцеляріи допросить, гдѣ объявленній подданній монастырскій Олѣйникъ с женою и синомъ имъ, Шубою с товарищи взятій, подѣтъ? с кѣмъ именно? в какомъ намѣреніи? и для чего под запретителніе указы такого

нападєніє ночной пори учинилъ? И буде тотъ Олѣйникъ останеся въ живыхъ, то в силѣ вышенамѣненныхъ законовъ, вынудъ его изъ насилнаго содержанія доставитъ на прежнее жителство въ мнѣрское владѣніє зъ семействомъ, а зъ самовольными озорниками поступитъ по всей строгости распубликованныхъ указ(ов)ъ неупустително. І о семъ учинитъ опредѣленіє.

Архимандритъ Елецкій Іероним (?) съ братією. 1779 г. Іюля 23.

1779 г. Іюля 23 числа. По слушанію сего полковая Черн. канцелярія опредѣлила: умершого Петра Шуби сину Павлу Шуби послать указъ, чтобъ онъ явился в сей полковой канц-ріи сего Іюля на 29 число непременно къ изслѣдованію противъ жалобы оногo архимандрита Елецкого зъ братією о гвалтовномъ наездѣ и взятє монастырскаго человѣка Олѣйника зъ женою.

Судья Як. Бакуринскій

Писаръ Рашевскій

(Связка 1523 Черн. Отд.).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.

- Актовая книга Стародубского городского уряда. Чернигов. 1914.
Актовые книги Полтавского городского уряда, в. I—III. Чернигов. 1912—1914.
Акты Археографической Экспедиции, IV.
Акты Западной России, т. III и V.
Акты Московского Государства, т. III.
Акты Южной и Западной России, т. III, V, VI, VIII, X, XII, XIV, XV.
Алексеенко, Малороссия в 1767 г. Киев. 1864.
Андриевский, Исторические Материалы, вып. I, III—VI, IX, X.
Антонович, Монографии, т. I. Киев. 1885.
Архив Воронцова, т. IV, VI, XX.
Архив Государственного Совета, т. I, в. 1—2.
Архив Юго-Западной России, ч. 3, т. II, IV, VI.
- Багалей, Новый историк Малороссии. Петерб. 1891.
Багалій, Історія Слободської України. Харків. 1918.
Бантыш-Каменский, Источники, т. II. Москва. 1859.
Баранов, Сенатский Архив, т. I—II. Петерб. 1872 и 1875.
Барвинский, Генеральное следствие Миргородского полка. Полтава. 1912.
« Крестьяне в Левобережной Украине. Харьков. 1909.
Барсуков, Род Шереметьевых, т. V—VII. Петерб. 1881—1899.
Белозерский, Южно-Русская Летопись. Киев. 1856.
Беляев, О круговой поруке. Москва.
Берлинский, Краткое описание Киева. Петерб. 1820.
Берх, Царствование Алексея Михайловича. Петерб. 1831.
Бобжинский, История Польши, т. II. Петерб. 1891.
Богословія нравоучительная, Львів. 1752.
Болтин, Примечания на Леклерка. Петерб. 1778.
Боровиковский, Отчет судьи, т. II. Петерб. 1894.
Брикнер, Медные деньги. Петерб. 1864.
- Васильчиков, Семейство Разумовских, т. I. Петерб. 1880.
Великие реформы, т. I. Москва. 1911.
Величко, Летопись, т. III. Киев. 1855.
Вестник Петербургского Археологического Института, т. XX. Петерб. 1911.
- Гамбаров, Вещное право. Петерб. 1909.
Генеральное следствие Нежинского полка. Чернигов.

- Генеральное следствие Черниговского полка. Чернигов. 1909.
- Герман, История русского межевания. Москва. 1910.
- Голиков, Деяния Петра Великого, т. XIII. Москва. 1843.
- Горонович, Исследование о сервитутах. Петерб. 1883.
- Грабянка, Летопись. Киев. 1854.
- Громада, т. I. Женева. 1878.
- Грушевский, Барское Староство. Киев. 1894.
- Грушевський, Історія України—Руси, VI, VII. Київ—Львів. 1906—7.
- « Студії з економічної історії. Київ. 1918.
- Ефименко, Исследования народной жизни. Москва. 1884.
- « История Украины. Петерб. 1907.
- « Южная Русь, т. I—II. Петерб. 1905.
- Журнал Министерства Народного Просвещения, 1852, III; 1871, XII; 1886, V; 1895, XII.
- Журнал Министерства Юстиции, 1907, VI.
- Загоскин, О праве владения городскими дворами. Казань. 1877.
- Закревский, Летопись Киева. Москва. 1856.
- Замечания, до Малой России относящиеся. Москва. 1848.
- Записки Научного Товариства в Київі, т. VII, XVII.
- Записки Научного Товариства у Львові, т. XXX, LXI, XC, CXII, CXVIII.
- Записки Одесского Общества Истории и Древностей, т. X, XXVI.
- Записки Черниговского Губернского Статистического Комитета, т. II, в. 1—2, 5—6.
- Иловайский, История России, т. V. Москва. 1896.
- Кавелин, Собрание сочинений, т. II. Петерб. 1904.
- Карнович, Замечательные богатства. Петерб. 1874.
- Карпов, Критический обзор разработки источников. Москва. 1870.
- Карпов, Начало исторической деятельности Богдана Хмельницкого. Москва. 1863.
- Кассо, Поземельное право. Москва. 1901.
- Качаровский, Русская община. Москва. 1906.
- Квачевский, Права женщин. Петерб. 1877.
- Кеппен, Крымский Сборник. Петербург. 1836.
- Киевская Старина, 1883, I, VI, VI, VIII, XII; 1884, I, IV, IX—XII; 1885, 1—III; 1886, I, III, IV—VII; 1887, IX; 1888, VIII; 1889, III, VII—VIII; 1890, VI, XI, XII; 1891, I, IV, VI; 1892, I, IV, X, XII; 1894, IX; 1895, VII; 1896, IV, VII; 1897, VII; 1898, IV—V, IX; 1899, I, III.
- Киевские Университетские Известия, 1874, III; 1889, II; 1890, III.
- Кириллов, Цветущее состояние, т. I. Москва. 1831.
- Ключевский, Курс русской истории, т. III. Москва. 1908.
- Ключевский, Русский рубль. Москва. 1884.
- Ковалевский, Современный обычай, т. I. Москва. 1885, 1886.
- Конисский, История Русов. Москва. 1846.
- Константинович, Обозрение Румянцевской Описи. Чернигов.
- Костомаров, Богдан Хмельницкий, т. I—II. Петербург. 1870.

- Костомаров, Русская история, т. II. Петерб. 1912.
- Кулиш, Записки о Южной Руси, т. II. Петерб. 1857.
- « История воссоединения, т. I. Петерб. 1874.
- « Отпадение Малороссии, т. III. Москва. 1890.
- Курце, Состояние России в 1650—1651 г. Москва. 1915.
- Кутшеба, Очерк истории общественно-государственного строя Польши. Петербург. 1907.
- Лазаревский, Описание Старой Малороссии, т. I—II. Киев. 1888—1893.
- « Очерки, в. III, V. Киев. 1898, 1899.
- Летопись Занятий Археографической Комиссии, т. VI, XIII, XVII.
- Лучицкий, Малороссийская сельская община. Петерб. 1883.
- « Материалы по истории землевладения, в. I. Киев. 1883.
- Любецкий Архив. Киев. 1896.
- Максимович, Выборы в Комиссию 1767 г. Нежин. 1917.
- Максимович, Собрание сочинений, т. I, III. Киев. 1876, 1880.
- Маркевич, Дневные записки. Москва. 1859.
- Маркевич, История Малороссии, т. III, V. Москва. 1842—43.
- Материалы Военно-Учебного Архива Главного Штаба, в. I. Петерб. 1900.
- Маурер, Введение в историю общинного устройства. Москва. 1880.
- Мейендорф, Крестьянский двор в системе крестьянского законодательства Петерб. 1909.
- Мемуары, относящиеся к истории Южной России, в. II. Киев. 1896.
- Местечко Борисполе. Киев. 1892.
- Миллер, Архивы Харьковской губернии. Харьков. 1902.
- « Суды земские, городские и подкоморские. Харьков. 1895.
- Милюков, Государственное хозяйство и реформа Петра Великого. Петерб. 1905.
- « Очерки по истории русской культуры. Петерб. 1904.
- Модзалевский, Генеральный судья И. Черныш. Киев. 1904.
- « Малороссийский Родословник, т. I—II. Киев. 1908.
- « Материалы, в. I—II. Полтава. 1905.
- Мотыжинский Архив. Киев. 1890.
- Наше Минуте, в. I, II. Київ. 1918.
- Нибур, Рабство, как система хозяйства. Москва. 1902.
- Обозрение Румянцевской Описи. Чернигов. 1866.
- Описание Архива Св. Синода, т. I.
- Описание документов Московского Архива Юстиции, т. X.
- Отечественные Записки. 1882, XI.
- Памятники Киевской Комиссии, т. I—III. Киев. 1846—1859.
- Патлаевский, Денежный рынок. Одесса. 1868.
- Петров, Описание рукописных собраний, т. I—III. Москва. 1891.
- Плеханов, История русской общественной мысли, I. 1917.
- Покровский, История России, т. III. Москва. 1914.
- Полное собрание законов, т. I—XXVII.

Полтавские Губернские Ведомости. 1878.
 Посников, Общинное Землевладение, т. II. Одесса. 1878.
 Права, по которым судится малороссийский народ. Киев. 1879.
 Православное Обозрение, 1874, т. I.
 Протоколы Заседаний Археографической Комиссии, т. II.
 Прыжов, История кабаков. Изд. 2-ое.
 Путешествие Макария, в. II. Москва. 1896.

Ригельман, Летописное повествование. Москва. 1847.
 Русская Старина, 1891, IX.
 Русский Архив, 1875, I; 1880, I.
 Русское Богатство, 1913, IX, X.

Самовидец, Летопись. Киев. 1878.
 Сборник в пользу недостаточных студентов. Петерб. 1895.
 Сборник летописей Южной и Западной России. Киев. 1882.
 Сборник Русского Исторического О-ва. т. VIII, XXVI, XXVIII, XXXVI, XLI,
 XLIII, XLIX, LVIII, LXI, LXIII, LXIV, LXVIII, CVIII, CXI, CXIII, CXIV, CXVII.
 Сборник Синбирский. Москва. 1845.
 Сборник Харьковского Историко-Филолог. Общества, т. III. Харьков.
 Сельское Хозяйство, т. I.
 Семеновский, Крестьяне в царствование Екатерины II, т. II, Петерб. 1901.
 Семенов, Исторические сведения о рос. торговле. Петерб. 1859.
 Сенатский Архив, т. II, IV, V, VI, IX—XII, XV.
 Сергеевич, Русские юридические древности. т. II. Петерб. 1903.
 Слабченко, Диариуш Генеральной Канцелярии. Одесса. 1913.
 « Малорусский полк. Одесса. 1909.
 « Опыты по истории права Малороссии. Одесса. 1911.
 « Центральные учреждения Украины XVII—XVIII в. Одесса. 1918.
 Соловьев С., История России, т. XI—XV. Петерб. Изд. Общ. Польза.
 Спасович, Источники чиншевого права. Петерб. 1885.
 Статистический Ежегодник Полтавского Земства, в. XVII.
 Стороженки, Фамильный Архив, т. I, III—VII. Киев.
 Струве, Крепостное хозяйство. Петерб. 1913.
 Судиненко, Материалы до отечественной истории, т. I—II. Киев. 1853—55.

Труды Вольно-Экономического Общества, т. II—III, VI, VIII—IX, XVI, XVIII,
 XXIII, XXIX.
 Труды XII Археологического Съезда, т. II.
 Труды Одесского Юридического Общества, т. I.
 Труды Полтавской Архивной Комиссии, в. I, II, VII, IX—XIII.
 « Черниговской Архивной Комиссии, в. V, X.
 « Черниговского Предварительного Комитета.

Удинцев, История займа. Киев. 1908.

Филарет, Описание Черниговской епархии. Чернигов. 1873—74.
 Филимонов, Румянцевская Генеральная Опись.

Ханенко, Диариуш. Киев. 1884.

Чтения в Киевском Обществе Нестора-Летописца. т. VI, IX, XI, XIV, XV.

Чтения в Московском Обществе Истории и Древностей. 1848, I; 1862, III; 1874, II; 1882, III; 1884, II.

Шафонский. Описание Черниговского Наместничества. Киев. 1871.

Шугаевский, Монета и счет в Левобережной Украине. Чернигов. 1918.

Щекатов, Словарь, т. II, III. Москва. 1808.

Эварницкий, История запорожских казаков, т. II—III. Пет. 1892.

« Источники, т. I—II. Владимир. 1903.

Эйхгорн, Очерк истории Малороссии. Москва. 1898.

Энгельман, Давности по русскому праву. Петерб. 1868.

Юбилейный Сборник Историко-Этнографического Кружка при Университете св. Владимира. Киев. 1915.

Юридический Вестник, 1888, III; 1889, XII; 1890, III; 1894, V.

Berthélemy, Traité de droit administratif. Paris. 1910.

Biblioteka Warszawska, 1878, I; 1898, I.

Chevalier, Histoire de la guerre des Cosaques. Paris. 1663.

Dąbkowski, Rękopismstwo. Lwów. 1904.

Dubiecki, Obrazy i studia. Warszawa. 1884.

Gierke, Deutsche Genossenschaftsrecht, I—III. Berlin. 1868.

Korzon, Wewnętrzne dzieje Polski. Warsz. 1897.

Le grand Théâtre europeen, IV. Leyden—Paris. 1775.

Lesur, Histoire des Kosaques. Paris. 1814.

Łoziński, Życie Polski. 1908.

Maciejowski, Historya włościan. Warszawa. 1874.

Nouvelle revue historique. 1907, I.

Pininski, Thatsbestand des Sachbesitzwerbes. 1885.

Rawita-Gawroński, Sprawy i rzeczy. Lwów. 1914.

« O Bohdanie Chmielnickiem. Lwów. 1905.

Uwagi nad uwagami. Kraków. 1878.

Viollet, Précis de l'histoire de droit français. Paris. 1886.

Volumina legum, III. Perepó. 1859.

Voyage des deux françaises. Paris. 1796.

Wiebe, Zur Geschichte der Preisrevolution. Leipzig. 1895.

Źródła dziejowe, V, XX.

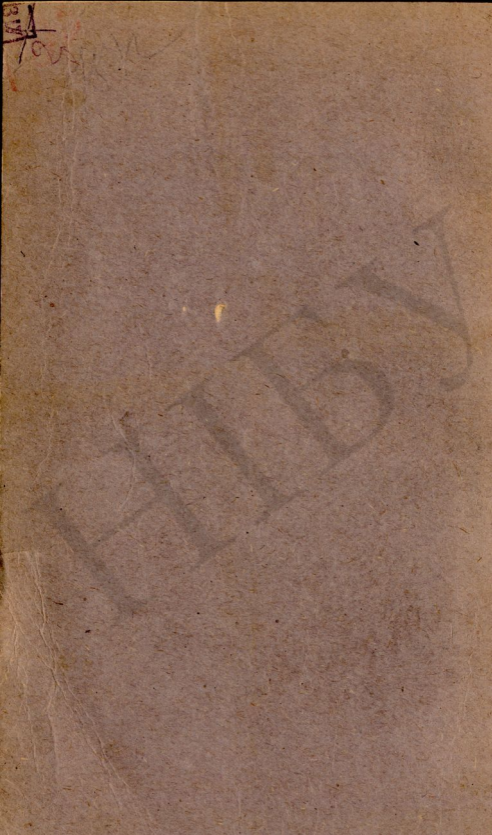
ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Введение	V
Глава I. Заселение Украины до 1648 г.—Этнографический состав населения.—Плотность населения.—Замки и замочки.—Классовые противоречия.—Социальный состав населения.—Хмельницина.—Борьба коллективного и частного начал.	1
Глава II. Occupatio. — «Вложенная праца». — Давность владения. — Типы давности.—Грамоты на недвижимости.—Обмежевание.—Учение о дворе.—Юрисдикция двора.—Родовая собственность.—Виды отчуждения недвижимости.	24
Глава III. Possessio.—Община.—Уравнительное начало.—Фольварочное хозяйство.—2 и 3-х польная система.—Типы трехполья.—Общественные земли.—Status по земле.—«Обцирклеванье». —Индивидуальность земельных участков.—Ономастика поселений.—Вопрос о круговой поруче	50
Глава IV. Земельные займы. — Ассоциации. — Сябровая организация. — Сервитуты в Старой Украине. — Толока. — Виды сервитутов.—Частный домен.	77
Глава V. Движение населения.—Стихийные бедствия.—Натуральные повинности.—Эмиграции.—Зажиточность населения.—Количество денег.—Денежный курс.—Цены.—Задолженность низов.—Протекция и ее значение	96
Глава VI. Движение земельных добр.—Легальные формы перехода имуществ.—Фамильные недвижимости.—Разделы.—Отчуждения.—Захваты имуществ и «скупли». —Монастырское землевладение.—Борьба с ним.	128
Глава VII. Ранговые и свободные земли.—Пожалованья.—Таянье земельного фонда.—Рост помещичьих земель.—Вотчинное право.—Невольники.—«Свободный» рабочий и его заработная плата.—«Надворные». — Переходы, размеры их и борьба с ними.—Иностранная колонизация. — Осадничество. — Сельско-хозяйственная техника. — Интенсификация крупного хозяйства.	154
Глава VIII. «Дворцовое хозяйство», его размеры и управление.—Обязанности дворового населения.—Отношения между помещиком и крестьянами. — Рента. — Работизны. — Куничники. — Огородники.—Скопычи.—Подсуседки.—Аренда земли.—Чинш.—Здырства.—Крестьянские движения.—Заключение	179
Приложения	207
Источники и литература	218

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
2	6 снизу	трудились	грудились
6	8 «	люду	люда
13	7 сверху	в течение	в продолжение
14	11 снизу	казаки	короли
«	5 «	историков	историков и... поэтов
24	11 «	им	ими
27	8 сверху	их	ее
31	7 «	смежные	межные
43	« «	условной	условности
46	4 «	факты	факта
48	8 снизу	суверинитета	суверенитета
71	6 сверху	одинаковых	одинаковых долей
72	4 снизу	Максима	Максимова
76	1 сверху	заимки	доимки
78	10 «	просмотрены	не досмотрены
87	9 «	универсальной	интегральной
«	16 снизу	бобровников	бобровников
107	1 «	Патмаевский	Патлаевский

LIBRARY

LIBRARY

HIBLY

